

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 • 2006

Москва

Ψλ

УЧРЕДИТЕЛЬ – Институт языкознания Российской академии наук, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Ф. Тарасов – главный редактор
О.В. Балясникова – ответственный секретарь
А.А. Залевская
В.И. Карасик
И.Ю. Марковина
Е.Ю. Мягкова
И.Г. Овчинникова
Ю.А. Сорокин
И.А. Стернин
Н.В. Уфимцева
В.И. Шаховский
Л.А. Шкатова

Редактор-составитель выпуска – Н.В. Уфимцева

Научный журнал теоретических
и прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Перепечатка материалов из журнала
допускается только по согласованию с редакцией

© Институт языкознания РАН, 2007

Подписано в печать 25.05.2007.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз. Зак № 102.

Отпечатано АП «Полиграфия», г. Калуга, ул. Тульская 13а.
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
<i>Р.М. Фрумкина.</i> Как я стала психолингвистом	5
ИСТОРИЯ ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>А.А. Леонтьев.</i> Психолингвистика в рекламе	7
<i>А.М. Шахнарович.</i> Мышление, коммуникация, речевая деятельность: онтогенез языкового значения	25
<i>И.Г. Овчинникова.</i> Л.В. Сахарный и А.С. Штерн	32
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	
<i>И.Г. Овчинникова.</i> О коннекционистской интерпретации речевой деятельности	37
<i>Д.А. Леонтьев.</i> От слова к реальности: возможности языка и онтологический статус сообщения	47
<i>Е.С. Никитина.</i> О семиотической природе сознания	54
<i>В.И. Шаховский.</i> Эмоции - мотивационная основа человеческого сознания	64
<i>Е.Ф. Тарасов.</i> Образ России: методология исследования	69
<i>А.В. Павлова (Германия).</i> Психолингвистический аспект инверсии	73
<i>Ю.А. Сорокин.</i> Лингвокультуральные конфликты: ретроспективный анализ	80
<i>Н.В. Уфимцева.</i> Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня	92
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>А.П. Василевич.</i> Что у трезвого на уме...	101
<i>Е.И. Горошко (Украина).</i> Интернет-технологии сквозь призму языкового сознания (гендерный анализ)	113
<i>А.А. Григорьев, Б.Н. Измалков, М.Ф. Казакова.</i> К вопросу о представленности природных объектов и артефактов в языковом сознании	122
<i>А.А. Боронин.</i> Феномен непонимания и интерпретация художественного текста	134
<i>Н.А. Лемяскина.</i> Экспериментальное исследование коммуникативной личности младшего школьника	142
<i>В.Е. Гольдин.</i> Русская ассоциативная лексикография и исследование возрастной динамики ассоциативных полей	148
<i>Е.И. Беляева-Станден (США).</i> Гендерные особенности комплимента россиян	155
ДИСКУССИИ	
<i>И.А. Стернин</i> Значение в языковом сознании: специфика описания	171
РЕЦЕНЗИИ	
Нашего полку прибыло (об учебнике «Психолингвистика» под ред. Т.Н. Ушаковой).	180
<i>Н.М. Юрьева</i> Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. Экспериментальные исследования. М.: ИЯЗ РАН, 2006. – 487 с.	181
<i>К.Я. Сигал</i> Синтаксические этюды / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2006. – 156 с.	183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	197
ABSTRACTS OF ARTICLES	198
ИНФОРМАЦИЯ	201

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2006 г. исполнилось 40 лет существования теории речевой деятельности (ТРД). ТРД – это название отечественной психолингвистической школы, основы которой заложил А.А. Леонтьев.

Психолингвистика – стыковая (пограничная) дисциплина, возникшая для решения проблем производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения, по определению содержит психологический и лингвистический понятийные аппараты. Для формирования психологического аппарата при создании психолингвистических школ обычно используется психологическая теория, которая к моменту создания конкретной психолингвистической школы наиболее адекватно объясняет психические процессы человека, лежащие в основе процессов речевых. Такое же требование предъявляется и к лингвистической теории, из которой заимствуется понятийный аппарат для описания языковых единиц в системе языка и в речевой цепи.

При построении ТРД А.А. Леонтьев в качестве психологической теории использовал общепсихологическую теорию деятельности как теорию, наиболее адекватно описывающую и объясняющую активность человека. Для формирования лингвистического аппарата ТРД А.А. Леонтьев предложил представления из лингвистической доктрины академика Л.В. Щербы.

ТРД может поставить себе в заслугу решение следующих проблем. Усилиями А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной-Рябовой, И.А. Зимней и др. были созданы вполне адекватные представления о процессах производства и восприятия речи. А.А. Леонтьев своей работой «Психология общения» (Тарту, 1974) положил начало разработке психолингвистической концепции речевого общения. Стараниями членов психолингвистической школы А.А. Леон-

тьева возникли многочисленные работы по решению проблемы изучения и описания межкультурного общения, которые привели к формированию новой научной дисциплины, получившей название этнопсихолингвистики. В рамках проблематики речевого общения были сделаны попытки решения вопросов речевого воздействия (Е.Ф. Тарасов).

В последние годы при решении проблем производства и восприятия речи в интер- и интракультурном общении было сформировано представление о языковом сознании. Языковое сознание – это совокупность подходов, методов и методик анализа процессов использования знаний при производстве и восприятии речи, которое пришло на смену менее адекватному представлению о значении слова как способа описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения. В ходе решения проблем языкового сознания были созданы и продолжают создаваться ассоциативные словари разных языков, которые дают возможность проводить сопоставления языкового сознания носителей разных языков и культур.

Симпозиум по психолингвистике, прошедший в 2006 г., как и многие другие проходившие в течение сорока лет, служит средством координации усилий психолингвистов, работающих на территории государств бывшего СССР. Этим номером «Вопросы психолингвистики» мы отдаем дань памяти А.А. Леонтьева, своими трудами положившего начало теории речевой деятельности, которая успешно развивается, помогая решать теоретические и прикладные проблемы речевой активности людей.

Е.Ф. Тарасов

Р.М. Фрумкина
КАК Я СТАЛА ПСИХОЛИНГВИСТОМ

Наука о языке столь же многолика, как и сам язык. Лингвисты никогда не были едины ни во взглядах на то, *что* важнее всего изучать, ни во взглядах на то, *как именно* следует это делать. На филфаке МГУ я получила хорошую подготовку как романист – как никак, я свободно владела испанским, весьма неплохо – французским, пристойно – латынью, а также старофранцузским и староиспанским. Так что диплом с отличием я вполне заслужила. Однако никаких идей, как в дальнейшем распорядиться этими познаниями, у меня не было.

Вообще-то я с юности намеревалась заниматься наукой. Но вопрос о том, что это значит и какую цену за это придется заплатить, в 17 лет не возникает. Борис Дубин, замечательный литератор, переводчик и социолог, недавно написал, что он в юности он представлял себе занятия наукой как свет лампы с зеленым абажуром, тишину и полки с книгами. В общем, «*для юноши, в ночи глядящего эстампы*» так оно и должно быть. В реальности же Дубин начинал с того, что возил тачки с книгами в книгохранилище «Ленинки». Я тоже дышала книжной пылью в подвале библиотеки Института языкознания АН СССР, – правда, занимаясь более «интеллектуальной» деятельностью: размечала книги и журналы и составляла библиографические описания.

Как показало все, что случилось потом, для нас обоих библиотека оказалась не столько работой, сколько посвящением в профессию. [Фрумкина 2005]. Так что мой дальнейший путь не оригинален. Впрочем, начальные шаги описаны в мемуарных очерках «О нас – наискосок». [Фрумкина 2002].

Известность мне принесли попытки приложить статистические методы к изучению отношений между текстом и его словарным составом. Для начала 60-х мои результаты были своего рода прорывом, так что А.А.Реформатский, заведовавший

Сектором структурной лингвистики ИЯЗ АН СССР, где я тогда работала, обоснованно настаивал на их оформлении в виде диссертации и монографии.

Текст я написала довольно быстро. Затем пришлось засесть за подготовку к кандидатским экзаменам. В отличие от того, что мне приходится наблюдать нынче, тогда эти экзамены вовсе не были формальностью. Тем более, что экзамен по специальности надо было сдавать самому А.А. Тогда я и прочитала одну из многих работ замечательного психофизиолога речи Л.А.Чистович – «Текущее распознавание речи человеком» – и испытала ощущение распахнувшегося горизонта, которое помню по сей день.

Подчеркну, что не эта работа Чистович считается самой замечательной – но в моей жизни именно она сыграла особую роль. Я вдруг поняла, что я как бы «задумана» самой природой как экспериментатор. Именно *вдруг* и именно *задумана природой* – как ни странно и даже несколько напыщенно это звучит. Хотя психолингвистикой я тогда не интересовалась, сегодня я понимаю, что для меня как для исследователя это был переломный момент.

Психолингвистику как научное направление (более уместным мне кажется определить ее как совокупность весьма разных научных программ) отличает сосредоточенность на том, что *на самом деле* происходит в нашей психике в процессе порождения и восприятия текста. *Langue* Соссюра – вне компетенции психолингвистики, у нее другой предмет. При всем разнообразии проблематики, которой я занималась после выхода книги «Статистические методы в изучении лексики» (1964), я прежде всего стремилась понять, «что мы делаем, когда говорим и думаем». Но ведь психолингвистика занята именно этим! Во всяком случае, я полагаю, что она должна быть этим занята...

Так или иначе, «официальный статус» психолингвиста я получила в 1976 году в результате чисто административных передряг, а вовсе не в силу изменения своих интересов. Так что мне не пришлось что-либо менять - моя область занятий не требовала какой-то адаптации к тематике Сектора психолингвистики, куда тогдашняя дирекция нас с А.П.Василевичем «отправила», не только не спросив нашего мнения, но даже не уведомив. (Воспользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за подлинную толерантность нашего заведующего Е.Ф.Тарасова, которого, как я понимаю, тоже поставили перед фактом).

С тех пор «много воды утекло под мостами».

Выходили книги и статьи, научно-популярные очерки и эссе; мемуары и статьи на темы, которых мне не пришло бы в голову коснуться прежде. Я писала о культурном контексте, в котором в разные годы существовала наука о языке; о роли теорий среднего уровня в гуманитарных науках; о месте лингвистики в изменившемся пространстве гуманитарных наук – таких, как история, социология, науки о литературе.

А еще я написала учебник «Психолингвистика», где сделала попытку сопроводить конкретный курс по данной дисциплине более общими сведениями о том, как

мы познаем. Кроме того, с учетом включения учебного курса «Психолингвистика» в программы педагогических вузов, я попыталась написать «самодостаточный» учебник, то есть книгу, которая не требовала бы от студентов обязательного обращения к десятку других пособий, которые, скорее всего, отсутствуют в провинциальных библиотеках. Исключение я сделала для учебника А.А.Реформатского «Введение в языкознание»: не забудем, что «поставлен им краеугольный камень».

Вот и 2-е издание вышло...

Думаю, что опыт работы в науке и в особенности - опыт оформления своих размышлений в виде сжатых текстов, позволил мне стать еще и «сетевым» автором.

Любопытствующих и сочувствующих отсылаю к сайтам:

<http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/frumkina/index.html>

<http://www.polit.ru/science/>

<http://www.index.org.ru/journal>

<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx?filter=WP6>

http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011225.html

Литература

1. Фрумкина Р.М. Что видится на расстоянии? Знамя, 2005, № 7.
2. Фрумкина Р.М. Внутри истории. Эссе, статьи. Мемуарные очерки. М., 2002.

ИСТОРИЯ ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Леонтьев

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В РЕКЛАМЕ

Два впервые публикуемых здесь текста представляют собой обработанные стенограммы устных выступлений А.А. Леонтьева, датированных началом 1990-х годов. Известно, что А.А. Леонтьев вместе с рядом сотрудников возглавлявшейся им группы психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН еще в конце 1960-х гг. выполнял исследования в этой области по заказу советских внешнеэкономических ведомств – во внутренней торговле по понятным причинам не было и не могло быть настоящей рекламной деятельности. Эти исследования нашли отражения в некоторых публикациях того времени (напр.: Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Сорокин Ю.А., Дергачева Л.А. Психологические аспекты восприятия рекламы и пути повышения ее эффективности // *Общая и прикладная психолингвистика*. - М.: ИЯ АН СССР, 1973. С. 173-184).

Когда с начала 1990-х гг. в стране стали возникать элементы рыночной экономики, это не могло не стимулировать развитие рекламной индустрии. И хотя исследования и вообще интеллектуальная составляющая рекламной деятельности еще долго не пользовались сколько-нибудь заметным спросом, автором данной вступительной заметки в 1992 году была организована рекламная психологическая лаборатория НПФ «Смысл», к участию в которой был привлечен и Алексей Алексеевич. Первый из публикуемых ниже текстов – стенограмма выступления А.А. Леонтьева на научно-практической конференции «Реклама как точная наука», организованной в конце 1992 года, а второй – стенограмма выступления на внутреннем учебном семинаре рекламной лаборатории примерно в то же время. Планировалось издание сборника, в который должны были войти оба текста, но это издание не состоялось. Для него стенограммы подверглись редакционной обра-

ботке и даже (с согласия автора) частичной перекомпоновке. Оба текста входят в книгу А.А. Леонтьева «Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации» (под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина), издание которой запланировано на конец 2007 года. Подготовка рукописей к печати и вступительная заметка выполнены Д.А. Леонтьевым.

Психологические и психолингвистические основы рекламы

Группа, руководимая мною, начала практически заниматься психологией и психолингвистикой рекламы еще в конце 60-х годов. Я нашел свою популярную книжку, изданную в 1966 году, она называется «Языкознание и психология», где была, можно сказать, первая публикация по психологии рекламы в те годы. (Хотя психологией рекламы у нас много занимались в 1920-е годы, но это все было совершенно забыто.) Наша группа психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания Академии наук работала тогда, я помню, с двумя фирмами - "Автоэкспорт" и "Тракторэкспорт". Мы экспертировали их рекламы, адресованные на Запад, на Восток и вообще за границу. Что нам давали на экспертизу тогда, представить довольно трудно, я еще к этому вернусь.

Что же такое с психологической, психолингвистической стороны процесс рекламы?

Сущность этого процесса – в определенном воздействии на психику ее реципиента, которое вызывает желаемые изменения в его установках, мотивах, вообще в его личности, в его сознании, подсознании, в его поведении, действиях и поступках. Дальше я буду говорить вместо «реципи-

ент» – «адресат рекламы», имея в виду того, на кого мы рассчитываем рекламу. В этом смысле психология рекламы очень близка психологии массовой коммуникации – прессы, радио, телевидения: в сущности, это та же область. Недаром курс, который я много лет читал на факультете психологии МГУ, назывался "Психология общения в больших системах", – имелась в виду и массовая коммуникация, и реклама. (Тогда само понятие массовой коммуникации было нон-грата, потому курс так и назвали).

Я попытаюсь этот процесс рекламирования очень кратко охарактеризовать по последовательным этапам, по последовательным задачам, которые приходится решать рекламисту, автору и творцу рекламы. К сожалению, должен сказать, что большинство этих задач большинство из тех, кто занимается производством рекламы, не то что не решает, но даже их не ставит и не видит. Они действуют исключительно интуитивно – нравится ли эта реклама мне и моему начальству. Я попытаюсь сейчас занять обратную позицию – говорить не о субъективных моментах (где хорошая реклама, где плохая), а об объективных: где реклама, полноценно решающая свои задачи, а где их не решающая, вообще этим задачам не отвечающая.

Итак, первая задача, которая перед нами стоит – это обеспечить канал воздействия рекламы, чтобы возникло какое-то взаимодействие между рекламой и ее адресатом.

Сюда относится прежде всего техническое обеспечение этого канала. Вот почему телевидение берет за минуту рекламы в определенные часы много больше денег: прежде всего потому, что налажен канал, потому что адресат, зритель телевидения уже готов включиться в эту рекламу, его не нужно заставлять выходить на нужный канал. И вероятность того, что он выключит или переключит телевизор, значительно меньше в определенные часы, когда телевизор обычно включен. Вот в эти-то часы за рекламу берут больше и правильно делают, потому что половина работы уже сделана.

Дальше важен второй этап – то, что можно назвать условно психологическим включением в этот канал. Когда мы занимались восприятием радиопередач, у нас был термин "отвлечься от котлет". Вы представляете себе домохозяйку, которая жарит котлеты и в то же самое время слушает радио? Но ведь у нее одно восприятие рекламы, когда она занята котлетами, и совсем другое, когда она обращает внимание на текст, который идет, забывает о котлетах и начинает вслушиваться в текст. Перед рекламной афишей на улице человек должен все-таки остановиться, обратить на нее внимание. Часть рекламной энергии уходит именно на это, причем здесь имеются достаточно жесткие закономерности. Во всяком случае, я берусь, взяв рекламную страницу любой газеты, предвидеть, – то есть, не предвидеть, а именно знать, – какое из объявлений будет читаться первым. Кстати, в семидесятые годы была разработана психологическая методика, позволяющая взять газетный лист и на нем изобразить движение глаза читателя. В свое время она, по-моему, не была задействована.

Следующая задача – мало обратить внимание на рекламу, адресат еще должен ее принять, то есть должен возникнуть эффект доверительности, доверия по отношению к источнику рекламы. Это принятие означает: я решаю, "мое" это или "не мое". Мне это интересно, или черт с ним, меня это не касается. Этот эффект доверительности может возникать до восприятия рекламы, когда есть установка – все, что исходит из определенного источника, мне интересно, я буду читать или смотреть, потому что я уже знаю, кто рекламирует, кто автор этой рекламы и о чем эта реклама; одним словом, реклама меня уже с самого начала интересует (на подобной установке хорошо играет банк "Империал"). Или такое отношение доверительности и личности может возникать во время восприятия рекламы как его результат. Но – возникло ли оно до или во время восприятия рекламы – оно совершенно необходимо для

эффективности любой рекламы. Причем тот личностный крючок, на который мы ловим адресата рекламы, может быть любым, но он должен обязательно быть.

И если на предшествующих этапах были какие-то универсальные характеристики – профессиональная реклама или нет, обращает на себя внимание или нет, – то здесь уже должно быть точное попадание именно в данного адресата, в данную социальную или профессиональную группу, в данный возраст – и это попадание обязательно должно быть дифференцированное, на это надо обратить внимание.

Впрочем, даже дихотомия профессиональная–непрофессиональная здесь тоже имеет место. Одна из страховых компаний, вероятно, хорошая компания, в течение примерно двух месяцев печатала во всех центральных газетах одну и ту же рекламу, сердцевиной которой была фотография (причем совершенно явно смонтированная) семьи, которая застраховывается. Семьи поразительных, как будто специально подобранных по отсутствию всякого интеллекта и вопиющей безвкусице внешнего вида, мордovorотов. Это было непрофессионально. Я сильно сомневаюсь, чтобы зрелище этой дебильной компании кого-нибудь вдохновило застраховаться.

Вы можете сказать – у них стратегия была такая. Но тут дело не в стратегии, это была тактическая ошибка. Причем раза два в прессу проникла аналогичная фотография, вполне пристойная, но почему-то в большей части печаталась именно эта.

Альтернатива? Это общеизвестные американские мальчики, курящие сигареты, продуманные до деталей, вызывающие совершенно определенное отношение у определенного, между прочим, адресата. И разные сигареты, и разные мальчики адресованы разным курильщикам, разным потребителям рекламы. Я допускаю, что кому-то, особенно из молодежи, очень симпатичны культуристы и то, что теперь называется бодибилдинг. Но я, например, как и многие люди моего поколения и моего менталитета, отношусь к этому роду чело-

веческой деятельности с отвращением и поэтому, если я увижу любую рекламу с использованием бодибилдинга, она у меня вызовет немедленную реакцию отторжения. Поэтому здесь необходима огромная, не просто пилотажная, а серьезная исследовательская работа, которая связана и с социальной психологией, и с возрастной, и с психологией личности. И обойти решение этой проблемы в грамотной рекламной деятельности просто невозможно.

И в этой связи другая задача – как создать имидж источника рекламы, который обеспечивал бы на данном уровне доверие и позитивное личностное отношение к источнику рекламы, ну, скажем, компании или банку. Я должен признать, что сегодняшняя телевизионная реклама, например, в этом отношении просто чудовищна. То есть, она работает в значительной степени против имиджа компании-рекламодателя. Она чудовищна также и по причине полной ее безадресности. Вернее, она имеет свой адрес, но из десятков миллионов телезрителей ее адресатами являются в лучшем случае несколько десятков тысяч. Причем мы как будто специально программируем, что у этих десятков тысяч она даст положительный эффект, а у всех остальных десятков миллионов даст отрицательный. И я далеко не уверен, что это здравая точка зрения.

Еще об адресности. В конце 1960-х годов, работая с Трактороэкспортом, мы обнаружили рекламный текст, который был ориентирован на Ближний Восток – туда экспортировали какой-то трактор. В начале этого текста в качестве большого достоинства данного трактора отмечалось, что он прекрасно проходит по глубокому снегу. Я бы на месте ближневосточных партнеров с этого места просто перестал читать рекламу. Боюсь, что они так и делали. У Автоэкспорта мы обнаружили адресованную Афганистану, если не ошибаюсь, рекламу мотоцикла, которая изображала весьма смело одетую – в короткие кожаные штанишки – очень накрашенную девицу, которая сидела на мотоцикле сзади молодого

человека, обнимала его одной рукой, а другой держала зажженную сигарету. Мы заподозрили, что на мусульманскую и довольно ортодоксальную страну, которой является Афганистан, эта реклама, мягко выражаясь, не самая лучшая. Мы сделали эксперимент. Конечно, афганцев у нас тогда не было под руками, и мы взяли московских старух-татарок, которые сохранили исламское отношение к действительности. Должен вам сказать, что эти десять-пятнадцать старых московских татарок, которым мы предъявили без всяких комментариев эту рекламу, плевались совершенно невероятным образом. Думаю, что плевались и афганцы, которые должны были, по идее, соблазниться этим мотоциклом.

Даже психолингвистически, с точки зрения языковых психологически значимых особенностей текста, реклама часто запрограммирована на негативный эффект. Возьмем название "Экорамбус". Я фиксирую такие ассоциации, которые у меня вызывает это слово – автобус, Карабас-Барабас и испанское ругательство каррамба. Я решил проверить и спросил свою восьмилетнюю дочь, на что похоже слово "экорамбус". Она без колебаний ответила, что это осьминогое существо. Я далеко не уверен, что создатели слова "экорамбус" рассчитывали на такое восприятие.

Допустим, что мы решили все эти задачи – канал технически обеспечен, внимание привлечено, позитивное отношение тоже обеспечено. Осталось решить главную задачу – воздействовать на человека конкретным рекламным текстом. Когда я говорю "текст", это не значит, что имеется в виду только словесный текст. В моем понимании текст может включать и зрительные образы, и систему того и другого.

Но на пути к воздействию этого текста мы должны решить одну более общую психологическую задачу – сделать так, чтобы текст был прочтен, вообще был воспринят. Это, во-первых, требует четкого учета мотивов, причин, по которым я должен читать. Как бы я хорошо ни относился априорно к какой-нибудь фирме, произво-

дящей трубы, но зачем мне читать рекламу труб? Ко мне никакого отношения это не имеет, и я читать эту рекламу заведомо не собираюсь. Во-вторых, даже если у меня есть мотив, то должен быть и все время поддерживаться также и интерес. И в-третьих, текст должен быть мной понят, только тогда он будет воздействовать.

У меня есть мотив читать рекламу акционерного общества РИНАКО, у моей фирмы есть с ними дела. Но опубликовавшаяся одно время в ряде газет реклама РИНАКО, да простят мои коллеги из РИНАКО, написана так, что мотив-то есть ее читать, но к концу первого абзаца мой интерес к этой рекламе полностью пропадает, она написана скучно и неинтересно. Выясняется, что ее можно было не читать.

Ближе всего мне лично, как психолингвисту, проблема понимания текста. И здесь тоже огромное исследовательское поле. Я даже не могу перечислить конкретно все исследовательские проблемы. Остановлюсь только на трех.

Первое – это психолингвистическая организация текста как такового, прежде всего его связность. Необходимо, чтобы одна часть текста плавно переходила в другую и эта связь чувствовалась бы мной, читателем. И вторая характеристика текста – его цельность, когда текст воспринимается как нечто единое, структурированное, осмысленное, имеющее свои начало и конец и свою внутреннюю структуру. Это свойство любого хорошего текста, любого правильного текста, а не только рекламного¹. Существует довольно любопытное исследование, сделанное доктором психологических наук Тamarой Моисеевной Дридзе, по предикативной структуре текста, где показано, что в хорошем, нормальном тексте есть всегда одна центральная мысль и от нее, как от ствола дерева, ответвляются предикации, мысли второго порядка, а затем и третьего. То есть, существует вполне

¹ Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979.

определенная и четкая организация этого текста¹. К сожалению, в рекламных текстах такую внутреннюю четкую организацию не всегда можно обнаружить. Вот, например, сейчас постоянно печатается реклама компании БАНСО, которая построена как беседа двух старушек насчет того, чтобы этой БАНСО продать квартиру. Сама по себе реклама неплохая. Но ее дочитать до конца мне ни разу не удалось, потому что она внутренне распадается, написана с точки зрения общей структуры текста очень неудачно.

Кстати, эта цельность, ощущение единства текста, важно еще и потому, что большинство людей рекламу вообще не читают, ее просматривают, как и любые другие газетные материалы. Поэтому важно, чтобы текст, как у нас говорят, мог быть легко скомпрессирован, легко бы сжимался, чтобы можно было четко и без проблем выхватить из текста ключевые места и, соединив их, получить столь же осмысленное содержание. Вот как раз цельность текста и есть условие возможности, не читая весь текст, все-таки синтезировать его содержание по отдельным ключевым местам.

Вторая проблема – это вариантность текста, то есть ориентация этого рекламного текста на разные цели и задачи и на разного адресата, на разные семиотические группы. Опять сошлюсь на Тамару Моисеевну Дридзу, которая ввела это понятие. Цели не всегда совпадают с возрастными, профессиональными, социальными и так далее группами. Какие цели здесь могут иметься в виду? Ну, скажем, создание имиджа фирмы – реклама может быть направлена не на то, чтобы продать данный товар, а на то, чтобы создать у адресата определенное отношение к фирме. Вторая возможная цель – сообщить некоторое новое знание. Ну, скажем, переезд фирмы МММ. Это не реклама того, что продает МММ, это просто сообщение, что ее надо

искать там-то, а не там-то. Или – появление на рынке новой, более совершенной модели компьютера. Еще одна возможная цель – побуждение адресата к покупке данного товара, именно данного. И вот здесь возможны опять-таки очень разные варианты. Почему я должен купить именно этот товар? Потому что он мне нужен – это один мотив, потому что он дешевле – второй мотив, потому что мне идти недалеко, чтобы его купить, – третий мотив, и так далее.

Конечно, они, как правило, выступают все вместе, но доминирует всегда какой-то один. И вот здесь опять-таки встает проблема мотивов, хотя и по-другому, в другом плане. Учитывать при составлении рекламы это необходимо. Тем не менее, подавляющее большинство газетных реклам, с которыми я сталкиваюсь, – это не столько рекламы, сколько информации. Они психологически совершенно нейтральны, никаких моих мотивов там не учитывается. В лучшем случае они работают на цели информации.

Здесь снова встает проблема моего, адресата, отношения, на этот раз уже не к сообщению как таковому и не к его источнику, фирме, а к его конкретному содержанию. То есть, к товару, который в данном объявлении рекламируется.

Конечно, мое отношение к товару будет как-то связано и с отношением к фирме-производителю, фирме-рекламодателю. Но, с другой стороны, не все, что производит данная фирма, хотя мне очень и симпатичная, нужно и симпатично мне и я это куплю, и вообще поставлю перед собой вопрос о том, купить это или не купить.

Но может быть еще и более интересная задача рекламного текста, о которой практически мы сейчас не думаем. Это задача изменения у меня, у адресата, ценностных ориентаций. Вы думаете купить товар потому, что он дешевле? Так нет, лучше идите к нам – вы купите, конечно, подороже, но зато вам обеспечен гарантийный сервис на пять лет.

Третья проблема – проблема односторонности всех компонентов воздейст-

¹ Дридза Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.

вия текста. Мы уже сталкивались с этим – название фирмы, название товара должны в плане своей психологической выразительности соответствовать основной задаче воздействия. Компьютерные программы "Отзвук", "Радуга" и "Эхо" довольно хорошо работают на решение этой проблемы. Могу привести пример. Мы прогнали название моей фирмы "Митридат" через программы, получился такой результат – значимые характеристики: маленький, гладкий, мелкий, безопасный, нежный, добрый, мягкий, женственный. Поскольку фирма занимается преподаванием иностранных языков, а там, в основном, естественно, женщины, то нас вполне устраивает такой звуковой образ названия. Д.А.Леонтьев сообщил, что очень близкий звуковой образ получился для слова МЕНАТЕП, – вряд ли это согласуется с их собственными намерениями. У них должно быть что-то мужественное, по-видимому. Нас же доброта, нежность и мягкость устраивают как подсознательные оценки. Подавляющее большинство людей, даже довольно интеллигентных, не знают, кто такой Митридат. Для них он такая же заумь, как Экорамбус или Ринако.

Последняя психологическая задача. Как будто все решено у нас – канал обеспечен, внимание привлечено, отношение сформировано, текст правильно адресован, текст понят, текст внутренне целостен по характеру воздействия. Осталась только одна мелочь, а именно – добиться, чтобы адресат совершил нужный поступок. Не просто хорошо отнесся к моему товару, а пошел бы и его купил. Вот эта задача решается сейчас, в существующей рекламе, очень редко. То есть, мне говорят: это хорошо у нас, вот это ново, это тебе годится ... А дальше я начинаю искать – а где бы это находилось, где же эта улица? Да черт с ней, с Газгольдерной, я туда не поеду, а лучше пойду куда-нибудь поближе и куплю что-нибудь подороже. А то вот еще новая мода: давать только телефон. То есть дело не доводится до конца, не обеспечивается последнее звено в цепочке. Практически эта

проблема решается так: в рекламу встраиваются карты-схемы, которые как раз работают на решение этой задачи – делают так, чтобы я все-таки дошел до этой фирмы, а не просто к ней хорошо относился.

Я, наверное, изложил только половину всех психологических требований, которые можно и нужно предъявлять к рекламному сообщению, к рекламному тексту. Уже из того, что я сейчас рассказал, видно, что психологически грамотная реклама предполагает самый сложный комплекс требований, которые должны учитываться, причем другой вопрос – каким образом эти требования надо учитывать. В каких случаях нужны, скажем специальные исследования, и не стоит жалеть деньги на такое исследование, – чтобы четко определить своего адресата, например, потом это обойдется дороже. С другой стороны, существуют методики оценки конкретного сообщения. Существует возможность еще так называемой экспертной оценки, которая тоже должна быть грамотно построена. Что значит экспертная оценка? Это не значит, что я приглашаю некоего господина, который кончал психологический факультет, называю его экспертом и спрашиваю – хороша эта реклама или плоха? Существует совершенно четкая методика проведения психологической экспертизы, и она должна соблюдаться, тогда результаты будут полезными.

Мне остается только сказать, что тому комплексу психологических требований, которые должны предъявляться к рекламе, из сегодняшней рекламы отвечают считанные единицы. Нужно пропагандировать среди заказчиков необходимость психологической грамотности любой рекламы.

Психолингвистика рекламного текста

Я занимался рекламой в нашей стране тогда, когда ею никто не занимался. Дело было 25 лет тому назад, когда была только одна официальная организация в Советском Союзе, которая профессионально занималась не только теорией, но и практикой рекламы. Исследовательская группа

психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания Академии Наук не только писала статьи и вела семинары, но еще работала по заказу фирм, которые были заинтересованы в улучшении своей рекламы. В частности, это были Автоэкспорт и Тракторэкспорт. Я попытаюсь в той или иной форме поделиться сегодня, в частности, и тем, что мы в свое время поработали.

Что такое рекламный текст и вообще текст? Это любой структурно организованный продукт общения, организующий само общение, то есть это любая, не обязательно речевая или языковая, структура, отчужденная от человека и используемая для воздействия, для общения с этим человеком той или иной социальной группой, социальным институтом. Это способ общения или орудие общения социальной группы, формальной или неформальной, с конкретным человеком. Я подчеркиваю, это не обязательно языковой, речевой текст. Плакат, на котором, собственно говоря, может и не быть текста или текст играет вспомогательную роль, есть тоже текст. Рекламное объявление в газете тоже есть текст, совокупность телевизионной рекламы, а не только речевка – есть текст, и это необходимо учитывать.

По-моему, нет такого закона рекламы, который не было бы нарушен на нашем телевидении, начиная с адресованности. Телереклама не адресована, она занимает самое горячее и дорогое время, между тем те люди, на которых она потенциально может быть рассчитана, составляют доли процента от потенциальных телезрителей. Абсолютно нарушен второй закон рекламы – ее мотивированность или ориентировка на определенные мотивы. И я уже не говорю о том, что совершенно непонятно, для чего она. То есть, какова ее операциональная направленность. Если я, допустим, обнаруживаю в американском или немецком журнале рекламу нового электронного прибора, то ясно, что меня убеждают, чтобы я или сменил устаревший на новый, потому что новый лучше потому-то и потому-то, или чтобы я согласился, что мне

этот прибор нужен, пошел бы в такой-то магазин и там бы купил. Но что я должен делать, посмотрев нашу телевизионную рекламу? Говорилось, что у нас это способ общения между производителями или посредниками рынка, допустим, между биржами. Но, простите, тогда это не реклама и она должна размещаться не в этом канале и не в это время и не в этой форме. Потому что если реклама биржи – это способ общения между биржами, то тогда и содержание этой информации должно быть другим. Там должны быть высвечены те вещи, которые существенны для биржевиков или потенциальных клиентов этих бирж. Наша же реклама фиксирует чаще всего только само существование данной биржи, причем ничего не говорится о том, чем эта биржа отличается от других бирж, и почему надо идти туда, а не куда-нибудь еще. Поражает абсолютный непрофессионализм с любой точки зрения. Но биржевик не обязан понимать, как надо делать рекламу, для этого есть люди, которые должны это профессионально делать.

Тексты в рекламе имеют три основные функции: собственно рекламную, информационную и пропагандистскую. Рекламный текст промежуточен между информационным и пропагандистским. Реклама добывается от меня, от потребителя, или смены установки, или создания новой установки, или непосредственного действия. В конечном счете – всегда действия, умственного или непосредственного – пойду я в этот магазин сию минуту или у меня где-то ляжет в голове данная информация и, проходя однажды случайно мимо магазина, я в него зайду – это сейчас не важно. С другой стороны, это еще и информация. Это еще и пропаганда, потому что независимо от моих социальных действий, независимо от конкретных операций, которые я должен совершить с содержанием этой рекламы, есть еще и момент влияния на мое смысловое поле в целом. Скажем, даже сам факт появления рекламы биржи, независимо от того, пойду ли я на биржу, есть в каком-то смысле пропагандистский момент – меня

втягивают в некую новую для меня систему отношений, втягивают в новую социальную, социально-психологическую и экономическую реальность. Мне довольно часто приходилось бывать на Западе, там я стараюсь смотреть ТВ и, естественно, рекламу. То, что отличает их телевизионную рекламу от нашей – это, простите, осмысленность. Я смотрю рекламный ролик и понимаю, для чего это. Такое ощущение, что наши рекламисты, массовые производители рекламы, действуют по принципу аналогии, не анализируя, для чего это делается, а просто берут внешнюю сторону и переносят сюда, вплоть до грабежа и использования чужих роликов.

Но вернемся к тексту. Есть три понятия, связанных с текстом. Это конструкция текста, так сказать, его внешняя сторона. Она определяется в книге Реформатского и Каушанского "Техническая редакция книги" (1933)¹ как расположение знаков в пространстве, внешние геометрические формы, вопросы гармонического заполнения бумаги набором, вопросы объема книги, ее третьего измерения, то есть внешние характеристики. Вторая часть, второй аспект текста – это его архитектура, которая определяется как логический костяк книги, членение на части, отделы, главы, параграфы, находящие свое выражение в системе заголовков, т.е. это то, что мы чаще всего называем композицией, содержательной композицией, внутренней организацией содержания и т.д. Третья сторона, называемая структурой текста или книги, понимается как соотношение знаков внутри текста как системы в пределах данного контекста, соотношения знака и системы знаков, смысла и системы смысловых явлений, выразительные внутренние формы. Поясню, что имеется в виду. Имеется в виду, так сказать, язык построения этого текста. Скажем, соотношение используемых шрифтов и другое, связанное с тем, как содержание соотносится с внешними вырази-

тельными средствами, используемыми для маркировки этого содержания.

К любому тексту можно подходить с двух сторон: 1) рассматривать текст как таковой, лишь вторично рассматривая закономерности его восприятия; 2) подходить с точки зрения процесса восприятия, менее занимаясь самим текстом. Я начну с самого текста, а к восприятию текста вернусь потом. Буду говорить пока только о самом речевом тексте, не обращаясь к зрительному, иллюстративному. Здесь придется отметить несколько отдельных позиций.

Первая позиция – это легкость и трудность текста для восприятия, то есть то, что применительно к учебной и другой литературе обычно называется читабельностью текста. Существуют специальные формулы этой читабельности. Самая знаменитая из них – это формула Флеша. Она получена, естественно, эмпирическим путем, поэтому выглядит довольно странно: $X1 = 206,48 - 1,015X2 - 0,846X3$. $X1$ – это оценка трудности текста для среднего реципиента, $X2$ – это средняя длина предложения в словах, $X3$ – это число слогов на 100 слов текста. Формула предназначена для английского языка прежде всего, конечно. Действуют два фактора – длина предложения и сложность слова. Работают –помимо этих двух вещей – словарный состав и структура предложения, и еще два момента – концептуальная и информационная насыщенность и фактор интереса.

Что значит читабельность практически? Это значит, что данный текст, во-первых, любым средним читателем может быть элементарно понят, во-вторых, средний читатель легко читает этот текст и не испытывает трудностей при чтении. Ну, скажем, если по приведенной формуле $X1 = 60$ (а он может быть от 0 до 100), то это означает, что этот текст вполне может прочитать человек с 8-классным образованием, что он легок для лиц с высшим образованием, и для среднего американского читателя стандартен по трудности. 60 – это как раз и есть тот уровень, при котором средний американец может легко этот текст прочитать.

¹ Реформатский А.А. при участии М.М. Каушанского. Техническая редакция книги. Л., 1933.

Какие еще факторы срабатывают и существенны для читабельности? Я не случайно начал с книжки Реформатского и с трех характеристик текста; как раз эти характеристики, то есть архитектоника, конструкция и структура, существенны для легкости восприятия текста. Если текст организован по этим трем параметрам, то тогда он читается легче. Попробуйте возьмите после этого любую нашу рекламу и посмотрите ее с точки зрения структуры, архитектоники и конструкции. Там, по-моему, нет ни того, ни другого, ни третьего.

М.С. Мацковский, крупный социальный психолог и психолингвист, предложил несколько другую формулу: $X_1 = 0,62X_2 + 0,123X_3 + 0,051$, где X_1 – тот же самый, X_2 – средняя длина предложения в слогах, X_3 – процент слов длиннее трех слогов (4 и больше). Эта формула проще и приспособлена к особенностям русского языка¹.

Вторая позиция: проблема непротиворечивости, согласованности различных языковых элементов текста. Здесь три момента: грамматика, то есть прежде всего синтаксис, строение предложения, затем лексика и фонетика. Соотношение синтаксиса и лексики, то есть словарного состава, достаточно ясно – чем проще синтаксис, тем более нейтральная или даже разговорная лексика. И наоборот. Это связано с особенностями вообще функционирования языка и различных его форм и стилей. Вторая подпроблема, тяготеющая к этой проблеме – это проблема участия звукового компонента, фонетики в общем восприятии и общих характеристиках текста. Здесь мы приходим к одному интересному моменту, который называется фонетическим символизмом. Вы обратили, видимо, внимание на то, что в нашей прессе не было газеты, которая не ругалась бы по поводу знаменитого сокращения ГКЧП. Его называли непристойным и так далее. Я с большим интересом как психолингвист читал эти газетные жалобы, потому что за этим стоит

совершенно объективная вещь. Здесь мне придется обратиться к работам Александра Павловича Журавлева². Он взял известный вам семантический дифференциал Осгуда, то есть методику семантического шкалирования, в данном случае объектами были звуки языка, вернее, звукобуквы, потому что они давались в буквенном виде. И выяснилось в результате проведенного им исследования, что все звуки любого языка для носителя этого языка, говорящего на этом языке, имеют некоторую достаточно типичную характеристику по семантическому дифференциалу. Во-вторых, выяснилось, что можно определить, шкалировать, так сказать, по довольно простой формуле, как выглядит с этой точки зрения слово. Один из первых выводов А.П. Журавлева состоял в том, почему же у нас такую противоречивую эмоциональную реакцию вызывает обращение "женщина": потому что слово "женщина" с точки зрения семантического дифференциала, семантического шкалирования никак не вписывается ни во что хорошее. Кстати, слова на -щина вообще производят негативное впечатление: Сталинщина, поножовщина... В записных книжках Ильфа было прекрасное слово – выдвигенщина...

Причем самое любопытное, что и на уровне текста можно это проследить. Был эксперимент Красниковой, она у меня писала диплом, где было показано, как звуковой символизм работает на тексте. Я расскажу один из экспериментов Красниковой³. Было взято несколько текстов, текст был простейший. В некоторой стране была газета, в этой газете каждую пятницу печаталась рубрика «Куда пойти обедать на уикэнд». В один прекрасный день в соответствующем номере эта рубрика не вышла, а вместо нее было извинение от редакции. Мол, просим прощения, но сотрудник редакции, который ведет эту рубрику, отра-

¹ Мацковский М.С. Проблемы читабельности печатного материала // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М., 1976.

² Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.

³ Красникова Е.И. Прогнозирование оценки квазислова в связном тексте // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., ч. 2, 1975.

вился при исполнении служебных обязанностей. Вот и весь рассказик. Было взято три варианта. Вариант, изложенный выше, и два варианта, в которых были квазислова, то есть составленные специально названия города или страны, где это происходило, и название газеты; эти квазислова были подобраны из «горячих» по шкалированию или из «холодных» букв. После чего по законам эксперимента были уравнены три группы – 2 экспериментальных («горячая» и «холодная») и контрольная (текст без квазислов). Им было предложено текст прочитать, а потом ответить на два вопроса. Первый вопрос звучал так: "Каким блюдом отравился журналист? Горячим или холодным?" Результат: в контрольной группе было 50:50, то есть случайное распределение. В «горячей» группе и в «холодной» группе было примерно 75 процентов совпадений. Второй вопрос: «Откуда вы это знаете?» На этот вопрос ни один испытуемый не смог ответить. Я думаю, что это само по себе довольно любопытно, и более того. Если не учитывать этого момента, боюсь, может возникнуть некоторое внутреннее противоречие при создании бессознательной установки, противоречие, так сказать, по направлению воздействия текста.

Теперь давайте пройдемся по этим трем вышеобозначенным характеристикам текста (структура, архитектура и конструкция) и попытаемся посмотреть, что там для нас интересного.

Что касается структуры, то очень существенным моментом в любом тексте, – не только рекламном, но и рекламном тоже, – является его внутренняя "полосатость", хотя это и не вполне академическое выражение. То есть имеет место чередуемость. Чередуемость чего? Существуют различные исследования разных текстов, они дают все один и тот же эффект, – слоистость текста, но только эта слоистость выделяется по разным параметрам. Есть работа В.В.Максимова на научных текстах, которая дала следующий эффект: в любом тексте, самом, казалось бы, наукообразном,

обязательно идет достаточно закономерное чередование информативного субтекста и субтекста, в котором фиксируется отношение автора к предмету, отношение автора к коллегам, – система отношений, переживаний. Это обязательно есть в любом, даже самом, казалось бы, научно-информационном тексте. А взяты были, например, тексты и по атомной физике. Второе исследование – это исследование В.Г. Костомарова, он исследовал публицистические тексты (это уже совсем близко к рекламе)¹. Он установил, что на разных уровнях (внутри предложений, в чередовании предложений, в чередовании больших кусков текста, абзацах) в любом воздействующем тексте, в данном случае публицистическом – журнально-газетном – происходит чередование компонентов стандартных, стереотипных и компонентов экспрессивных. Не может существовать текст, построенный на чистой экспрессии, на чистом взвизге, также как и невозможен текст, построенный на чистых стереотипах. То есть, он, конечно, возможен, – вы уже не застали, наверное, времени, когда большинство газетных материалов шло на чистых стереотипах, которые можно составлять из блоков, как блочный дом. Последние несколько лет уже этого нет.

Еще один момент. Структура, то есть организация содержания, не является универсальной характеристикой любого хорошего текста. Дело в том, что любой хороший текст будет разным для разных потребителей. В сборнике "Речевое воздействие" есть одна из первых публикаций Тамары Моисеевны Дридзе², которая вышла на очень важные для нас выводы: что весь корпус потребителей, весь корпус читателей делится, как минимум, на 7 так называемых семиотических групп. Определение этих семиотических групп – группы людей,

¹ Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

² Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.

располагающие относительно общим словарем или лексиконом, тезаурусом. Во-первых, это касается владения элементами общелитературного языка, владения словарем, грубо говоря. Второе – владение элементами текста, то есть сочетаниями элементов словаря в тексте. И третье – умение оперировать этим словарем, скажем, толковать его. Т.М. Дридзе, например, исследовала, как люди умеют толковать те слова, которые, они, казалось бы встречают в газете, по радио каждый день, вроде "во-ж", "эскалация". Выяснилось, что только меньшая часть людей, кстати, вполне образованных, с высшим образованием, может дать похожую на истину интерпретацию такой лексической единицы. Таких групп семь. Первая группа, – люди, которые владеют всем прекрасно – и словарь, и текст, и умение оперировать. Их всего 12 процентов. Вторая группа – люди, которые ничего не умеют, их 19 процентов. (Повторяю, что эти данные не имеют никакой корреляции с образовательным или иными характеристиками). Дальше идут те, которые владеют вроде бы языком и владеют словарем (то есть вроде бы им знакомы слова), но они совершенно не умеют ими оперировать, скажем, не умеют их интерпретировать правильно. Таких 32 процента. И так далее.

Существенно, что большинство читателей газет на самом деле практически не понимают большую часть газеты. То есть они неадекватны тому, что мы им предлагаем. Имейте в виду, что большинство будет воспринимать тексты, в том числе и рекламные, с самого начала неадекватно. Не помогут и повторения. Хоть десять раз повторяйте, но если все, что вы можете сказать о слове "эскалация", – что это что-то плохое (кстати, это типичный ответ), то сколько раз это слово ни повторяйте, ничего не прибавится. Что касается архитектуры и композиции, надо обратить внимание на то, что существуют методики (прежде всего той же самой Дридзе), позволяющие рассматривать текст как целостное образование. У любого текста вообще есть

две характеристики – это связность и цельность¹. Что такое связность? Вы берете отдельные компоненты текста, и они друг с другом связаны – или грамматически, или семантически, или тем и другим способом. Обычно связаны вот так отдельные предложения, высказывания в тексте, отдельные мелкие компоненты текста в объеме не больше 7 плюс-минус 2 предложения. Для чего нужна эта связность при восприятии текста? Просто для того, чтобы текст мог быть воспринят как целое, это внешний сигнал внутренней организованности текста. И вторая характеристика текста – это его цельность, то есть его законченность, самоценность как целого текста. Существуют языковые приемы, специфические для связности. Например, это личное местоимение в одной из своих функций (типа "он, она, они") в русском тексте – функции отсылки к предшествующему высказыванию (Петя встал рано. Он почистил зубы...). Здесь чистая связность, "он" служит тому, чтобы не повторять "Петя". Есть языковые средства, которые служат для маркирования цельности текста в этой самоценности его как целостной единицы. В частности, есть, так сказать, маркеры начала текста, введения в текст. Если брать фольклорный текст, это "жили-были". Есть маркеры конца текста – в конце письма поставить "vale" или "dixi". Есть языки, в которых до сих пор существуют маркеры конца, в ток-писин, государственном языке Папуа-Новой Гвинеи, это Em tasol от английского "that's all". Есть языковые средства, фиксирующие внутреннюю структуру. Ну, скажем, "во-первых", "во-вторых", "перейдем к...". Это не столько структура, сколько структура в рамках единства.

Существует методика, разработанная опять-таки Т.М. Дридзе, идущая от Н.И. Жинкина, В.Д. Тункель, И.А. Зимней, – методика так называемого предикативного

¹ Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979.

анализа текста, в результате которого мы получаем некоторое дерево предикаций, утверждений. Предикация первого порядка, а она может быть только одна, это главная мысль, затем идут предикации второго порядка, производные от нее, третьего порядка и так далее¹. Причем эта предикативная структура как результат предикативного анализа нужна, когда мы начинаем производить компрессию текста.

Правильная компрессия текста – та, при которой не теряется его содержание и субъективно он остается тем же самым. Она имеет место, когда вы правильно обрезаете ветки, то есть сначала обрезаете ветки только третьего порядка, потом – второго, и остается лишь основная мысль. Этот предикативный анализ может быть использован для любого воздействующего текста, в том числе и рекламного. Важно, что для разных семиотических групп оптимальной для восприятия является разная предикативная структура. Предъявлялась одна и та же газетная статья, вернее, два ее варианта – заведомо хорошо организованная и заведомо плохо организованная. И нашлась часть читателей, которой легче было работать с плохо организованной структурой, чем с хорошо организованной, как это ни парадоксально.

Существуют и другие методы представления текста. Например, В.Б. Апухтин писал о темарематической структуре текста. Таких моделей существует пять или шесть. Есть модель, описанная Л.П. Добраевым, саратовским психологом, на материале учебных текстов. Но модель Дридзе наиболее отработана и аргументирована, она наиболее хорошо работает в практике, когда люди имеют дело с оптимизацией любого текста, будь то учебный или информационный, воздействующий и т.д.

В конструктивном плане, то есть в том, что касается выразительных средств текста, в упомянутой книге Реформатского на

107 странице интересны общие принципы графического выражения. Принцип первый: каждому элементу содержания данного текста должен быть присвоен определенный графический признак, восприятие которого дает сигнал сознанию к распознаванию данного элемента среди прочих. Если вы хотите выделить что-то в содержании, то нужно четко с самого начала найти способ внешнего выражения этого, будь это верстка, размещение в пространстве, будь это использование шрифта, его размера, характера шрифта, – это уже непринципиально. Второй принцип: связанные по смыслу и роли в данном контексте элементы содержания должны иметь общие графические признаки, а контрастные – различные. То есть, если вы вводите в ваш текст вещи, которые Вам нужно противопоставить, нужно сразу же продумать, каким оптимальным способом вы будете это противопоставлять для читателя, маркировать это противопоставление. У нас, как правило, идет единый сплошной текст, в котором даже я, работающий много лет с воздействующими текстами, вынужден долго думать, где же главное и неглавное. Мне приходится делать как читателю невероятную дополнительную работу, которую за меня должен делать автор этого рекламного объявления или текста. Третье: так как графические знаки обычно обладают одновременно несколькими графическими признаками – рисунок, жирность, величина и так далее, то различные элементы, различаясь одними графическими признаками, могут одновременно объединяться другими. То есть, например, вы можете дать полужирный крупный и полужирный мелкий, тогда, с одной стороны, будет противопоставляться крупный и мелкий, а с другой стороны, будет противопоставляться полужирный и простой. Можно использовать эти характеристики, передавая самые различные комбинации смысловых связей. Четвертое: относительная сила воздействия графических признаков на восприятие: какие шрифты наиболее рекомендуются к использованию. По степени воздействия на

¹ Дридзе Т.М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информативно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М., 1976.

нейтральном фоне курсив – один из наиболее воздействующих, затем прописной, полужирный, жирный, все остальные средства. У нас почему-то считается, что жирный шрифт – это хорошо, а ведь это хуже, чем полужирный, и еще хуже, чем курсив. Пятое: Для выражения замкнутости данного контекста один графический признак должен быть общим для всего текста, должен быть фоновым, обычно это единый стандартный шрифт. На его фоне уже можно играть, можно давать тонкий, полужирный, курсив, а можно и наоборот – курсив в виде фона, а выделять простым, полужирный текст может быть выделен светлым. Этим у нас совершенно не умеют играть, а единственное, что у нас очень любят делать в информационных, правда, а не рекламных газетах, так это печатать белым шрифтом на черном фоне, что абсолютно невосприимчиво.

Существует огромное количество выразительных средств, которым не учат в школе. Ну, знаки препинания, конечно, учат. Зато имеется большое количество внеалфавитных, как говорят, знаков, всяких звездочек и так далее, которые реально работают на восприятие текста. Но особенно важно, что существуют еще вещи типа пробелов, отбивок, то есть организация пространства, где этот текст, это слово, эта строка размещаются на общем белом пространстве, – как это делать, вообще никто не учит. Существует один интересный принцип (у Реформатского) – так называемое понятие защиты, имеющее отношение к вышеописанным пяти принципам. Под защитой понимается обеспечение выразительности, причем он вводит понятие избыточной защиты – можно одно и то же дать сразу и полужирным шрифтом и курсивом, и еще подчеркнуть, и получится черт-те что.

Теперь несколько слов по более частным вопросам, касающимся собственно рекламного текста. Существует понятие так называемой сатиации, или насыщения. Что это такое? Это чисто психолингвистический момент, который связан субъектив-

но с тем, что когда вы слишком часто или при определенных условиях наталкиваетесь на одно и то же слово (что у нас бывает в прессе и по ТВ часто), получается эффект бумеранга, эффект насыщения, когда вы как бы перестаете это слово понимать и психологически отталкиваетесь от этого слова, фрагмента текста. Например, вы выполняете математический тест, и оказывается, что если в нем слишком часто повторяется одно и то же слово, возможно, нужное для выполнения этого теста, то выполнение теста затрудняется. Причем слово, которое более самостоятельно в тексте, дольше сопротивляется насыщению. Скажем, существительное дольше сопротивляется насыщению, чем глагол, неопределенная форма дольше, чем личные формы глагола и так далее. Очень плохо получается, когда это случается с иностранными словами, а мы любим кокетничать ими. Так, например, слова типа репертуар и секретер, то есть явно ощущаемые как иностранные, просто перестают пониматься, и возникает эффект субъективного отталкивания. У некоторых людей есть излюбленные слова, повторение каждый раз которых вызывает почти мгновенную сатиацию, особенно это относится к сочетаниям типа «более или менее», «тем не менее». Сатиация – субъективное ощущение бессмысленности слова, которое только что было осмысленным.

Между прочим, это часто бывает у школьников, – когда мы их заставляем выучивать стихи наизусть, то мы делаем страшную вещь, мы «сатилируем» пушкинскую лексику. Считается, что если мы Экорамбус красиво назовем Экорамбусом и будем повторять это слово по телевидению каждый день по 4 раза, это заляжет в вашу память и вы в дальнейшем будете к Экорамбусу хорошо относиться и в случае необходимости туда пойдете. На самом деле, по эффекту сатиации, вы можете этот Экорамбус в упор не увидеть, вернее, вы его увидите, но обойдете за километр – включается психологическая защита. Эта вещь мало известна, но здорово действует. К вопросу о самостоятельности слова: проводились

эксперименты, где бралось слово в рекламе, например, треска, когда она еще была, и если вы повторяете лишь слово «треска», то оно быстро сатирируется. Но если говорить трески, треску, треске, треской, к треске – то это сатирируется моментально, и вы тут же бросите читать этот текст¹.

Касается лексики фактор контекстности, он тоже не учитывается. Если взять слово «холодный» просто как стимул в ассоциативном эксперименте, то ответом будет «горячий». Но на самом деле вся эта система контрастных ассоциаций или, наоборот, ассоциаций по смежности оказывается различной в зависимости от того, в каком контексте мы встречаем данное слово². Эксперимент был простой – давались стимулы однословные – «холодный», двусловные – «холодный день», «холодная вода», и трехсловные – «холодный зимний день», «холодная вода в реке» и так далее, и смотрели, какие будут ответы. Результаты: «холодный зимний день» – почти никто не ответил «жаркий», «теплый» – 68 процентов, на «холодный день» уже было более разбросано – 42 процентов ответили «теплый день» и 53 – «жаркий», «холодная вода в реке» – 85 процентов ответили «теплая вода в реке» и ни один человек не сказал «горячая», на «холодная вода» 90 проц. ответили «горячая вода», никто не сказал «теплая», и так далее. Этот эксперимент для употребления лексики в воздействующем сообщении, в частности рекламном, очень существенен и может дать совершенно незапланированный эффект.

Третья проблема касается так называемой дистанции. Это чисто условная характеристика, фиксирующая, насколько данный текст соответствует сфере компетентности и сфере интересов читателя. То есть дистанция от математика до математического текста маленькая, а от художника до

математического текста будет гораздо больше. И от математика до текста по истории искусства тоже будет больше. Текст, близкий читателю по дистанции, читается быстрее и легче. В условиях дефицита времени, а рекламный текст как правило существует в условиях дефицита времени, может быть эффективно, быстро прочтен и понят только текст, близкий по дистанции. Чем он ближе по дистанции, тем больше гарантии, что в условиях дефицита времени он будет прочтен. Чтение текста, дистанция до которого мала, оказывается более "смысловым", а чтение текста, дистанция до которого велика, более "значенческим", он читается более формально, меньше возникает отношения к нему. Текст, дистанция до которого мала, понимается и воспроизводится много лучше, чем текст, дистанция до которого велика. Различие во влиянии дистанции на понимание и воспроизведение текста особенно резко проявляется при чтении в условиях дефицита времени. Поэтому наши тексты, которые работают неизвестно на кого, приговорены к тому, чтобы быть для значительной части читателей неэффективными³.

Требования, которые относятся к рекламному тексту, надо разделить на разные группы в соответствии с различными функциями рекламы. Эти функции рекламы вам известны. Первое – это требования, связанные с задачей привлечь внимание. «Нелощеность» рекламы, своего рода изюминка, нужна для того, чтобы глаз не скользил по рекламе. Причем важно иметь представление о том психологическом фоне, на котором происходит восприятие данной рекламы. Второе – требования, связанные с задачей четко, быстро и эффективно отождествить рекламируемый товар и те условия, при которых он может быть использован. Третье – это собственно требования к эффективности рекламы, на которых мы остановимся подробнее.

Во-первых, это ее престижность, причем

¹ Негневицкая Е.И. Смысловое восприятие текста и семантическая сатирация // Смысловое восприятие речевого сообщения с условиях массовой коммуникации. М., 1976.

² Сахарный Л.В. «Контекстное» и «неконтекстное» в восприятии лексико-семантической стороны слова // Смысловое восприятие речевого сообщения с условиях массовой коммуникации. М., 1976.

³ Фоше К., Московичи С. К психосоциологии языка // Психолингвистика за рубежом. М., 1972.

она может быть разного уровня, – престижность самой рекламы, престижность канала рекламы. Мне кажется, что очень много идет неэффективной рекламы потому, что престижность канала оценивается не совсем правильно. Действительно, очень престижно давать рекламу по первому каналу на телевидении или в газете «Известия», но кто эту газету читает – те ли люди, на которых рассчитана эта реклама?

Но главное, чего не должно быть в рекламе – вещей, которые вызывают негативную реакцию, недоверие, а тем более двусмысленностей. Мы в Группе психолингвистики столкнулись с самого начала с рекламой Москвича-412. Она выглядела так: на фоне леса стоит Москвич-412 и на него опирается в странной позе «светская» женщина в лиловом вечернем платье, которая очень напоминает по комплекции Людмилу Зыкину. Текст: «Новый легковой автомобиль Москвич-412, унаследовав от предыдущей модели надежность и прочность, стал еще элегантнее». Элегантностью там, конечно, и не пахло, – обычная русская баба, одетая в лиловое вечернее платье, которое идет ей, как корове седло. Все это естественно переносится на Москвич-412, и я, потребитель, естественно, не захочу такой элегантности.

Вторая сторона эффективности воздействия рекламы – это информативность. То есть в тексте или картинке должно быть все, что необходимо, и в то же время не должно быть ничего лишнего, мешающего, вызывающего побочные ассоциации и просто мне не нужного. Потому что, как только я наталкиваюсь в тексте на ненужные мне компоненты, я сразу перестаю читать. Любая точка текста должна для меня, адресата, быть актуальной, иначе я, вероятнее всего, просто отброшу этот текст. Опять пример из нашей практики: Трактороэкспорт как-то дает нам на экспертизу рекламу, которая была универсальной и рассылалась во все страны мира, в том числе в Африку. В рекламе говорится о каком-то тракторе, что «он незаменим при движении по глубокому снегу».

Третья сторона – убедительность. Иначе говоря, учет реальных вкусов, реальных привычек, так сказать, общепсихологического фона и мотивации. Это понятно.

И наконец, четвертая сторона эффективности рекламы – ее суггестивность. То есть, независимо от моего сознательного отношения к содержанию рекламы и к рекламируемому товару, я эту рекламу должен принять, она должна задержаться в моей голове, и у меня должно быть бессознательное нужное отношение и к рекламе и к рекламируемому товару. Кстати, у нас очень редко используются рифмовки. Одна из блестящих американских политических реклам, лучшая в мире – это был предвыборный лозунг Эйзенхауэра: «I like Ike». Эта находка была гениальной. Оценить эффективность конкретных вещей такого рода достаточно трудно, можно сказать, чего не должно быть, а вот то, что должно – за это никто бы, наверное, не взялся. Реклама, которая звучит так: «Сапожки по ножке» – это хорошо. А вот текст, гласящий «Пищевые концентраты» – заведомо плохо.

О языковых особенностях рекламы. В первых, какая лексика годится для рекламы, а какая – нет? Для определенной категории рекламных текстов, для большинства рекламных текстов, пожалуй, любая усложненность, неразговорность, ненейтральность лексики не оптимальна. С другой стороны, есть прекрасные образцы «усложненной» рекламы, кстати, это классические случаи, описанные в книге Осгуда¹. Были написаны несколько рекламных текстов для какого-то крема для рук, и все эти тексты были пропущены через семантический дифференциал. Оказалось, что наибольшая эффективность и суггестивность не у текста, апеллирующего к авторитету кинозвезды, а у совершенно наукообразного текста, где крем описывался в квазинаучных терминах. Возможно, это особенность американской рекламы. Возможно, это придает рекламе этого крема

¹ Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, 1957.

отличительный характер. Второе. Теоретически нельзя употреблять в рекламных текстах отрицательных конструкций, а также отрицательных по значению слов типа «нигде» и «никто». Но, между прочим, реклама Маяковского «нигде кроме, как в Моссельпроме», тем не менее остается прекрасным рекламным текстом. Здесь подключается ритм. И поэтому нельзя давать конкретных рекомендаций. Существуют интересные попытки дать модель воздействия рекламного текста, сделанные на основе классификации языковых знаков у классика семиотики Чарлза Морриса. Он различал 4 типа знаков: десигнаторы – информирующие знаки, аппрейзеры – оценочные знаки, прескрипторы – направленные на возбуждение реакции и форматоры – вспомогательные и структурирующие знаки-связки. Оптимальная структура рекламного текста – это десигнатор – аппрейзер – прескриптор. Например: «Весь мир пьет какао, а вы?», где «весь мир пьет какао» – это десигнатор-аппрейзер, а «а вы» – прескриптор. Поэтому, с этой точки зрения, «С помощью машины Эврика вы сможете стирать сложа руки» – хороший текст, а «Машина Эврика – это лучшая стиральная машина» – плохой, потому что отсутствует прескриптор, вызывая реакцию «ну и что? что это для меня значит? ведь она вообще лучшая, это чистая оценка?» «Брейтесь электробритвой «Харьков»» – это только десигнатор плюс прескриптор. Чтобы было эффективно, нужно изменить – «Бреясь электробритвой “Харьков”, вы каждое утро экономите пять минут» – вводится оценочный момент и получается единая структура. Чем хороша эта модель, так это тем, что разные этапы восприятия рекламы непосредственно обозначены в самом тексте. Аппрейзерная информирующая часть работает на мотивы и механизм принятия решения, десигнаторная часть работает над привлечением внимания, и прескрипторная часть вносит суггестию.

Вот некоторые американские данные о влиянии на эффективность структуры текста в широком смысле. Первое – эффек-

тивность текста повышается, если в начале затрагиваются практические интересы потребителя. Причем помещение в начале более важной информации более эффективно, чем наоборот. Второе – введение в текст транзиций (транзиция – краткое содержание каждой структурной части текста) способствует лучшему пониманию текста. Иначе говоря, вместо того, чтобы давать единый связный текст, надо выделить части текста и маркировать их подзаголовками (типа: «для чего это вам нужно», «ну и что же для вас значит»). Третье. Чем проще структура текста, в том числе и грамматическая, тем лучше он понимается. Лучше простое предложение, чем сложно-подчиненное. Четвертое. Это, как мы уже видели, сомнительная рекомендация по поводу позитивных и негативных конструкций. Одно ясно: слов «кроме», «исключая» и т.д. в тексте не должны быть. Пятое. Словарь должен быть рассчитан на конкретного потребителя. Ясно, что не должно быть маркеров связности текста в ответственной его части. «Если», «тем не менее», «пока не» – не оптимальны, потому что они затрудняют понимание конструкций. Шестое. Начало и конец текста запоминаются лучше, чем середина, а если весь текст состоит из одного высказывания, то субъект должен стоять в начале. То есть нужен прямой порядок слов, а не обратный.

Если говорить о социально-психологических факторах, то надо посмотреть, какие у нас существуют факторы суггестивности текста. При каких условиях аудитория внушаема, подвержена суггестии?

1. Когда аудитория и каждый ее член ясно представляет себе общность этой аудитории и ее анонимность, когда он воспринимает себя как часть ему лично неизвестной, но единой в психологическом отношении группы.
2. Когда аудитория осознает высокий социальный статус коммуникатора. Хотя, с другой стороны, у кого-то здесь возникает и эффект нонконформизма, но таких меньшинство.
3. Высокий уровень ожиданий аудитории, который удовлетворяется текстом.
4. Высокий уровень эмо-

ционализации аудитории. Скажем, эффект фрустрированности аудитории. Почему на митингах бывших сталинистов воспринимаются с визгом в общем-то довольно идиллические высказывания? Потому что уровень эмоционализации аудитории очень высокий, и эффект внушаемости очевиден. 5. При дефиците активного внимания. То есть, под шумок, когда на вас идет разнородная информация и вы не знаете, как с ней разобраться, вы теряетесь в этой куче информации, можно внушить все, что угодно. Эффект неопределенности: легче пробить защиту, когда вы защищаетесь от всего сразу, чем когда у вас направленно внимание и сложился определенный защитный механизм по отношению к определенному коммуникатору или каналу. 6. При соответствии ценностной ориентации аудитории содержанию текста. Это типичный случай, почему проходят совершенно непрофессиональные журналистские материалы в наших правых газетах, – просто ценностная ориентация совпадает, и она ложится на восприятие совершенно суггестивно, хотя на самом деле пишется бред собачий, и ни один нормальный, нейтральный по установке человек принять это ни при каких условиях не может.

В чем выражается действенность или эффективность рекламного текста? 1. Эффективный рекламный текст – это текст, направленный на постоянное внушение, вызывающий определенные психологические стереотипы. Формируется так называемый автоматизм потребления, привычка, – покупать одни и те же сигареты, хотя они, в общем-то, на самом деле ничем не отличаются от сигарет другого сорта, одинаково оформленные товары одной и той же фирмы. 2. Это тот случай, когда я намереваюсь купить один товар, прочитываю рекламу, убеждаюсь и покупаю другой товар. То есть это, скажем, целенаправленное изменение моей мотивации путем введения новой, не известной мне информации. Была на Украине реклама: "И сыр лекарство", а далее после неожиданного поворота следовало объяснение, что именно в нем такого,

почему следует его покупать из медицинских соображений.

Теперь об изображении. Первая функция изображения – это привлечение внимания, оно обеспечивается и яркостью, и контрастностью, и композицией, и любым эффектом неожиданности. Какие способы привлечения внимания используются в рекламе? Изоляция текста, выделение при помощи верстки и других полиграфических средств, повторение текста, но с его частичным изменением – рекламный повтор обязательно требует изменения чего-то, а другое остается одним и тем же – символ товара, знак фирмы, эмблема изготовителя и так далее. Контраст, проблемы фигуры и фона. Фактор движения, очень рекомендуется использование любого эффекта динамики, квазидвижения. Кстати, прерывающиеся линии в картинке очень хорошо обеспечивают движение глаза по картинке. Движение может относиться не только к якобы движущемуся объекту, но и стимуляция движения глаза по картинке все равно субъективно дает эффект динамики. Вторая функция – информирование. Изображение может дополнять и уточнять текст рекламы. Типичная ошибка – когда мы доверяемся только изображению, когда весь информативный заряд рекламы уходит на изображение, а не на текст. Но главное назначение изображения в рекламе – это эмоциональное воздействие, прежде всего за счет символики. Проблема имиджа в сущности есть проблема символики.

По рекламе и любому тексту взгляд движется слева направо, сверху вниз. Англичане прекрасно пользовались этим механизмом в рекламе, которая у них висела на улице у входа в торгпредство, там у них был стенд с фотографиями, и важные пропагандистские материалы давались под привлекающей внимание картинкой из жизни королевы в левом верхнем углу, непосредственно под ней. Но эти данные относятся к однородному зрительному полю, а реклама всегда есть неоднородное зрительное поле и поэтому композиция рекламы этим не исчерпывается.

Типичная ошибка в рекламном изображении – перегрузка его ненужными для основной функции элементами. Чтобы привлечь внимание, изображение должно быть неожиданным. Чтобы удержать внимание, оно должно быть достаточно сложным, потому что если изображение оказывается слишком простым, то внимание быстро переключается. Если же оно сверхсложное, то возможность удержания внимания тоже снижается. Есть оптимум сложности в рекламном изображении. Типичный и распространенный способ привлечения и удержания внимания – это нарушение законов композиции и симметрии, сознательная асимметричность, бросающаяся в глаза, невзвешенность.

В заключение – о национально-культурных особенностях восприятия¹. Учет этих особенностей должен идти на всех уровнях – это и выбор цвета, и выбор оформления, и характер текста, и все вплоть до символических вещей, связанных с данной культурой. Была реклама Автоэкспорта, где рекламировались советские мотоциклы. Все это шло на Ближний Восток, а изображение было следующим: молодой человек рокерского типа в кожаном костюмчике, девочка, которая сидит, близко к нему прижавшись, она в штанах и с сигаретой. Был проведен эксперимент, – за неимением ближневосточных испытуемых мы пошли к старым московским татаркам. Все татарки дружно плевались на нашу картинку. Некоторые вещи по конфессиональным моментам запрещены для рекламы. На мусульманские страны нельзя использовать изображение свиней. На Индонезию нельзя использовать колониаторский голландский язык, он воспринимается совершенно однозначно. На Индию нельзя, опять-таки по соображениям религиозным, давать любые изображения коров и обезьян, а также нельзя при всей сексуальной свободе давать полуодетых женщин, тем более совсем раздетых. А на Саудовскую Аравию нельзя вообще давать никаких

женщин. Цвета есть национальные, конфессиональные, есть просто культурно приемлемые или неприемлемые. Зеленый цвет национален для Ирландии, Канады, Эфиопии и годится для них. Но нельзя использовать зеленый на мусульманские страны, это цвет только ислама. Есть конвенциональные цвета, скажем траурные, которые не могут быть использованы, но цвета траура разные. У нас черный, в большинстве стран Востока – белый, на Дальнем Востоке – красный. В Марокко красивые одежды – это красные жилеты, белые джулабы, туфли шафранного цвета. Для Ирана и Афганистана значимые цвета – белый, черный, зеленый, синий. Изображения людей при рекламе на мусульманские культуры нежелательны. Руководство Туркмении и Узбекистана одно время запрещало трансляции ЦТ по причине их легкомыслия.

Еще проблема: символика и возможность ее использования для рекламы, исходящей из того или иного города или региона. Типичная реклама гасконских фирм – обыгрыш Д'Артаньяна и всех мушкетеров. Прованс – это Тартарен, а вот Сирано они меньше используют. Швейцария – Вильгельм Телль. А у нас такой символики нет, она всегда была резко политизирована, изображение Кремля ассоциируется у любого некоммунистически настроенного потребителя с четкими политическими вещами. Я интересовался, каким способом сами западные фирмы рекламируют русские товары, будучи за границей. Типичный способ рекламы чего-то русского – это русская церковь и ее характерный абрис. Неудачен в этом смысле наш российский флаг, он банален и легко смешивается с французским и другими. И эти русские цвета – в сущности французские.

Из всего сказанного можно сделать один существенный вывод. Чтобы реклама была эффективной, она должна делаться не "на глазок", а с опорой на все, что сегодня известно о факторах такой эффективности. Другими словами, РЕКЛАМА ДОЛЖНА БЫТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ.

¹ см. Школьник Л.С., Тарасов Е.Ф. Язык улицы. М., 1977.

А.М. Шахнарович

МЫШЛЕНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Проблема, представленная в названии статьи, для лингвистики нетрадиционна. Анализ мышления в его связях с коммуникацией и анализ коммуникации как способа существования мышления только начинается. Без психолингвистического подхода и без психолингвистических методов исследования получить надежные результаты нельзя. Из психолингвистических методов и подходов одним из распространенных является исследование детской речи. Анализ процессов становления и развития речевой деятельности, мышления и общения в онтогенезе, как показала практика, часто оптимальный путь изучения внутренних механизмов, определяющих названную предметную область. Объясняется это тем, что в онтогенезе скрытые от прямого наблюдения, автоматизированно и свернуто протекающие процессы оказываются расчленены, развернуты и представлены в деавтоматизированном виде, а поэтому они легко наблюдаются. Простота наблюдения этих процессов и сравнительная простота фиксации явлений детской речи привлекали к ней внимание исследователей разного профиля давно. При этом всем казалось, что то, что просто увидеть, просто и объяснить. Каждый, у кого были дети, как ему представляется, может объяснить, почему то или иное явление языка возникает вслед за другим явлением или предшествует ему, каковы закономерности появления того или иного феномена детской речи. Между тем, как показали специальные исследования онтогенеза речи в психолингвистическом аспекте, онтогенез мыслеречевой деятельности – это сложный процесс, в который входит множество разнообразных, противоречивых и пересекающихся линий развития. Нет необходимости упоминать о том, что развитие речи вызывает к жизни развитие множества психических функций, взаимодействующих с речью и вступаю-

щих с ней в сложные отношения.

Все сказанное дает основания считать, что столь сложный феномен, как детская речь, заслуживает специального рассмотрения в избранном выше аспекте – в аспекте выяснения внутренних закономерностей строения и протекания мыслеречевой деятельности. Надо отметить еще один важный момент. Он состоит в том, что детская речь при ее анализе психолингвистическими методами дает возможность увидеть, как строится процесс овладения языком – процесс очень сложный и неясный до настоящего времени.

Особый интерес при анализе онтогенеза речевой деятельности приобретают проблемы семантики. Проблема значения признается центральной проблемой знаковости языка, так как само «значение представляет неотъемлемую часть знака» [Серебрянников 1983, 60]. Связи между языковыми знаками и предметами, устанавливаемые людьми в их специальной практике, не являются раз и навсегда готовыми образованиями. Эти связи развиваются по мере «вхождения индивида в социализацию» [Леонтьев А.Н. 1959, 290], по мере развития ребенка, овладевающего языком.

Различные аспекты речевого развития рассматривались исследователями в нашей стране и за рубежом: развитие словаря (Д.Б. Эльконин, А.В. Захарова), развитие грамматики (А.А. Леонтьев, Н.И. Лепская, Ф.А. Сохин, С.Н. Цейтлин, Д. Берко, Р. Браун, Ж. Лендел, Д. Макнейл, Д. Слобин, С. Эрвин-Трипп), развитие синтаксиса и семантики (П. Гринфилд, Э. Бейтс, Д. Брунер, Л. Меньюк, Н. Хомский). Однако комплексные исследования того, как происходит овладение семантикой языка, до сих пор не предпринимались. В большинстве работ авторы не ставили своей целью специальное рассмотрение вопроса о том, как происходит овладение семантикой языко-

вой системы, каковы основные характеристики этого процесса. Вместе с тем без системных данных о том, как формируется у ребенка система языковых значений, невозможно получить полное представление о «работе» языка, о функционировании значений в речевой деятельности, о том, как создаются и воспринимаются новые значения, каким образом можно воздействовать на речевое общение с целью влияния на значение речевых сигналов и т.п. Известно, что изучение речи ребенка позволяет наблюдать непосредственно те процессы и механизмы, которые в речи взрослого свернуты, автоматизированы и иногда вообще не могут быть расчленены для целей исследования в силу специфики уже сложившейся языковой способности.

Процесс формирования мыслеречевой деятельности в онтогенезе нами рассматривается как развитие, в частности, связей между языковыми знаками и действительностью. Они развиваются по мере развития познавательных способностей ребенка, по мере усложнения и расширения круга коммуникативных ситуаций и предметной деятельности, которая обслуживается коммуникацией. Развитие названных связей – центральный процесс развития речи, тем самым он неотделим от процесса общепсихического развития. С одной стороны, анализ генезиса речевой деятельности, языковой способности человека – это анализ процессов и механизмов соотношения коммуникативных и когнитивных структур, соотношения речемыслительной и предметно-практической деятельности и т.п. С другой стороны, – это обязательно анализ языковых единиц, потому что значение – центральная категория онтогенеза речи и мышления, и понимание генезиса значения является одним из условий выявления внутренних закономерностей становления и развития языковой способности человека.

При рассмотрении становления и развития значения и выражения его в языковых формах ребенка необходимо учитывать, что «наивная картина мира может рази-

тельно отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира» [Арнхейм 1976, 160]. Исследование развития значения проводится как анализ процесса присвоения субъектом общественно выработанных понятий, значений, умений, в качестве «обобщенного образа действия» [Леонтьев А.Н. 1959].

При исследовании онтогенеза речевой деятельности необходимо учитывать, что исследования детской речи последнего десятилетия все в большей степени ориентируются не на хронологию в описании частных явлений грамматики, лексики и т.п., а на выявление механизмов формирования системы языковых категорий. Последнее обстоятельство непосредственным образом связано с тенденциями, характерными для современной лингвистики: исследование прагматических факторов речевого общения, обращение к семантике синтаксиса, ориентация на говорящего и воспринимающего речь и т.п. Однако все эти черты современной лингвистики не могли бы определяющим образом повлиять на направление исследований речевого развития без теоретической базы, на которой строится система представлений о развитии речи и мышления в онтогенезе. Эта база была заложена в 30-е годы прошлого века трудами Л.С. Выготского. Идеи Л.С. Выготского оказались чрезвычайно продуктивными для последующего психолингвистического подхода к анализу детской речи.

Среди множества идей о рассматриваемом предмете, имеющих в работах Л.С. Выготского, принципиальными являются, на наш взгляд, следующие. Во-первых, представление о речевой деятельности как о деятельности знаковой. Во-вторых, подход к развитию речи как к процессу, непосредственным образом связанному с общепсихическим развитием, с развитием практической деятельности и социальных форм поведения. В-третьих, мысли о том, что развитие знакового обозначения в речевой деятельности по существу есть развитие общения посредством языкового знака. В-четвертых, утверждение, что все, принад-

лежащее системе высших психических функций, поначалу было экстериоризовано и поделено между двумя людьми. Разумеется, перечисленные положения не исчерпывают того, что выводится из концепции Л.С. Выготского о развитии речи как специфической деятельности, опосредованной знаками языка («психологическими орудиями»), однако на этих положениях строится система современных представлений о важнейших закономерностях мыслеречевого развития.

Представление о развитии речи как об овладении знаками и знаковыми операциями позволяет поставить вопрос не только об овладении системой существующих языковых средств, но и об овладении путями и способами репрезентации в языковых формах тех знаний, которые формируются в процессе общепсихического развития. Как следует из концепции Л.С. Выготского, центральным процессом, определяющим формирование и использование знаний об окружающем мире с целью выражения этих знаний в языковых (конвенциональных) формах, является обобщение. Наиболее характерным для формирования и развития обобщений является то, что их содержание первоначально представлено в виде внешних действий и только по мере развития «свертывается», интериоризуется, становясь принадлежностью систем высших психических функций.

Соотнося характеристики развития обобщений с данными, полученными на материале развития разных уровней системы языка, Л.С. Выготский выявил в их развитии то, что подтверждено современными семиологическими исследованиями языка: развитие идет от того, что еще «не-язык» через функциональное употребление к собственно языковым формам. Главным развивающимся элементом речевой деятельности при переходе от «не-языка» к языку является знак. Языковой знак, по мнению Л.С. Выготского, - это «единство обобщения и общения, коммуникация и мышления, интеллекта и аффекта» [1982, 16].

Языковой знак выступает в качестве

связующего звена между объективным миром и сознанием индивида, его опытом, складывающимся в процессе деятельности. Познавая в процессе практической, игровой деятельности отдельные стороны предметов и явлений действительности, ребенок познает связи, отношения между ними. Одновременно ребенок овладевает и элементами языка (для общения и в процессе общения). Знания о предметах, их связях и отношениях закрепляются в сознании ребенка и в его опыте посредством языка, в результате чего становится возможным проецировать эти знания на новые стороны действительности, а также передавать их другим. В языке отражается общественно-исторический опыт, присваиваемый ребенком вместе с языком в процессе развития.

Начальным этапом закрепления общественного знания является выделение в предмете некоторых свойств и перенесение их при номинации на знак, обозначающий этот предмет. Л.С. Выготский условно называл этот этап «удвоением предмета». На этом этапе имя предмета, т.е. знак языка является как бы частью или свойством предмета. Обобщение на этом этапе «означает, что из конкретного содержания предметов выделяются черты и свойства, которые существенны для действия и являются его специфическим объектом» [Гальперин 1977, 63]. На этапе, когда происходит «удвоение» предмета, когда имя является частью предмета, элементы языка еще не выступают в качестве знаков, поскольку не замещают объекты, ими обозначаемые, элементы языка обретают знаковость только тогда, когда становятся своего рода самостоятельными объектами.

Значение является своего рода способом закрепления опыта употребления данного предмета или знака в общественной практике. Поэтому для каждого индивида значение объективно (интерсубъективно). Вслед за А.А. Леонтьевым мы считаем, что «усвоение значения... есть определяющий способ опосредования индивидуального поведения общественным опытом» [1974,

51]. Генеральной линией развития речи является обобщение языковых явлений на основе развития социальной по природе практической деятельности детей. На каждом этапе развития обобщение характеризуется некоторыми особенностями, определяемыми характером обобщаемого материала, уровнем развития предметных действий и способом обобщения (наглядное представление – общий образ - понятие).

Согласно некоторым теориям (Н. Хомский, Д. Макнейл), формирование в процессе развития ребенка функциональных структур речевого поведения – это реализация заложенной генетически, врожденной программы. Однако в противовес этой точке зрения в работе проводится мысль о детерминизме развития высших психических функций и, в частности, речи практическими действиями и общением ребенка. Изложенные выше теоретические положения приводят к пониманию того, что за овладением всеми уровнями системы языка стоят предметно-практические действия, реализуемые в деятельности общения. Практическая деятельность детерминирует овладение языковой системой так же, как функционирование системы языка детерминирует ее значение.

По мнению Дж. Брунера, язык представляет собой «специализированное и конвенционализированное развитие кооперативного действия» и усваивается как «инструмент для регуляции совместной деятельности и совместного внимания» [1984, 76]. Как показывают многочисленные наблюдения, взрослые, находящиеся в контакте с детьми, уже с первых дней жизни младенца имеют тенденцию интерпретировать его первые внешние формы поведения (плач, двигательную активность и др.) как некоторые сигналы, производимые интенционально и направленные на достижение определенной цели. Проявления определенных физиологических состояний воспринимаются взрослыми как целенаправленные действия. Это находит свое выражение в том, что взрослые обращаются с речью к младенцам, находящимся на доречевом

этапе развития, столь же часто и в таком же объеме, как к детям, владеющим речью.

С появлением в речи ребенка однословных высказываний начинает развиваться способность репрезентировать явления интрапсихической («внутренней») действительности с помощью конвенциональных средств. Эти средства предоставляются языковой системой, на элементы которой ребенок как бы накладывает приобретенные им на данном этапе развития свои знания о мире, представления и т.д. Анализ денотативного аспекта значений первых детских высказываний обнаруживает, что они являются номинацией скорее собственной активности или позиции ребенка, чем некоторого внешнего референта [Bates 1976]. Это утверждение делает понятным известное положение о том, что значение детских высказываний следует понимать и анализировать только в конкретной ситуации их использования, что они неразрывно связаны с самой ситуацией и включены в нее как ее элемент.

Применение категорий современного семантического синтаксиса позволило в новом свете представить проблему однословных высказываний ребенка как главным образом проблему развития пропозиционального содержания высказывания. Факты детской речи позволяют нам предположить, что порождение пропозиционального содержания уходит своими корнями в порождение двучленной структуры. Ее семантика оказывается очень тесно связанной с тем элементом, который фиксирует «новое» и по сути является предикатом. Отметим, что грамматико-семантическая функция однословного высказывания в детском возрасте в первую очередь реализует именно эту предикативную функцию [Супрун 1969]. Пресуппозитивное содержание получает собственно вербальное средство реализации позднее и связано, по видимому, с появлением сначала цепочек однословных, а затем и двусловных высказываний.

Таким образом, можно предположить, что у истоков содержательной стороны вы-

сказывания стоит однословное предложение как первая форма вербального поведения в онтогенезе, с одной стороны, сочетающая в себе то, что получило название «смысла», «замысла» и т.д., с тем, что может быть названо ядерной предикативной формой, вокруг которой и сосредоточено пропозициональное содержание, с другой – служащая прототипом других форм выражения [Супрун 1969].

Здесь возникает один весьма существенный момент. Анализ функций начальных детских высказываний в ситуациях общения, по мнению американских психолингвистов [Greenfield 1976; Keenan 1976; Мелуик 1969], должен дать представление о формировании способности использовать язык в прагматических целях общения. При этом сущность указанного процесса трактуется как овладение стратегиями общения, определяющими способы использования детьми уже усвоенного знания. Совокупность этих способов и стратегий составляет так называемую «коммуникативную компетенцию», т.е. способность обеспечить адекватные для реализации коммуникативной интенции прагматические условия общения. С противопоставлением (или сопоставлением) языковой способности и коммуникативной способности можно согласиться. Если первая представляет собой функциональную иерархизованную систему функциональных компонентов и правил их употребления, то вторая – своего рода надстройка над первой, служащая для упомянутых целей. В принципе – и это важно для обучения иностранным языкам – может быть такое положение, при котором сформированная языковая способность не «работает» в силу отсутствия коммуникативной компетенции.

Л.С. Выготским было выдвинуто положение о том, что источником семантических обобщений ребенка является «функциональное употребление знака». Речь, как всякая высшая психическая функция, в онтогенезе сначала разделена между двумя людьми (Л.С. Выготский). Собственно семантическая сторона высказывания (указа-

ние и обозначение) формируется в детской речи в рамках последовательности: функция социальной связи – функция указания (обозначения) для других – функция указания (обозначения) для себя. Поэтому следует по-иному подходить к проблеме семантики коммуникативной функции в онтогенезе речи и не рассматривать коммуникативные функции высказывания как дополнительные, вторичные или автономные, связанные с реализацией высказывания. Актуальное высказывание указывает на внеязыковое содержание. Высказывание можно рассматривать как особого рода знак, являющийся основным средством обеспечения коммуникации, при этом «условием сохранения качества знака в процессе его “перевоплощений” является... восприятие кодированного в интерсубъективной среде “тела” знака адресатом речи» [Павлов 1978, 261]. Поскольку обозначаемое – а в детской речи на ранних этапах ее развития это всегда наличная предметная ситуация – выступает «не просто как объект отражения, а как объект совместной социальной деятельности» [там же], основное условие эффективности совместной деятельности будет заключаться в том, чтобы партнер структурировал предметную ситуацию таким же образом, как и говорящий. Структуризация ситуации на том или ином этапе онтогенетического развития определяется не только тем, какие элементы этой ситуации вычлняются ребенком как релевантные для совершения его действий, но теми связями, которые он между этими элементами актуализует. Анализ соотношения структуры ситуации и структуры речевого высказывания в онтогенезе оказывается возможным потому, что предметные и речевые действия строятся по общим для них психологическим законам. Функциональные характеристики высказывания, роль речи в предметно-практической деятельности в онтогенезе раскрываются при анализе структуры ведущей деятельности как конкретного этапа психического развития ребенка.

В качестве ведущей деятельности на

этапе активного овладения синтаксисом выступает игровая деятельность ребенка. Прагматическая, функциональная сторона речевого общения в раннем онтогенезе самым непосредственным образом обусловлена содержанием практических и социальных действий ребенка, поскольку само общение в период формирования первых семантических обобщений протекает в системе «ребенок – действия с предметом – взрослый» [Эльконин 1979]. По мере развития практических действий и тесно связанных с ними действий со знаками формируется относительно самостоятельное «языковое знание». Поскольку предметные и речевые действия в раннем онтогенезе слиты воедино в ситуации общения, проблемы анализа развития функциональной стороны формирующихся синтаксических структур предстает как проблема целенаправленного изучения игровых и речевых действий и способов соотнесения речевой и неречевой деятельности при порождении высказываний в ситуации общения.

По характеру психологической структуры деятельности выделяются следующие типы игровых действий: манипуляции предметные, атрибутивные, изобразительные и ролевые [Гинзбург, Лебединский, Шахнарович 1974]. Эти типы действий различаются по мотиву и цели, по строеванию (программе), по сложности реализации. По коммуникативной направленности они подразделяются на две группы; в одну из них входят действия, не требующие взаимодействия и общения; во вторую – предполагающие совместность реализации. В первую группу входят поэтому манипуляции и предметные действия, во вторую – атрибутивные, изобразительные и ролевые действия. Цель манипуляций и предметных действий – овладение предметами и их физическими и прагматическими свойствами. Цель атрибутивных действий – овладение функциями предметов; цель изобразительных и ролевых действий – овладение функциями и отношениями между людьми. Данная классификация действий позволила выделить две системы отношений в про-

цессе развития индивида, которыми он овладевает по мере развития высших психических функций: отношениями между людьми и отношениями между предметами.

В ходе дальнейшего анализа было проведено сопоставление развития названных типов действий и процесса формирования синтаксической структуры высказываний ребенка. Последовательное применение положения о том, что сложные психические процессы есть интериоризованные и свернутые внешние действия, приводит к пониманию того, что развитие структуры высказываний детской речи представляет собой «перевод вовнутрь» внешних действий. Различия в функциях будут на первых порах определяться различиями в структуре, содержании и направленности игровых действий.

Применение введенных Л.С. Выготским [1983] категорий физического и семантического синтаксирования позволяет выделить функциональные типы высказываний по сложности и характеру отражения в них предметно-действенной ситуации. Эти типы коррелируют с этапами развития синтаксической и семантической структуры высказывания, находящейся в непосредственной зависимости от структуры ситуации.

При овладении фразовой речью, требующей умений строить программу высказывания, грамматически структурировать, т.е. отбирать, развертывать, упорядочивать единицы языка, ребенок овладевает психологической предикативностью и предикативными отношениями. От непосредственного отражения ситуации в высказывании (на основе представления) ребенок переходит к составлению программы высказывания, выражая в условных формах свое относительно сложное знание о действительности. От глобального и внешне простого выражения ребенок переходит к расчлененному и внешне сложному высказыванию. При этом переходе «код образов» начинает занимать фоновый уровень, играя роль только одного из множества средств соотнесения высказывания с деятельностью.

Умение строить программу действий

находит свое выражение сначала в предметной деятельности, а затем – в речевой. Экспериментальное исследование развития функций высказываний в связи с развитием игровых действий детей [Овчинников 1982] показало, что типы высказываний коррелируют с типами игровых действий. Были выделены следующие типы высказываний: высказывание – констатация «*полетело все*», «*сломалось*»; высказывание – характеристика «*звонит у меня*», «*я строить приехал*»; высказывание – комбинация «*дом строить будем*»; высказывание – описание «*я с тобой... катер и подводная лодка*», «*это торпедный катер... у него торпеды есть... и мотор*»; высказывание – конкретизация роли «*я буду продавец*», «*я буду медсестра, буду карточки писать*». Анализ функции высказываний в сравнении с данными о более ранних этапах онтогенеза [Brown 1973] приводит к выводу о том, что на этапе однословных предложений у детей формируются определенные интерпретации явлений, встречающихся в их речевом опыте, после чего они овладевают способами выражения этих представлений. На основе последних и формируются обобщения, составляющие сущность имплицитных правил, которые являются одним из компонентов языковой способности.

Исследование развития функций высказываний детей в связи с развитием практических (игровых) действий показало следующее. Развитие структуры высказывания определяется усложнением предметной деятельности. По мере развития функций прагматики высказывания речевые действия начинают все более последовательно служить задачам коммуникации. Функциональные типы высказываний являются производными от типов интересубъективных ситуаций. Овладение оперативными правилами порождения речи производно от овладения оперативными правилами практической деятельности. Важнейшим результатом упомянутого исследования является подтверждение положения о неразрывной связи речевого и игрового дейст-

вия. Высказывания детей можно разделить на два типа: высказывание – аккомпанемент собственного действия и высказывание, обращенное к партнеру, построенное с целью влияния на партнера и его действия или с целью приведения партнера в определенное эмоциональное состояние.

Если в возрасте трех лет в речи ребенка преобладают высказывания, аккомпанирующие игровую деятельность ребенка, то к 5 годам их число уменьшается. Для детей в возрасте 5 лет и старше характерны высказывания, сообщающие о том, что другой не может воспринять непосредственно. Например, ребенок сообщает партнеру «Я строю дом» или «Я иду в магазин» с целью планирования будущих действий в игре, когда без речи неясно, что он делает, куда идет и т.д. Наибольшее число высказываний носит побудительный или планирующий характер, причем используется для этого достаточно ограниченный набор различных моделей, например: «Здесь будет двор, а здесь калитка»; «Собака такая не бывает, возьми вот это»; «Я буду суп варить, а ты пока спи» и т.п.

Из анализа развития семантики синтаксиса детской речи следует, что в онтогенезе семантическая структура высказывания постепенно усложняется за счет развития и обогащения предметного опыта ребенка. В развитии значения высказывания большая роль принадлежит развитию предикации, что при анализе ситуации тесно связано с переходом от выделения предмета к выделению его признаков. По мере развития ребенка, усложнения предметных действий происходит развитие функций высказываний от простой констатации «положения дел» во фрагменте действительности к характеристике отношений, установленных в результате мыслительных операций.

Эти положения могут быть с успехом применены в практике обучения второму языку – и не обязательно при обучении дошкольников. Данные об овладении языком в детском возрасте чрезвычайно полезны для всех, кто стоит перед сложнейшими задачами моделирования процесса овладения языком в любой обучающей системе.

Литература:

Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1976.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М., 1984.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр.соч., т.2. М., 1982.

Выготский Л.С. Проблема сознания // Собр.соч., т. 3. М., 1983.

Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношений языка и мышления // Вопросы философии, 1977, №4.

Гинзбург Е.Л., Лебединский В.В., Шахнарович А.М. Нарушения структуры деятельности в патологии // Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов СССР. Тбилиси, 1974.

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.

Овчинников В.Н. Функциональные типы высказываний в детской речи. Автореферат канд. дис. М., 1982.

Павлов В.М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности. М., 1978.

Серебренников Б.А. Проблема материалистического подхода к явлениям языка. М., 1983.

Супрун А.Е. К проблеме порождающей системы ребенка // Психология грамматики. М., 1969.

Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1979.

Bates E. Language and context. The acquisition of pragmatics. N.Y., 1976.

Brown R. A first language: the early stages. Cambridge, 1973.

Chomsky N. Aspects of theory of syntax. Cambridge, 1965.

Greenfield P.M., Smith G.H. The structure of communication in early language development. N.Y., 1976.

Keenan E., Schieffelin B. Topic as a discourse notion // Subject and topic. N.Y., 1976.

Menyuk P. Sentences children use. Cambridge, 1969.

McNeill D. The acquisition of language. N.Y., 1970.

И.Г. Овчинникова

Л.В. САХАРНЫЙ И А.С. ШТЕРН

Леонид Владимирович Сахарный родился 14 мая 1934 года на Украине, в Харькове. Семья Сахарных покинула свой дом только в 1941 году. Маленькому Лене было 8 лет, когда он очутился в Семипалатинске, куда были эвакуированы жители захваченных фашистами областей. Из Семипалатинска Сахарные переехали в Свердловск. Жизнь полна случайностей, но многие встречи в ней предуготованы судьбой: неподалеку, в Челябинской области, оказалась семья Штерн, Клара Александровна и годовалая Алла, будущая жена Леонида Владимировича. В детстве они разминулись: знакомство состоялось три десятка лет спустя.

Высшее филологическое образование

Леонид Владимирович получил в Государственном Уральском университете. Он с удовольствием вспоминал студенческие годы, своих учителей. Благодаря друзьям-биологам, Сахарный слышал и даже как-то видел Зубра, Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, приехавшего на летние семинары по соседству, в Челябинскую область. Во время первомайской демонстрации 1960 года свердловчане стали свидетелями скоротечной военно-воздушной операции: над Свердловском был сбит самолет Пауэрса. Леонид Владимирович рассказывал, что всех заинтересовала вспышка в весеннем небе, но только несколько дней спустя из центральных газет очевидцы узнали о сбитом американском самолете.

Приметы эпохи отражались в судьбах всех современников, или, скорее, наоборот: переплетение судеб современников, мера «вмешательства» больших событий в частную жизнь определяли эпоху и ее приметы.

После окончания университета Леонида Сахарного оставили лаборантом на кафедре. Он объездил всю область, собирая материал для словаря говоров Урала. В первом томе «Словаря русских говоров Среднего Урала» в качестве ответственного секретаря значится Л.В. Сахарный. Образование было продолжено в аспирантуре в 1961 - 1963 годах. При поступлении в аспирантуру Сахарный познакомился с Лялей Поляковой, в будущем - коллега по работе в Перми, профессор Елена Николаевна Полякова. С Поляковыми Сахарные-Штерны дружили семьями с середины семидесятых годов.

Как часто случалось в годы планирования научного творчества и равномерного повышения квалификации преподавательских кадров во всех регионах, в аспирантуру поступали «подснежниками», по направлению периферийного вуза, в котором никогда не работали. В 1961 году до Уральского университета «не доехал» представитель солнечного Узбекистана. Благодаря этому Леонид Владимирович стал «подснежником» от Наманганского пединститута. Научным руководителем Л.В.Сахарного был Павел Акимович Вовчок. Однокашники шутили, напевая популярную тогда песенку о плодородии Намангана: станешь кандидатом - поедешь есть наманганские яблочки.

В 1963 году Леонид Владимирович с семьей переехал в Пермь. Мария Александровна Генкель, взяв курс на «маскулинизацию» кафедры русского языка и общего языкознания, пригласила в Пермский университет Соломона Юрьевича Адливанкина и двух Леонидов - Владимировича (Сахарного) с Николаевичем (Мурзиным). В нашем университете Леонид Владимирович проработал 12 лет, до 1975 года. Начал с ассистента, защитив кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербургском Инсти-

туте Лингвистических исследований (в те времена - Ленинградское отделение Института Языкознания АН СССР), стал доцентом; подготовил докторскую диссертацию по теории словообразования. Любимыми курсами были «Введение в языкознание» и «Общее языкознание».

Леонид Владимирович - организатор знаменитого студенческо-преподавательского кружка по общему языкознанию, о котором до сих пор вспоминают выпускники филфака. Половина вузовских работников Перми училась у Сахарного и заглядывала на кружок. Это преподаватели ПГУ Лариса Алексеева, Марианна Литвинова, Татьяна Чугаева; сотрудник университетского издательского отдела Елена Огиенко; Борис Чарный и Наталия Линк из педагогического университета; Наталия Нестерова и Татьяна Вшивкова из технического университета, директор школы № 77 Ольга Ухлова, Валентина Галичева и многие, многие другие.

Студенческая любовь к обаятельному и талантливому молодому преподавателю естественна и закономерна. Но в случае с Сахарным она объясняется вполне материалистически: Леонид Владимирович ведал художественной самодеятельностью факультета, пел в университетском хоре, ездил в диалектологические экспедиции и на картошку. Помнил всех студентов, всегда интересовался их проблемами, знакомился с мужьями и детьми. Замечательное вступительное сочинение Людмилы Сидоровой (ныне сотрудник университетского издательского отдела) цитировал и 20 лет спустя; рассказывал также о неожиданной встрече в самолете Пермь-Москва с Ольгой Ухловой, ускользнувшей с занятий на весенние «московские каникулы» 1970 года... Одна из последних диалектологических экспедиций - поездка в Чердынский район в 1970 году. О ней любит вспоминать Елена Николаевна Полякова: как были молоды, любопытны, веселы. Студентки-модницы щеголяли по деревне в мини-юбках, вызывая восторг или ужас (в зависимости от пола и возраста) у местных жи-

телей. Экспедиционная жизнь воспета Сахарным в частушках: «По деревне Камгорту девки в мини шастанут. Удивляются быки и хряки ушастые». Время работы Л.В. Сахарного вместе с Л.Н. Мурзиным и С.Ю. Адливанкиным в деканате («у руля факультета») в университетском фольклоре называют «золотым веком» филфака.

Леонида Владимировича уважали и любили коллеги. С Мурзиными Сахарные дружили семьями. Два Леонида всегда ассоциировались один с другим: встретив одного, обязательно спрашивали о другом. И научные интересы были близки, хотя они так и не написали ни одной совместной работы. Наверное, сказалось различие в исследовательских стилях. Леонид Николаевич предпочитал «дедуктивный метод», строил гипотезу, а затем обосновывал ее материалом, а Леонид Владимирович любил «рыться» в языковом материале («диалектологическая закваска?»), при разработке теории не удовлетворялся языковой интуицией (кстати сказать, прекрасно развитой). Впрочем, вся кафедра в те годы «дружила семьями»: было принято вместе встречать праздники, ездить на природу. Неформальным лидером и тамадой «кафедральных посиделок» часто оказывался Леонид Владимирович.

С Пермским университетом связано становление Л.В. Сахарного как ученого, лидера научного направления - психолингвистического исследования словообразования и значения слова. Первые психолингвистические работы Л.В. Сахарного выполнены на диалектном материале. Из Перми он впервые отправился на Всесоюзный психолингвистический симпозиум в середине шестидесятых; впервые выехал на международную конференцию в Бухарест вместе с Л.Н. Мурзиным в начале семидесятых. Выполненные в Перми научные работы публиковались в центральных изданиях. Пермские ученики поступали в столичную аспирантуру: Людмила Дубровская, Светлана Минеева, Татьяна Наумова, Владимир Овчинников... Леонид Владимирович стал известен в Советском Союзе и за рубежом,

на его книги и статьи часто ссылались ученые разных направлений (дериватологи, лексикографы, психолингвисты).

В 1975 году Сахарный переехал в Санкт-Петербург. Долгое время он работал научным сотрудником в Публичной библиотеке и преподавал на филологическом факультете университета. В конце семидесятых в университетском Совете была защищена докторская диссертация. Кафедрой общего языкознания в то время заведовал Юрий Сергеевич Маслов. Благодаря настойчивости Юрия Сергеевича, его безукоризненной научной репутации и глубокой порядочности, Леонид Владимирович все же стал штатным сотрудником кафедры в годы, когда официальной кадровой политикой многих вузов был откровенный антисемитизм. Л.В. Сахарный легко вписался в кафедральную жизнь. Он много преподавал (введение в языкознание, общее языкознание, психолингвистика, спецсеминары и спецкурсы), ездил с лекциями в вузы других городов: Архангельск, Мурманск, Северодвинск и, естественно, Пермь. Редактировал кафедральные сборники, составлял новые учебные программы, руководил студенческими и аспирантскими научными работами. В начале девяностых при Людмиле Алексеевне Вербицкой, сменившей профессора Ю.С. Маслова на посту заведующего кафедрой, появилось новое отделение теоретической лингвистики. У его истоков стоял Леонид Владимирович, разработавший концепцию образования и некоторые учебные программы.

Со второй половины восьмидесятых Леонид Владимирович - практически бесменный председатель Государственной экзаменационной комиссии на пермском филфаке. Он каждое лето приезжал из Санкт-Петербурга, чтобы устроить праздник для наших выпускников. Защита диплома становилась звездным часом и «праздником души», как утверждает студенческий фольклор. Каждая работа находила в нем отклик, каждому дипломнику непременно задавались заинтересованные вопросы, каждый мог показать себя и по-

чувствовать вкус к обсуждению результатов собственного научного творчества. Сахарный-председатель был взыскателен и доверчив, не терпел недобросовестности и «халявы», но щедро вознаграждал самостоятельность и умение отстаивать свою позицию, даже если она не совпадала с его научными взглядами. В его поздравлениях выпускникам не было ни тени формальности, а в отчетах о работе ГЭК Ученому Совету факультета неизбежные замечания всегда сопровождалось «конструктивом». Без преувеличения можно сказать, что такой председатель определял дух студенческого научного творчества на факультете. И не только студенческого. В каждый свой приезд Леонид Владимирович читал спецкурсы для аспирантов и преподавателей, выступал с научными докладами перед коллегами. Обычно с ним приезжала и Алла Соломоновна Штерн.

Трудно переоценить участие в научной и преподавательской судьбе Сахарного его жены, Аллы Соломоновны Штерн. Они составляли удивительно гармоничный дуэт. Впервые этот дуэт «прозвучал» на банкете после второго Всесоюзного симпозиума по психолингвистике в 1967: Штерн и Сахарный были единогласно избраны «тамадами» отечественной психолингвистической элитой. Своими знаниями математики и психологии, необыкновенной научной добросовестностью, терпением и тактом Алла Соломоновна дала «второе дыхание» Сахарному-ученому. В свою очередь, Леонид Владимирович вдохновил и «организовал» жену на защиту сначала кандидатской, а затем и докторской диссертации. Сахарный и Штерн не раз выступали соавторами работ, опубликованных в Перми, Санкт-Петербурге, Москве. Их совместным детищем стал Городской психолингвистический семинар в Санкт-Петербурге - ежемесячные собрания психолингвистов и «сочувствующих», на которых обсуждались концепции докторских диссертаций, итоги научных и прикладных исследований, выступали гости из других городов и стран. Алла Соломоновна и Леонид Владимиро-

вич много ездили с лекциями и научными докладами по России и за границу (Германия, США, Израиль).

Ученики, студенты и аспиранты, тоже были «общими»: дипломники Аллы Соломоновны поступали в аспирантуру к Леониду Владимировичу. Случалось и обратное: пермские дипломники Сахарного, дети коллег по работе в Перми становились аспирантами Аллы Соломоновны. Такова научная судьба Татьяны Николаевны Чугаевой и Елены Валентиновны Ерофеевой. Дом Штернов-Сахарных в Санкт-Петербурге называли «пермским подворьем»: все друзья и ученики находили в нем не только внимательных слушателей и научных консультантов, но уют и кров, понимание личных проблем и участие. Постоянная поддержка и заинтересованность, семейные лингвистические дискуссии, юмор и душевная теплота - вот что определяло атмосферу этого дома. В нем выросли кандидаты филологических наук Вера Александровна Сударикова (бывший преподаватель Пермского технического университета), Тамара Ивановна Доценко (доцент Пермского педагогического университета), Ольга Борисовна Детинина (доцент одного из институтов Уфы, студентка пермской сахарновской студентки Татьяны Николаевны Наумовой), Ирина Александровна Барина (преподаватель Юридического института МВД в Перми), Светлана Ивановна Стрекаловская (научный сотрудник университета города Хайфа в Израиле), Сергей Александрович Сиротко-Сибирский (доцент Санкт-Петербургского университета), Лариса Борисовна Волкова (сотрудник публичной библиотеки), Анатолий Константинович Агибалов (доцент ЛГИТМИКа), Людмила Борисовна Романовская (доцент Санкт-Петербургского университета), Татьяна Николаевна Чугаева и Елена Валентиновна Ерофеева (Пермский государственный университет). Под крылышком хозяев оформилась одна докторская - декана филологического факультета Пермского университета Тамары Ивановны Ерофеевой. А вот Елена Леонидовна

Кавардакова из Пермского технического университета и три ленинградки закончить кандидатские диссертации не успели, осиротели. Осиротели и докторанты Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, я сама.

Аллы Соломоновны не стало 2 декабря 1995 года. Через год с небольшим, 25 декабря 1996, ушел из жизни Леонид Владимирович. Без Аллы Соломоновны он сразу постарел и угас. Она и совместная работа были главным стимулом его жизни. Без нее даже научное творчество не приносило радости - не хватало вдохновителя и самого важного критика. Последние его публикации отражают то, что он успел обсудить с Аллой Соломоновной. Последнее научное

редактирование - это подготовка посмертного издания курса лекций А.С. Штерн по психологии для лингвистов.

Также друг за другом уходили из жизни супруги Масловы, Лотманы-Минц. Дуэт возможен только вдвоем. Ни дети, ни родные и близкие, ни друзья и коллеги, ни ученики и почитатели не в силах удержать половину души (если, конечно, душа вообще делится на половинки). Мы все помним счастливых и щедрых своим счастьем Аллу Соломоновну и Леонида Владимировича. С ними было светлее. Как же повезло нам всем пересечься в пространстве и времени!

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

И.Г. Овчинникова

О КОННЕКЦИОНИСТСКОЙ ИНТЕПРЕТАЦИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

0. Целью научного изучения феномена языка в конечном итоге является целостная модель языковой способности и речевой активности человека, моделирование функционирования языка в социальном взаимодействии, т.е. анализ «целого речевого события, начиная с источника и кончая целью: намерение, иннервация, постепенное порождение, передача, слушание, восприятие, понимание» [Якобсон 1985: 302]. Естественно, достижение столь глобальной цели возможно при последовательном к ней приближении, решении частных задач, рассматривающих восприятие и порождение речи по отдельности. Как в отечественной, так и в зарубежной психолингвистике представлены различные модели речевосприятия и речепорождения (см. обзор и анализ Ахутина 1989; Залевская 1999; Кубрякова 2004; Леонтьев 1969; Сахарный 1994; Смысловое восприятие... 1976; Человеческий фактор... 1991; Штерн 1992 и др.). Между тем в последнее десятилетие благодаря использованию тонких и технологичных экспериментальных методик получены данные, существенно образом уточняющие классические положения и по-разному интерпретированные в различных научных традициях. На наш взгляд, безусловную ценность представляют все непротиворечивые интерпретации, поскольку любая из них может быть полезна для объемного видения «целого речевого события». Попробуем охарактеризовать одно из направлений моделирования речевой деятельности – современный коннекционизм, представленный «соревновательной» (состязательной) моделью и послуживший основой для Usage-based model.

1. В центре внимания коннекционизма оказывается моделирование порождения и

восприятия речи, способности человека к речевой деятельности. В сущности, коннекционизм представляет собой наиболее полную компьютерную метафору овладения языком, родным или иностранным. Целью коннекционистских разработок является создание модели языковой способности человека, обладающей объяснительной силой и пригодной для решения прикладных задач по обучению языкам, коррекции речи, разработки компьютерных программ обработки речевого сигнала и т.п. В основе компьютерной метафоры и программ, моделирующих речевую деятельность лежит положение о единой системе ментальных репрезентаций в сознании человека.

1.1. Коннекционисты исходят из положения о взаимосвязи всех когнитивных процессов и включенности всех знаний в единую ассоциативную сеть. По мнению О. Доснана, «коннекционизм представлен как общая теория, основанная на ассоциации когнитивных элементов, которые не являются ни понятиями, ни словами, но фундаментальными единицами, предшествующими появлению любого значения» [1997: 70]. Коннекционистские модели представляют как «соревновательные» (состязательные); все варианты коннекционистских моделей основаны на принципе состязания языковых единиц и ментальных репрезентаций в речемыслительной деятельности человека. Точнее, в состязание вступают нейронные связи; «выигравшая» состязание связь нейронов активируется, тем самым обеспечивая в процессах восприятия и порождения речи актуализацию в сознании носителя языка определенных единиц. Коннекционистские модели являются вероятностными.

1.2. Коннекционизм называют возрожденным бихейвиоризмом и ассоцианизмом [Фодор, Пылишин 1996]. Сходство с би-

¹ Исследование поддержано РФФИ (грант 05-06-80070)

хейвиоризмом основано на актуализации связи стимул-реакция в интерпретации речевого поведения и становлении ментальных репрезентаций, обеспечивающих речевую деятельность. Коннекционизм существенно отличается от бихейвиоризма обращением к внешнему контексту установления связи стимул-реакция, вниманием к перцептивному опыту и вероятностным факторам, предопределяющим силу этой связи. Сторонники противостоящего коннекционизму направления когнитивной науки настаивают на модульной репрезентации языка, справедливо полагая, что предположения о структуре мозга не должны восприниматься как гипотезы о когнитивной структуре [Фодор, Пылишин 1996: 310]. Иначе говоря, структура мозга рассматривается как материальный субстрат когнитивной деятельности, не предсказывающий структуру собственно деятельности.

1.3. В центре внимания коннекционистского моделирования речевой деятельности – онтогенез речи, подходы к решению проблемы становления языковой компетенции на основе инпута, под которым понимается перцептивный опыт, в том числе и коммуникативный. Коммуникативный опыт включает не только те акты коммуникации, в которых индивид непосредственно участвует как говорящий/слушающий (пишущий/читающий), но и «фоновую» коммуникацию: необращенные к нему высказывания в повседневном общении, дискурс СМИ и т.п. Коммуникативный опыт накапливается в процессе производства и восприятия речи в различных ситуациях общения, включая восприятие собственных речевых высказываний и их коррекцию в соответствии с реакцией собеседника. Перцепция речи предшествует становлению речепорождения и в онтогенезе, и при овладении вторым языком [Лепская 1997].

1.4. В коннекционизме процессы порождения и восприятия речи соотносят в рамках одной сквозной модели, что является несомненным достоинством. В реальных коммуникативных актах участникам при-

ходится постоянно переключаться с порождения речи на восприятие. Целью научного знания о феномене языка в конечном итоге является Порождение и восприятие актуализированы одновременно в любом речевом акте, поскольку говорящий (пишущий) непременно выступает и как слушающий (читающий), так как слуховой и зрительный контроль реализации смысловой программы высказывания составляет необходимую процедуру речевой деятельности (см., например: [Ахутина 1989]).

2. Охарактеризуем основные положения коннекционизма, имея в виду и классическую модель, и ее более современную унифицированную версию, используя в качестве иллюстраций детскую речь.

2.1. Одно из основных положений коннекционизма – утверждение искусственности разделения лексики и грамматики как самостоятельных модулей ментальной репрезентации естественного языка, поскольку мозг представляет собой единую нейронную сеть, в которой сила связей между нейронами обусловлена частотностью их совместной активации [Bates & Goodman 2001]. Частотность совместной активации нейронов отражает частотность взаимосвязи воспринимаемых сигналов в перцептивном опыте: чем чаще в опыте связаны сигналы (смежностью в пространстве, последовательностью во времени или иным способом), тем вероятнее, что появление одного сигнала актуализирует в сознании человека другой связанный с ним сигнал. Поскольку грамматические формы лексем взаимообусловлены в рамках синтаксических конструкций, постольку каждая из форм имеет приоритетного «партнера»: грамматическую форму, которая чаще прочих встречается рядом с ней в потоке речи. Этим обеспечивается освоение грамматики в онтогенезе, которое «запускается» критическим объемом словаря [Bates, Bretherton, Snyder 1988].

Познавательная деятельность предполагает формирование и системы операций по обработке поступающей информации, и системы единиц, подлежащих обработке и

хранению. Первое составляет процедурные знания, второе – декларативные. Разграничение лексикона и грамматики, основанное на противопоставлении декларативных и процедурных знаний, приводит к разграничению модулей в ментальной репрезентации языка. При коннекционистском подходе принято акцентировать взаимообусловленность репрезентации лексики и грамматики, производность процедурных знаний от объема и способа организации инвентаря – единиц, составляющих декларативные знания. О тесной взаимосвязи грамматики и лексикона пишут не только коннекционисты; Е.С. Кубрякова утверждает: «Сегодня, однако, надо пересмотреть наши взгляды на природу и функции лексикона, отстаивая не столько мнение о его противопоставленности грамматике, сколько, напротив, идеи их органической связи, «перетекания» одного в другое и, конечно же, известной условности границ между ними» [Кубрякова 2004: 378]. Ю.Н. Караулов исследуя ассоциативно-вербальную сеть, доказывает взаимопроникновение лексикона и грамматики (точнее, синтаксиса), обращая внимание на грамматикализованные ассоциативные связи (Караулов 1993).

2.2. Ментальная репрезентация языка в классической коннекционистской модели выстраивается как взаимосвязь трех карт: фонологической, семантической и аргументной. Ключевую роль играет понятие состязания (*competition*), которым обозначают отношения между языковыми единицами, активированными в процессе порождения и восприятия речи. В пространстве фонологической карты конкурируют аудиообразы и артикуляторные образы языковых единиц; в пространстве семантической карты – значения, приписываемые звуковому сигналу (или последовательности артикулем); наконец, в пределах аргументной карты состязаются аргументы предиката и модели порядка слов.

Конкуренция артикуляторных образов проявляется в самокоррекции, т.е. исправлении допущенных оговорок с меной близких по артикуляционным параметрам зву-

ков, заменой близких по звучанию слов. *Они перелезли через ребро... через похожее на ребро бревно*, – поправляет свой рассказ по серии картинок о мальчике, отправившемся на поиски сбежавшей лягушки, шестилетний Максим Г. (на картинке мальчик и собачка перелезают через лежащий в воде ствол дерева)¹. Говорящий в ходе контроля за выполнением программы высказывания замечает², что место в речевой цепи занято «неправильным» претендентом и меняет свое решение в пользу иной последовательности артикулем, ассоциированной с лексическим значением, более точно отражающим авторскую интенцию. Причиной предпочтения неверной последовательности артикулем может быть частотность в ближайшем контексте слога *pe* (*перелезли через*). Вероятно также, что для городского ребенка, выросшего в семье врачей, как Максим Г., последовательность артикулем *ребро* более частотна в индивидуальном коммуникативном опыте по сравнению с *бревно*. Такого рода оговорки в спонтанных повествованиях детей по мере взросления встречаются все реже и реже.

Конкуренция значений отражается в сбоях при лексическом выборе. Максим Г., рассказывая о бегстве лягушки из банки, утверждает: *выпрыгнула из аквариума маленькая жабк...жаба... лягушка* (хмыкает). В этом утверждении два сбоя при лексическом выборе. Во-первых, банку, в которой сидит лягушка, мальчик называет *аквариумом*, используя верное наименование специального резервуара, предназначенного для земноводных и рыб, вопреки изобра-

¹ Все примеры, помимо специально оговариваемых, приводятся из рассказов по серии картинок (*Frog stories*), записанных на диктофон и частично опубликованных [Овчинникова и др. 1999]. Серия из 24 картинок о поисках мальчиком и его собачкой сбежавшей лягушки – стандартный материал для изучения повествований детей, говорящих на разных языках [Berman, Slobin 1994]. Общие сведения о русскоязычных *Frog stories* приводятся в [Дурова, Юрьева 1998].

² В отечественной психолингвистической традиции моделирования порождения речи контроль за ходом выполнения программы высказывания возможен на любом из этапов его планирования (см., например, модель Т.В. Ахутиной (1989).

женной на картинке стеклянной банке. В конкуренции в пределах семантической карты выигрывает значение, актуальное в реальной ситуации содержания в домашних условиях рыбок, лягушек и т.п. Во-вторых, лягушку первоначально маленький рассказчик решает именовать *жабкой*, затем – *жабой* и, наконец, останавливается на номинации *лягушка*, которую уже использовал ранее. Во втором случае представлена самокоррекция неверного лексического выбора.

Рассмотрим конкуренцию аргументов предиката и моделей порядка слов – конкуренцию в пределах аргументной карты. Шестилетний Антон С. рассказывает: *Потом мальчик с..сел на... на землю. И увидел пароходов и обезьян. У предиката увидел в последнем предложении выражен объект, причем увиденные мальчиком объекты рассказчик оформляет одинаково, грамматически маркируя их как одушевленные. В конкуренции между формами побеждает несовпадающая с именительным падежом, маркирующим тему высказывания, форма винительного падежа для одушевленных существительных: пароходов. Конкуренцию моделей порядка слова, как нам кажется, отражает высказывание из повествования шестилетней Симы К.: Вдруг оглянулась собачка, а мальчика нету. Девочка использует (как нам кажется, коммуникативно неоправданно) инверсионный порядок слов (V-S). Инверсия (O-V-S) встречается в описании шестилетней Ладой Р. падения мальчика: А мальчик, его испугала сова, и он упал в метр от лужи, и почти на середину, что связано с заданной в предыдущей синтагме темой (А мальчик). Приведем еще один случай инверсии из повествования Лады Р. На картинке изображена собачка, пытающаяся, по всей видимости, добраться до жилища диких пчел (или ос); девочка рассказывает: А собачка все прыгала на двух ногах возле пчелиного улья... Где он висел, собачка застряла двумя лапами, дерево, где висел улей... Помимо лексического сбоя (на двух ногах вместо на двух лапах) в рассказе девочки встречается*

синтаксический сбой в реализации структуры сложного предложения: зависимая часть предшествует главной. Интересный пример, отражающий конкуренцию моделей порядка слов, находим в рассказе шестилетней Лизы Р.: *Потом... мальчик, когда залез на большой камень, олень убежал. Лиза заявляет тему (мальчик) в соответствии с типичным русским словопорядком (S-V-O), а затем продуцирует зависимую часть сложного предложения, субъектом которой является уже заявленная тема. Мальчик отделен от когда паузой и понижением тона.*

Такого рода инверсия встречается в повествованиях шести-семилетних детей и практически отсутствует в спонтанных монологах более взрослых рассказчиков.

2.2.1. Фонологическая карта представляет базу для «фонологической модификации», которая формируется на основе артикуляторных образов и аудиобразов слова в процессе становления перцептивных эталонов и моторных программ. Фонологическая карта, по-видимому, является аналогом перцептивной базы и артикуляторной базы языка.

В процессе накопления речевого опыта каждому элементу фонологической карты приписывается определенное значение, отраженное на семантической карте. Как отмечают Б. МакВинни и К. Планкетт, заучивание слов в процессе освоения языка включает развитие одной «карты» для аудиобразов (перцептивных эталонов), другой «карты» для семантических образов; затем между двумя «картами» устанавливаются взаимные ассоциативные связи [MacWhinney & Plunkett 2000: 21]. Взаимные ассоциативные связи возникают и укрепляются благодаря многочисленным перцептивным явлениям. Механизм ассоциирования, способ установления связей между любыми содержаниями сознания на разнообразных основаниях, – один из важнейших интеллектуальных механизмов, обеспечивающий, по мнению Н.И. Жинкина, «физиологию языка». Насколько мы можем судить, в коннекционистских моде-

лях ассоциативному механизму отводится ключевая роль в организации ментальной репрезентации языка.

Заметим, что аудиообразы, выделяемые в речевом потоке в процессе восприятия речи, оказываются исходным материалом для артикуляторных образов и конструирования фонологической карты в целом, поскольку в онтогенезе речи артикуляция возникает как своеобразная отработка движений речевого аппарата, направленных на достижение определенного аудиообраза [Лепская 1997; Цейтлин 2000].

2.2.2. Совокупность значений организована в семантическую карту, формирующуюся на основе лексических значений. В первоначальном варианте модели семантическая карта не ограничена только лексическим значением. На семантической карте отражены и значения морфем. Сами лексические значения извлекаются из речевого потока благодаря аргументному фрейму [MacWhinney 2000: 141]. Иначе говоря, в процессе восприятия звучащей речи каждый звуковой образ соотносится с определенной позицией в высказывании, характерной для определенного аргумента пропозиции (для определенной синтаксической роли). Данная позиция аргументного фрейма связывается с лексическим значением. Как видим, грамматика (в лингвистическом смысле) оказывается необходимым условием освоения лексикона, так как на основе грамматической (точнее, синтаксической) роли устанавливаются звуковые образы словоформ, которые в результате категоризации объединяются в лексему. Лексическое значение ассоциировано с конкретными аудиообразами. Причем, как отмечает Б. МакВинни, дети в меньшей степени, чем взрослые, стеснены в творчестве символических связей между звучанием и значением [MacWhinney 2005: 103], что обеспечивает быстрое формирование взаимосвязей фонологической и семантической карт, успешную переработку инпута и освоение естественного языка.

В речевой деятельности семантическая карта подвергается семантической моди-

фикации, т.е. взаимной адаптации значений связанных в речевом потоке слов. Лексические значения подвергаются семантической модификации в силу регулярной совместной встречаемости определенных аудиообразов, представляющих их в речевой цепи. Совместная встречаемость аудиообразов служит основанием для установления лексических ассоциаций. Благодаря лексическим ассоциациям фонетический облик языковой единицы непосредственно проецируется на аргументный фрейм: фонетический облик «обрастает» контекстным окружением.

Таким образом, связи между элементами языка устанавливаются на основе частотности их совместной встречаемости в речевом потоке и устойчивости позиций в аргументном фрейме. Разнообразие речевого потока ограничено коммуникативным опытом индивида. Новые связи продуцируются за счет обработки поступающего речевого сигнала: в нем опознаются фонетические слова, совместная встречаемость которых уточняет их проекции на семантическую карту. Новое фонетическое слово проецируется на семантическую карту благодаря позиции, занимаемой в аргументном фрейме относительно других фонетических слов, во-первых, и лексическим ассоциациям с освоенными фонетическими словами, имеющими проекции на семантическую карту, во-вторых.

2.2.3. В восприятии и понимании речи важное значение имеют два процесса: процесс маскировки и процесс сохранения «замаскированной» речевой единицы в рабочей памяти (*masking & buffering*: [MacWhinney 2000: 139-140]). Эти процессы играют существенную роль как при восприятии речи, так и при ее порождении, поскольку позволяют одновременно воспринимать собственную речь и осуществлять контроль за реализацией замысла. Полагают, что маскирующий процесс играет роль «пускового механизма» для усвоения аргументных отношений. Иначе говоря, аргументная карта формируется на основе специфического процесса, который обес-

печивает одновременность восприятия, первичной переработки текущего сигнала и сохранения переработанной, но актуальной для целого высказывания синтагмы.

2.2.3.1. Маскировка сводится к дезактивации воспринятого аудиообраза с соответствующим ему лексическим значением. Дезактивация не подразумевает вытеснение лексического значения из памяти; для успешного понимания речевого сообщения необходимо временно сохранять воспринятую и опознанную лексему отдельно от остальных единиц лексикона, для того чтобы иметь возможность актуализировать ее на любом из этапов восприятия текущих речевых сигналов. Дезактивация лексемы позволяет, не отвлекаясь от процесса речевосприятия и установления соответствий между поступающими аудиообразами и элементами семантической карты по ходу поступления сигнала, по окончании звучания осуществлять переработку воспринятого сообщения целиком.

2.2.3.2. В качестве свидетельства психологической реальности «маскировки и «буферного» сохранения» можно трактовать материалы детской речи. Например, шестилетняя девочка, повторяя за мамой строки К.И. Чуковского, вставляет героя, не упомянутого в исходном стихотворении: *«Пришли мне калоши, и мне, и жене, и Тотоше с Кокошей»* (пример из: Круглякова 2006: 8). Очевидно, в этом случае искажение смысловой программы порождаемого высказывания возникло при семантической обработке поступающего сигнала и активации информации, хранимой в долговременной памяти. «Замаскированный» и сохраняемый в «буферной» памяти сигнал искажается под воздействием сформированных ранее речевых стереотипов (*«Тотоша и Кокоша»* из «Мойдодыра» К.И. Чуковского).

2.2.3.3. Аргументные отношения нельзя установить для изолированной лексемы. Аргументные отношения опознаются и аргументная карта формируется на основе «маскировки» воспринятого сигнала и сохранения его в «буферной» памяти. Такое

сохранение позволяет в ходе распознавания и переработки текущего высказывания online объединять единицы, «интерпретировать» их как слоты аргументного фрейма. Вероятно, сохраняемая в буферной памяти часть собственного высказывания при порождении речи служит основой для коррекции семантической программы высказывания и ее реализации.

Буферной или эпизодической памятью считают кратковременное хранилище, от которого отличают хранилище долговременное (семантическую память, ментальный лексикон). Согласно исследованиям глагольной морфологии, «буферная», т.е., насколько мы можем судить, кратковременная оперативная, память содержит готовые лексические единицы, извлекаемые из долговременного хранилища по мере необходимости в коммуникативной ситуации.

2.2.4. Семантическая карта – это ментальный лексикон. Ментальный лексикон трактуется как хранилище декларативных знаний, организация которых обусловлена, помимо иных факторов, еще и вероятностью совместной встречаемости единиц в речевом опыте индивида. Отдельные единицы ментального лексикона соответствуют лексеме, словоформе, морфеме национального языка. Для каждой из единиц в семантической карте отражен непосредственный (ближайший) контекст. Синтагматические связи между единицами языка весьма существенны для семантического анализа речевого сообщения. Именно совместная встречаемость (текстовые ассоциации) языковых единиц в коммуникативном опыте индивида наряду с процедурными знаниями (двумя процессами: *masking & buffering*) обеспечивает освоение синтаксиса и формирование аргументной карты.

2.3. Обратимся к современной версии модели, описанной Б. МакВинни [2005: 81-110]. Унифицированная версия учитывает данные освоения родного языка, опыт учебного и естественного билингвизма. В унифицированной коннекционистской модели появляются новые компоненты. В яд-

ре модели по-прежнему принцип конкуренции – состязание активированных единиц за «право обрести достойное место» в семантике декодируемого речевого сообщения или занять позицию в речевой цепи при порождении речевого высказывания. Существенное влияние на конкуренцию оказывает явление резонанса: один из «претендентов» получает поддержку, совпадая с параметрами коммуникативной ситуации, с вербальным контекстом дискурса.

2.3.1. В речемыслительной деятельности задействованы «языковые арены», на которых и происходит состязание конкурирующих единиц. Арены соответствуют четырём традиционным для психолингвистики уровням: фонологическому, лексическому, морфосинтаксическому (грамматическому) и концептуальному (там же: 84). При порождении речи эти арены включают формулирование сообщения, активацию единиц лексикона, морфосинтаксическое упорядочивание, артикуляторное планирование. При восприятии речи – переработку аудиокомплексов, активацию лексических единиц, декодирование их грамматической роли, интерпретацию значения. Обработка речевого сигнала или программы речевого сообщения на каждой из арен подчиняются различным комбинациям нейронных путей. В дополнение к перечисленным восьми аренам, взрослый носитель языка использует еще две арены для «орфографических состязаний» – одну для чтения, одну для письма. Таким образом, языковая способность включает две функционально различные, но взаимосвязанные и взаимообусловленные компетенции: компетенцию говорящего (пишущего) и компетенцию слушающего (читающего)¹.

2.3.2. Языковой знак представляет соотношение формы и функции, взаимное соответствие на двух картах: фонологической и семантической. При порождении речи формы состязаются в пригодности к выра-

жению интенции адресанта; при восприятии речи функции или интерпретации выбираются на основе сигналов от поверхностных форм. Выигрыш в этом состязании детерминирован соотносительной силой релевантных кандидатов. Соотносительная сила, в соответствии с коннекционистской моделью, зависит от частотности сигнала и ряда других факторов. В целом картирование (соотношение формы и функции) – результат социальной конвенции, которая должна быть усвоена для всех арен, включая лексикон, фонологию, морфосинтаксис и ментальные репрезентации (там же: 85).

Проиллюстрируем конкуренцию языковых форм, пригодных для выражения интенции говорящего, примерами из детских повествований.

При развертывании повествования шестилетние рассказчики довольно часто корректируют свой лексический выбор, если «победившая» форма не полностью отражает авторскую интенцию и в ходе контроля за реализацией смысловой программы возникает новый вариант (см. прокомментированные выше примеры). У подростков подбор адекватной речевому намерению формы методом проб и ошибок встречается заметно реже и касается более тонких различий конкурирующих единиц, что мы склонны связывать с возросшей языковой компетенцией. Пятнадцатилетний Олег М. исправляет свой выбор, предпочитая высказывание о намерениях лягушонка высказыванию о свершившемся факте: *В это время э...маленький лягушонок не за...решил незаметно убежать*. Пятнадцатилетний Антон С., цитату из повествования которого в шестилетнем возрасте мы уже приводили, рассказывает: *Потом он залез на высокий камень и там наткнулся на рога оленя, который ээ... унес его... ээ... сбросил... сбросил его с обрыва в воду*. Пытаясь реализовать заданный глаголом аргументный фрейм, подобрать наиболее точную форму, обозначающую действия оленя по отношению к мальчику, Антон С. все же останавливается на первоначальном варианте, повторяя форму *сбросил* после

¹ В отечественной лингвистической традиции разграничение грамматик говорящего и слушающего восходит к работам Л.В. Щербы. Грамматику слушающего выстраивала в своих работах Алла Соломоновна Штерн.

некоторых колебаний.

В повествовании уже цитированной нами Симы К., записанной от нее в четырнадцатилетнем возрасте, находим: *Мм... затем настало утро и мальчик..., когда проснулся мальчик, он увидел, что лягушки нет, он начал ее искать.* В этом случае в результате конкуренции моделей порядка слов первоначально выигрывает частотная модель (S-V-O), о чем можно судить по заявленному субъекту (*мальчик*), а затем рассказчица заменяет первоначальную программу на менее частотную конструкцию. Приведем пример коррекции результата состязания глагольных форм в повествовании четырнадцатилетней Анны Б., заменяющей редкий глагол с ограниченной сочетаемостью *прискачет* (*приск...*) более нейтральным и употребительным *вернется*: *Мальчик стал звать лягушку, думая, что она ... приск... ну, вернется к нему, если он ее позовет.* Насколько мы можем судить, первоначальный выигрыш состязания претендентом *прискачет* обусловлен текстовой ассоциацией с использованной выше номинацией *лягушка*. Коррекция выбора может быть обусловлена значимостью для рассказчицы особенностей коммуникативной ситуации (запись повествования на диктофон взрослым экспериментатором), предполагающей использование стилистически нейтральных языковых средств.

2.3.3. В освоение «нового картирования» – нового знака – вовлечены как долговременная, так и кратковременная память. Кратковременная память, как мы видели в классической модели, обеспечивает «маскировку» и «буферное» хранение». Кратковременная память вовлечена в процесс запоминания фонологического облика слова и соотнесения его с значимыми лексическими единицами, в процесс синтаксирования онлайн (диагностирование аргументов пропозиции на основе порядка слов и морфологических маркеров в поверхностной синтаксической структуре).

2.3.4. Размер определенного картирования – поиска соответствий между формой и функцией – предопределен процессом вы-

деления отрезков, сегментирования речевого потока на составляющие. В речевом потоке выделяются произвольные сегменты различной протяженности, которые МакВинни сравнивает с нарезанием (отламыванием) ломтей (*chunking*: там же: 85). Ломоть «отламывается» от соседних элементов и обрабатывается как целое. Выделением сегмента устанавливается единица принятия решения о значении. Например, выделение сегмента *мой* трехлетним мальчиком позволило активировать более дробные (и неадекватные) единицы семантической карты: «*Это не мой Додыр, это мальчиков Додыр*» (пример из: Круглякова 2006: 8); два первых орфографических слова фразы «*Покой нам только снится*», составляют одно фонетическое, объединенное основным ударением на последнем слоге существительного, что при восприятии на слух ребенком приводит к искаженной интерпретации «*Покойным только снится*» (там же). Б. МакВинни напоминает, что дети полагаются как на комбинаторику лингвистических единиц, так и на целостные отрезки при построении слогов, слов и предложений (2005: 85).

Естественно, выделение сегментов различного размера изменяет конкуренцию: в состязание вступают новые кандидаты. В первом примере при опознании сегмента *мой* выигрывает значение «притяжательное местоимение первого лица», а не императив глагола *мыть*; во втором – одна из косвенных падежных форм существительного *покойный*.

2.3.5. Наконец, активация кода – фонологической карты и связанной с ней орфографической карты – и доступ к ментальным репрезентациям обусловлен явлением резонанса. В качестве примера резонанса Б. МакВинни, ссылаясь на Л.С. Выготского, приводит неинтериоризированную речь ребенка, осваивающего первый язык: неинтериоризированная речь создает резонанс между вербализацией и действием [MacWhinney 2005: 100]. Вероятно, резонанс проявляется и в инерционном повторении уже активированного сигнала в любом подхо-

дящем контексте: выигравший однажды претендент активируется быстрее других. Мозг по-разному реагирует на различные по лексической и синтаксической частотности единицы и на единицы, недавно встречавшиеся в ситуации [Секерина 2006: 30]. Пример резонансного лексического повтора находим в повествовании пятнадцатилетнего Олега М., однажды выбравшего высказывание о намерении героя и настойчиво использующего его:

*В это время э...маленький лягушонок не за...**решил** незаметно убежать. Понав до позднего утра, когда... солнце уже светило ярко... проснувшись, мальчик и... его пес обнаружили, что... лягушонка уже не было в банке. Они были очень удивлены и **решили**... выдвинуться... на поиски. Э...в то время как...ээ...пес осватил... комнату...мальчик оделся...э...и... **решил**... взглянуть...во двор. Во дворе мальчик и его пес не обнаружили... маленького...ээ...лягушонка, поэтому ...они **решили**... пойти...ээ... на поиски в лес. Мальчик...э...в его огромных сапогах и его любимец пес. Э...в лесу они... кричали и...вызывали лягушонка, но никто... не откликался... на их... вызовы. Мальчик **решил**... узнать у обитателей леса, не видели ли они маленького лягушонка. Он **решил** нагнуться к норе и спросил у... маленькой...крысы, не видела ли она лягушонка. Та ответила укусом...та ответила... укусом. Хм...а...собака **решила** узнать, не видели ли...пчелы...дикие пчелы маленького лягушонка. Они также... н...не смогли ответить...речью. Затем э...мальчик **решил**... вскарабкаться на дерево и...и... задал вопрос ээ...в глубокое...дупло...насчет...вопрос насчет лягушонка. Мм... Оттуда выскочила...с...сова, и...ээ... мальчик...и уронила нечаянно мальчика. А пес в это время бежал вокруг, спасаясь от тучи...пчел ...которых...он привлек на себя. Мальчик **решил** взобраться на огромный камень, схватившись за ветвистые ветки...*

В состязании на лексической арене при смене аргументного фрейма победила одна

лексема, которая сохраняется активированной на протяжении всего рассказа.

В повествованиях также находим примеры активации целого «ломтя» благодаря резонансу. Пятнадцатилетний Артем К. утверждает: *Они пошли в лес искать его. М... но... по пути они встретили ээ... улей с пчелами... где... м... ммальчика ужалила оса. Мальчик искал буквально на каждом шагу: в деревьях... везде, где только было можно.* Насколько мы можем судить, в русском языке нет устойчивого оборота *искать на каждом шагу*, зато есть оборот *встречать/встретить найти/находить на каждом шагу*. В свою очередь, ассоциативная связь между глаголами *встретить, найти, искать* отмечена русскими ассоциативными словарями [Русский ассоциативный словарь 1994: 51, 114, 172]. При активации лексемы (в данном случае *встретить: они встретили*) активируется в той или иной мере все поле. «Выигравший» претендент сохраняет активность и при возможности резонанса вновь так или иначе вступает в конкуренцию; думается, этим объясняется искажение устойчивых оборотов и появление «ломтя», как у Артема К.

2.3.6. Таким образом, унифицированная модель вводит несколько новых компонентов в коннекционистское моделирование: выделение сегментов речевой цепи различной протяженности, обрабатываемых целиком; резонанс; соотношение кодов, актуальное для билингвизма и переключения с устной формы коммуникацию на письменную и наоборот. В унифицированной модели последовательно разделяют концептуальное представление (ментальные репрезентации, свободные от языкового воплощения) и лексическое значение. В унифицированной модели порождение и восприятие речи представлены не в качестве различных видов деятельности, а как различные входы на «игровые поля», принимающие сигналы от внешних (речевой цепи) и внутренних (интенция адресанта) стимулов, вступающие в сложное взаимодействие в речемыслительной деятельности. Фонемы и графемы являются элемен-

тами различных кодов, обеспечивающих доступ к лексической арене, грамматической арене и, в конечном итоге, – к концептуальным репрезентациям. Арены мыслятся не в виде отдельных модулей, а в виде «игровых полей», готовых принять инпут с другой арены, как только этот инпут становится доступным. На лексической арене состязание происходит в пределах топологических карт, в которых слова организованы по семантическим и лексическим типам. На морфосинтаксической арене состязание происходит между порядком слов и грамматическими маркерами [там же: 86-87]. Под ареной концептуальных репрезентаций подразумевается тот феномен, который в когнитивной науке обозначают как семантическую память. Арена концептуальных репрезентаций обеспечивает и восприятие, и порождение речевого высказывания. Тем не менее, нейронные пути, «ведущие» к ней, различны при восприятии и при порождении речи.

3. Разумеется, коннекционистская интерпретация не является исчерпывающей. Все приведенные нами примеры можно трактовать и в рамках иных моделей (интерпретация развертывания повествования детьми с позиций модели Т.В. Ахутиной предлагается в: Овчинникова). Осознавая ограниченность коннекционистского подхода к когнитивным процессам, нельзя не отметить его безусловных достижений, в частности, «разработки алгоритма, объясняющего каким образом носитель языка научается определять силу связей между элементами и продуцировать новые элементы» [Elman 2001: 298]. Дж. Элман замечает, что принципиальная возможность овладения языком обусловлена ограниченными возможностями детей в переработке поступающей информации; дети «способны обрабатывать только простые образцы речи окружающих и эти образцы затем обеспечивают критическое основание для умения делать более тонкие обобщения» [Elman 2001: 304]. Источником новых связей является не становление новой когнитивной операции, не сформированные

«когнитивные пререквизиты», позволяющие по-новому интерпретировать инпут, а самоорганизация нейронной сети, коррекция представлений на основе пополняющегося массива данных. Собственно, повествования детей более старшего возраста отражают более широкие возможности выбора языковых единиц для воплощения авторской интенции.

Коннекционистские модели выстраивают порождение и восприятие речи не в виде последовательности шагов и операций, а в виде игры активированных нейронных путей. В коннекционистской модели акцентируют не причины, приводящее к неверному выбору, а параметры значения, победившего в конкуренции. Языковая форма не столько выбирается говорящим, сколько «всплывает» в его сознании в силу целого ряда взаимодействующих факторов, иерархия которых до конца не ясна. Выбор говорящий осуществляет только в том случае, когда выигравший состязание претендент не отвечает поставленной коммуникативной задаче, не обеспечивает в желаемой мере социальное взаимодействие.

Литература:

- Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Диагностика развития зрительно-вербальных функций. М., 2003.
- Доснан О. Развитие креативности: Креативность и обучение // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М., 1987. С. 65-82.
- Дурова Н.В., Юрьева Н.М. Составление рассказа по серии иллюстраций детьми дошкольниками // Речевое и психологическое развитие дошкольников. М., 1998. С. 10–19.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
- Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка. АКД: Спб. 2006.

Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека // *Язык и знание*. М., 2004. С. 378-389.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.

Овчинникова И.Г.; Береснева Н.И.; Дубровская Л.А.; Пенягина Е.Б. Рассказы русских детей (по серии картинок «Frog where are you?»). Звучащая хрестоматия. Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение №10. Пермь - Бохум, 1999.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики // *Человек. Текст. Культура*. Екатеринбург, 1994.

Секерина И.А. Метод вызванных потенциалов мозга в экспериментальной психолингвистике // *Вопросы языкознания*. 2006, № 3. С. 22-45.

Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.

Тестелец Я.Г. Ведение в общий синтаксис. М., 2001.

Фодор, Дж.; Пылишин, З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // *Язык и интеллект*. М., 1996, с. 230-313.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.

Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // *Избранные работы*. М., 1985. С. 301-305.

Bates, E., Bretherton, I., & Snyder, L. From first words to grammar: Individual differences and dissociable mechanisms. New York: Cambridge University Press. 1988.

Bates, E. & Goodman, J.C. On the Insurability of Grammar and the Lexicon: Evidence from Acquisition. In: Tomasello, M. & Bates, E. (eds), *Essential Readings in Developmental Psychology*. Oxford 2001, p. 134-162.

Berman R. & Slobin D. Relating events in narrative: a crosslinguistic developmental study. Hillsdale, NJ: Erlbaum 1994.

Elman, J. Connectionism and Language Acquisition. In: Tomasello, M. & Bates, E. (eds), *Essential Readings in Developmental Psychology*. Oxford 2001, p. 295-306.

MacWhinney, B. Connectionism and Language Learning. In: Barlow, M. & Kemmer S. (ed.), *Usage-based Models of Language*. Stanford 2000, p. 121-150.

MacWhinney, B. New Directions in the Competition Model // *Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of Elizabeth Bates*. Mahwah, New Jersey, London 2005. P. 81-110.

MacWhinney, B. & Plunkett, K. Lexicalist Connectionism. In: Broeder, P. & Murre, J. (eds.), *Models of Language Acquisition. Inductive and Deductive Approaches*. Oxford 2000, p. 9-32.

Д.А. Леонтьев

ОТ СЛОВА К РЕАЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКА И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СООБЩЕНИЯ

Проблема, которой посвящено данное сообщение, относится к пограничной области между языкознанием и психологией (учитывая, что в области гуманитарных наук все дисциплинарные границы крайне условны). Вместе с тем она не является чисто научной проблемой, имея прямое отношение к повседневной жизни каждого из нас.

Реальность, знаковые системы и жизнедеятельность

Бурное развитие гуманитарных дисциплин привело к некоторой иллюзии самодостаточности и самостоятельности того мира знаковых систем и культурных артефактов, которые они изучают, «третьего мира», как назвал его К.Поппер, существ-

вующего наряду с «первым» миром объективных материальных сущностей и «вторым» идеальным миром субъективных состояний сознания [Поппер, 2002]. Все тексты и знаковые системы действительно образуют своеобразные миры, которые существуют по своим закономерностям и правилам и в некотором смысле параллельны (а может быть и перпендикулярны) к тому миру практических действий, в котором протекает наша жизнь. И таких миров создается все больше и больше. Изначально знаковые системы и тексты создавались для обобщения и фиксации мира человеческой практики, потом они стали опережать практику, выполняя функцию проектирования [см. Асмолов, 1996], и постепенно созданные человеческим сознанием и культурой миры стали множиться и жить своей жизнью. Именно в этом заключается, на мой взгляд, суть постмодернизма: разные порожденные культурой миры, стали восприниматься как не имеющие отношения к жизненной реальности.

Сразу необходимы оговорки в связи с использованием такого понятия как «реальность». «В действительности все выглядит иначе, чем на самом деле», – иронизировал по этому поводу Станислав Ежи Лец. Если, однако, проблема определения реальности не имеет однозначного решения с позиций философского, гносеологического анализа, то с позиций обыденной психологии решение существует. Любой человек в своей жизни ориентируется на какие-то критерии, выделяет какие-то опорные точки своего жизненного мира, которые он безоговорочно признает в качестве реально существующих. Хотя философская рефлексия может опровергнуть эти соображения, в практике каждый этим пользуется. «Кто может претендовать на знание того, какова реальность? Ответ – никто и все. Никто не может наверняка доказать, что он это знает, но каждый действует в уверенности, что он это знает» [Bugental, 1981, p.14]. Это представление практически оправдано и позволяет решать задачи, которые в жизни каждого человека стоят. Реальный мир для

него один. Поэтому под реальностью я имею в виду то, что каждый признает реальным в своей картине мира. Реальным мы считаем прежде всего то, что влияет на наши действия, с чем мы должны считаться, планируя их, в конечном счете – то, что порождает для нас осязаемые следствия. Не относятся к реальности в этом понимании вымысел, план, прогноз, фантазия, сон и т.п. Существуют вторичные механизмы их влияния на нашу практическую жизнедеятельность, но здесь я их не буду касаться.

Проблемой данной статьи, не имеющей на сегодняшний день однозначного решения, выступает соотношение двух реальностей – реальности, творимой языком и текстами, знаковыми системами вообще, с одной стороны, и внеязыковой реальности, в которой протекает наша жизнь, с другой. К этой проблеме постоянно обращались и обращаются в общей философии языка. Известно, что язык имеет двойственную природу. Он отражает мир, обобщает, фиксирует определенную внеязыковую реальность. Столь же неоспоримо, что язык не только отражает мир, но и творит свой мир, творит языковую реальность, которая не имеет непосредственных эквивалентов в неязыковой реальности. Я попытаюсь подойти к этой проблеме с несколько нетрадиционной позиции – не с рефлексивной позиции лингвиста или философа-аналитика, а с позиций пользователя, которому в повседневной жизни, практике необходим язык как инструмент достижения моих целей.

Понимание текста и его онтологический статус

Чтобы пользоваться языком, я должен понимать, что этот инструмент дает, причем не в терминах философской рефлексии, а в терминах его жизненной функции или, точнее, функций.

Наивный пользователь языка пользуется, собственно говоря, не языком, а речью, словами, которые говорят разные люди, редко обращаясь к словарям и другим нормативным источникам. Таким путем язык

усваивается – еще М.М. Бахтин показал, что мы учим не слова языка, а слова конкретных людей в конкретном контексте [Бахтин, 1979, 269]. Это особенно заметно на примере изучения иностранного языка: иностранные слова входят в мой лексикон не тогда, когда я учу их по словарю или учебнику, а тогда, когда я сталкиваюсь с их употреблением конкретными людьми в конкретном контексте и переношу в мое употребление, осваиваю его практически.

Таким образом, почти всегда в обыденной жизни для любого конкретного человека языковые явления – слова, предложения и тексты – это либо слова собственной речи, которые я употребляю или планирую употребить, либо слова чужой речи, которые я слушаю, читаю, воспринимаю. Я фокусируюсь здесь на втором аспекте бытования языка: что могут нести для меня слова чужой речи, которые я воспринимаю как обращенные ко мне – лично или безадресно, устно или письменно (печатно), – и перерабатываю в какой-то образ реальности.

Отправной точкой для меня выступает статья А.А. Леонтьева «Чтение как понимание» [Леонтьев А.А., 2001, 246-253], в которой он показал, что мы понимаем не текст (он не самодостаточен, он сам по себе нас мало интересует), а прежде всего мир, стоящий за текстом, определенную реальность, то, что с помощью этого текста его автор или источник хотел передать адресату или читателю. Текст является для этого лишь посредником, средством, инструментом. Мы строим образ содержания текста, и затем двигаемся от него к внетекстовой реальности, о которой текст нам сообщает, при условии, что такая реальность есть. Основным продуктом, результатом любого процесса понимания текста – создание некоторого образа того, что стоит за текстом: «Мы понимаем не текст, а мир, стоящий за текстом» (там же, 249). А.А. Леонтьев использовал метафору, описывающую текст как стекло, через которое мы видим реальность: оно может быть прозрачным, чистым, обеспечивать хорошую видимость, может быть грязным, или замутненным, или

даже несколько искаженным, отражая реальность не вполне так, как мы бы ее увидели без этого посредника. Но смотрим мы не на стекло, а сквозь него (там же, 250).

Этот анализ можно продолжить. Тексты по-разному могут соотноситься с реальностью, в которой мы живем, и в которой наши действия влекут за собой те или иные следствия. Чтобы перейти от текста к реальности, необходимо, но недостаточно воссоздать содержание текста, передаваемое им послание. Необходимо также оценить *онтологический статус* этой текстовой информации – то, как она соотносится с внетекстовой реальностью, с миром, в котором я живу, и ориентация в котором для меня важна.

По этому критерию можно различать несколько видов текстов (сообщений), выполняющих в нашей жизни разные функции.

Самый простой случай – текст, несущий достоверную информацию о мире, в котором мы живем. Эта информация расширяет наше познание и понимание мира, способствуя нашей адаптации к нему. После Э. Фромма (2001, 62-66) нет нужды доказывать, что потребность в ориентации – понимать, как устроен мир, что к чему, что является правдой, а что вымыслом – относится к числу насущнейших человеческих потребностей. Такой текст мы будем называть *документальным*. Во-вторых, текст может быть подчеркнуто вымышленным, *фикциональным*, строить свою реальность, выходящую за пределы той реальности, в которой мы живем, и через это способствовать расширению нашей действительности. О функции таких текстов и роли литературы в расширении мира речь пойдет ниже. Документальность и фикциональность представляют собой два полюса континуума, между которыми располагается множество промежуточных вариантов, в частности псевдодокументальные и псевдофикциональные сообщения. Наиболее интересны различные варианты смешения и фальсификации онтологического статуса, механизмы которых заслуживают более подробного рассмотрения.

Документальные и псевдодокументальные тексты и проблема онтологической грамотности

Примером чисто документальных, информационных текстов служат, например, тексты СМИ: их задача – отразить какие-то аспекты реальности максимально точно, выполняя задачу документирования, фиксации той реальности, которая стоит за текстом. В условиях свободы прессы, читая сообщения газет, я, как правило, исхожу из презумпции, что они носят документальный характер, то есть сообщаемое в них повествует о реальности, о том, чего я могу не знать, но что соответствует тому, что имеет место на самом деле. Более того, современная журналистика развивается в направлении максимально жесткого разделения слоя фактов, сухих информационных сообщений о событиях и слоя оценок, комментариев, анализов, прогнозов и т.п., избегая смешивать их в одних текстах. Это разделение материалов по их онтологическому статусу.

Является ли данный текст фикциональным или документальным, а также реалистичным или нереалистичным, определяется прежде всего, конечно, их содержанием, но форма текста также содержит свои маркеры, которые определяют, следует ли относиться к данному тексту как к документальному или как к фикциональному. Так, например, сухой «телеграфный» стиль настраивает на восприятие содержания как документального.

Несовпадение маркеров формы и содержания открывает возможность манипуляции текстом, то есть возможность фикциональный текст подавать под видом документального или наоборот. Суть этой манипуляции – в порождении у читателя, реципиента ложной онтологической атрибуции текста, когда псевдодокументальное фикциональное содержание принимается им за документальное или наоборот. Распространенным примером первого варианта служит розыгрыш – подача вымышленного события в форме документального сообщения, провоцирующего ложную онто-

логическую атрибуцию. Многие серьезные СМИ раз в году, 1 апреля печатают на своих страницах несколько фикциональных сообщений, разыгрывая своих читателей.

Чаще, однако, встречается злонамеренная манипуляция, который приводит к подмене одного мира другим с целью определенного воздействия на поведение людей. Этот случай довольно хорошо изучен, начиная с Дж. Оруэлла, одним из первых сформулировавшего и проанализировавшего в приложении к роману «1984» и в своих статьях неразрывную связь тоталитарной идеологии с необходимостью фальсификации реальности [Оруэлл, 1989, 200-208, 274-285]. После Оруэлла исследователи неоднократно обращались к тому, как слова, никак не соотносящиеся с реальностью, влияют на наше поведение, становятся действующей силой.

Псевдодокументальный манипулятивный текст, претендующий на то, чтобы говорить о реальности, в которой мы живем, но фактически дезинформирующий нас о ней, не отражает реальность, а удваивает ее, порождая рассогласующиеся между собой версии, что отражено в старом советском анекдоте: человек пришел в поликлинику записаться на прием к доктору уха-глаз, потому что он слышит одно, а видит совсем другое.

Манипуляции онтологическим статусом текста облегчает то обстоятельство, что обычно, если в тексте и в контексте нет признаков, указывающих на фикциональность сообщения, мы воспринимаем его по умолчанию как документальный. Более того, довольно широко распространена наивная установка, что изображенное в романах – также документальная реальность, порождающая соответствующие ожидания и требования к литературным произведениям. Эта установка может смениться при столкновении с признаками, указывающими на нарушение этих ожиданий.

Обратный случай иллюстрирует самый сложный и тонкий способ манипуляции – сказать правду, но так, чтобы ей не поверили и она была ложно атрибутирована как

фикциональное сообщение. Документальное содержание облекается в псевдофикциональную форму, и хотя формально человек говорит правду, вследствие спровоцированной ложной атрибуции результатом оказывается введение собеседника в заблуждение. Эта ситуация отражена в старом анекдоте о двух коммерсантах: «Вы говорите, что едете в Житомир, чтобы я подумал, что Вы туда не едете, но Вы же на самом деле едете в Житомир, так что же Вы лжете?!».

Отсюда возникает проблема расширенного понимания грамотности как результата обучения. Суть грамотности заключается не только в навыках понимания слов и их сочетаний, мыслей, образов, которые выражены в тексте, но еще и в навыке воссоздания по тексту реальности, о которой он повествует, что предполагает точное определение онтологического статуса текста (сообщения). Последнее представляет собой отдельный уровень или аспект грамотности (его можно назвать «метаграмотностью» или онтологической грамотностью) – грамотность по отношению к реальности, способность определять, как данный текст соотносится с реальностью, несет ли он в себе содержание документальное или фикциональное. Таким образом, грамотность – это владение культурными кодами, операциями, маркерами, которые позволяют не только перейти от знаков к образу содержания текста, но и от образа содержания текста к коррелятам его с тем, что мы считаем реальностью или к выводу об отсутствии этих коррелятов. Без этого невозможна ни ориентировка в реальности с помощью текста, ни расширение реальности.

Фикциональные тексты и проблема реалистичности

Читая художественный текст, особенно фантастический роман, я заранее знаю, что содержание этого текста не отражает реальность прямо и непосредственно. Это фикциональный текст, рисующий заведомо вымышленный мир, не имеющий внетек-

стового существования. В литературе степень вымысла может быть больше или меньше, но это всегда не отражение, не передача, не фиксация, а конструирование реальности из фрагментов, которые, как правило, вполне реалистичны. Они взяты из опыта автора текста, но в итоге выстраивается реальность, в каких-то значимых аспектах не совпадающая с той, которую мы признаем «подлинной», объективной.

Соотношение между фикциональным текстом и этой реальностью также может быть разным. Здесь нельзя, конечно, говорить о какой-либо документальности – мир художественного произведения фикционален по определению, – но он может оцениваться как более или менее реалистичный, более или менее правдоподобный, отражающий на каком-то уровне жизненную реальность, или искажающий ее. Интеллектуальная работа читателя по соотношению того, о чем написано в романе, с тем, что он знает о своей жизни, может обнаружить связи этих миров на более высоком уровне, и даже в фантастическом произведении о других формах жизни обнаружить принципиальные открытия, важные для понимания того мира, в котором он живет. Реалистичность применительно к литературе и другим видам искусства характеризует не особенности формы произведений, а правдивость передачи смыслов [А.Н. Леонтьев, 1991, 187].

В современный период активного экспериментирования в художественной литературе и искусстве возникают тексты, которые с первого взгляда не легко однозначно определить как художественные или нехудожественные – всё зависит от того, в каком контексте этот текст предъявлен. И при предъявлении в одном контексте он воспринимается как стихи, а в контексте другом воспринимается как технический текст. Сам текст не всегда несет в себе однозначные признаки своего соотношения с реальностью. Эту задачу часто приходится решать читателю или зрителю. Выразительным примером может служить российский кинофильм «Первые люди на Луне»

(2005), в котором под видом хроники строится чисто фикциональный сюжет о полете на Луну, который был якобы осуществлен в Советском Союзе еще до 2 мировой войны.

Реалистичность художественных текстов также может целенаправленно фальсифицироваться, что иллюстрирует псевдореалистическое пропагандистское искусство тоталитарных государств. При этом, если содержание произведений подвергается обработке или фальсификации в пропагандистских или иных целях, у реципиентов могут возникать сомнения в их реалистичном характере. Старушка, которая, как гласит известная легенда, наблюдая съемки фильма «Кубанские казаки», спросила режиссера: «Из какой это жизни?», выразила в такой форме свои сомнения по поводу онтологического статуса содержания фильма.

От реальности к возможностям: текст как расширитель перспективы

Расхождение текста с реальностью не обязательно означает, что этот текст неправильный, и если он что-то искажает, то он не правдив, не нужен и даже вреден. Напротив, именно несоответствие фикционального текста и реальности, создание отчетливо вымышленных, неоднозначно соотносящихся с реальностью миров, вводит в жизнедеятельность человека, в его сознание принципиально новое измерение. Только благодаря вымыслу и тому, что тексты могут нести содержание, не совпадающее с отражением объективной действительности, мы оказываемся в состоянии выйти из плена той непосредственной окружающей действительности, которую М.М. Бахтин (2003) называл нудительной. Тем самым мы выходим с уровня необходимости, на котором все наше поведение определяется исключительно теми давлениями, импульсами и требованиями, которые нам предъявляет окружающая среда, в пространство, в котором мы можем путешествовать в новых мирах возможного, ставя вопросы: а почему бы и нет? а что еще может быть в этой ситуации? Мы вы-

ходим на уровень самодетерминации в пространстве возможностей, во многом благодаря опоре на тексты, на пространство различных миров, которые не связаны с этой принудительной фактической необходимостью.

Искусство, особенно литература, играет огромную роль как механизм расширения представлений о возможностях, о возможных мирах, не только о том, что достоверно существует в той практической действительности, в которой я живу, но и то, что может быть другим. Это позволяет человеку проблематизировать собственное поведение и тем самым оказывать на него большее влияние, чем однозначно реагируя на абсолютно необходимые требования. Как сказал анонимный автор, «в нашем мире люди, которые читают книги, всегда будут управлять людьми, которые смотрят телевизор».

Отношения между нудительной реальностью и пространством смыслов и возможностей, создаваемом разными формами культуры, являются отношениями взаимодополнения: «Жизнь – не мечта. Мечты и жизнь вступают в брачную связь» [Миллер, 2001, 289]. Психотерапевтам хорошо известно, что корнем многих психологических проблем выступает утрата связи с реальностью, с действительностью. Но есть ли в этой жизни что-нибудь, кроме действительности? Ответ писателя Михаила Анчарова: кроме действительности есть еще перспектива [Анчаров, 1983, 85]. И функция культуры заключается именно в том, что она позволяет нам, кроме реальности, получить некоторую перспективу. Перспектива из реальности не выводима, как и реальность из перспективы. Если мы решаем задачу контакта с реальностью, это еще не дает нам возможности выйти за рамки той ситуации «здесь и теперь», в которой мы находимся. Это лишь одна сторона медали. Но через механизмы культуры мы входим в контакт с «параллельными мирами», которые несут альтернативные ценности и смыслы.

Это часто понимают слишком прямоли-

нейно: есть произведение, в нем сформулирован некий смысл и я, прочитав это произведение, проникнувшись им, этот смысл из него извлекаю. Точнее сказать, что на основе воспринятого произведения строится новое пространство перспективы, пространство возможного. Литература служит нам не столько источником приобщения к той жизни, в которой мы живем, – ее мы успешнее познаем другими способами, – сколько источником перспективы, которая расширяет контексты осмысления жизни. Мы и без литературы можем знать, как устроен этот мир, но знаем это жестко и однозначно и обречены реагировать на ситуации «здесь и теперь». У нас ограничено видение перспективы, видение альтернатив, видение возможностей. Смысл чтения (и смысл культуры), таким образом, коренится за пределами литературы и культуры. Этим смыслом является порождение внутреннего мира и пространства возможностей, опора на которые придает человеку большую степень независимости от нудительных требований фактически данного, возможность действовать вне контекста ситуации. Бывает, конечно, что эта внутренняя реальность полностью вытесняет и замещает ту практическую реальность, в которой мы живем – стереотип «гнилой интеллигенции» во многом основан на восприятии того, что для части людей, которые относят себя к интеллигенции, характерен разрыв между словами, идейными смыслами, с одной стороны, и ответственностью за предпринимаемые действия и их последствия, с другой....

х х х

Сказанное можно подытожить следующим образом

1. Объектом понимания является не текст, а реальность, открывающаяся за текстом.

2. Тексты различаются по тому, в какой мере передаваемая в них информация документальна – соответствует тому, что

участники коммуникации согласованно считают реальностью, – или фикциональна, не имеет прямых коррелятов с реальностью. Документальные тексты выполняют функцию ориентировки в мире, а фикциональные тексты – функцию расширения перспективы.

3. Возможна целенаправленная фальсификация онтологического статуса текста, тогда он выполняет манипулятивную функцию. Необходимо развивать онтологическую грамотность – умение правильно определять меру документальности / фикциональности текстов разных жанров.

Литература:

Анчаров М. Дорога через хаос. М.: Молодая гвардия, 1983.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1996.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 423 с.

Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. Соч. Т. 1. М.: Русские словари, 2003, с. 7-68.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001.

Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // Художественное творчество и психология / Под ред. А.Я. Зиса, М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1991. С. 184-187.

Миллер Г. Книги в моей жизни. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС; НФ «Пушкинская библиотека», 2001.

Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.

Поппер К. Объективное знание. М.: УРСС, 2002

Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука, 2001.

Bugental J.F.T. The Search for Authenticity: An existential-analytic approach to psychotherapy. 2nd ed. enlarged. New York: Irvingston publs., 1981.

Е.С. Никитина
О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СОЗНАНИЯ

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Н. Гумилев

1. О субстанциальности сознания. Сознание относится к числу мировых загадок, и это одна из проблем, которые всегда будет окутывать тайна. «У нас нет даже плохих идей о сознании», - констатировал когда-то Н. Хомский. Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой сознания нет. Не акцентируя это специально (в приличном обществе не принято обсуждать отсутствующих), исследователи просто не выделяют соответствующую главу в учебнике или монографии. Традиция эта соблюдается со времен господства бихевиористического подхода в научных исследованиях. Главным аргументом в пользу исключения сознания из списка научных предметов был факт его ненаблюдаемости. Любому человеку очевидно существование только своего собственного сознания. О наличии сознания у кого-то другого, кроме себя, можно только предполагать, но не знать. То, что переживается мной как очевидное, не может быть передано другому лицу в качестве столь же очевидного. И совсем уж нельзя проверить утверждение, что наше сознание не исчезает вместе со смертью тела, а перемещается в иные сферы бытия, так как в этом случае даже спросить некого. Но наука не занимается предположительным знанием, отсюда и ослабление научного интереса к сознанию. Нельзя исключить здесь и авторитет Э. Канта, логически обосновавшего в свое время неподведомственность сознания научно-естественным методам исследования. Определяя задачу о месте души, о ее локальном присутствии как не только неразрешимую, но и внутренне противоречивую, Кант рассуждал так: «Ведь если я хочу где-то в пространстве сделать зримым

место моей души, т.е. моего абсолютного Я, то я должен воспринять самого себя посредством того же чувства, с помощью которого я воспринимаю и ближайшую окружающую меня материю, так же как это происходит, когда я хочу определить свое место в мире как *человека*, а именно: я вынужден рассматривать свое тело в его отношении к находящимся вне меня другим телам. Между тем душа может воспринимать самое себя **только посредством внутреннего чувства** (выделено мной – Е.Н.), тело же (происходит ли это внутренне или внешне) – только посредством внешних чувств; тем самым душа никак не может определить свое место, так как для этого ей пришлось бы сделать самое себя предметом своего собственного внешнего созерцания и выйти за пределы самой себя, что является противоречием.

Таким образом, требуемое от метафизики решение вопроса о месте души ведет к невозможной величине ($\sqrt{-2}$), и тому, кто за нее берется, можно сказать вместе с Теренцием: *nihil plus agas, quam si des operam, ut cum ratione insanias*» [Кант 1980: 624]. Рационалистическая традиция отводит сознанию точечное место в структуре мира, дабы не исказить «объективности» отражаемого, получила, таким образом, логическое обоснование.

Однако диалектический подход к изучению человека и мира в нем позволил «с толком сумасшествовать» Г.Ф. Гегелю, за ним К. Марксу, за Марксом А. Зиновьеву, Ж. Делезу... и дело двинулось. Если Декарт для души искал непарный орган и нашел его в шишковидной железе, то Р.Вирхов (мировую славу которому принесло открытие клеточного строения орга-

низма) утверждал: «Я анатомировал уже тысячи мозгов, но еще ни разу не обнаружил душу». Уильям Джеймс выразился еще определеннее: «...что касается меня, то я убежден, что во мне поток мышления (я настаиваю на том, что он представляет собой явление) – лишь легкомысленное название для того, что при ближайшем расследовании оказывается, в сущности, потоком дыхания. «Я мыслю», которое по Канту должно сопровождать все мои объекты, не что иное, как «Я дышу», сопровождающее их на самом деле. <...> Я убежден в том, что именно дыхание, всегда бывшее прообразом «духа», дыхание, исходящее наружу, промеж гортани и ноздрей, и есть та сущность, из которой философы построили субстанцию, известную им как сознание. *Субстанция эта фиктивна, тогда как мысли, пребывающие в конкретном, вполне реальны. Но мысли, пребывающие в конкретном, сделаны из той же материи, что и вещи*» [Джемс 1913: 126-127]. Заметим здесь, что дыхание у человека речевое, оно сформировано речью и речью направляется на объекты. Поэтому место души находили и в деятельности, и в коммуникации, и в игре. Между тем, способность свободного воспроизводства представлений является единственным психологическим преимуществом человека, без которого он немногим отличался бы от животного. «Благодаря ей сознание приобретает независимое идеаторное содержание, свой собственный внутренний мир представлений, идей, мыслей, освобождающий человека от непосредственного подчинения чувственной обстановке. Однако эта независимость содержания сознания и самостоятельность сознания являются только кажущимися. Идеальный мир сознания хотя и освобожден от прямой зависимости сенсорного поля, но чрезвычайно зависим от других условий, а именно от общественных условий бытия человека; поэтому мы будем его называть квазисамостоятельным идейным миром. <...> Способность воспроизводства представлений составляет психологическую основу созна-

тельной волевой деятельности, так как труд, согласно определению Маркса, характеризуется тем, что результат, который получается в конце процесса, должен перед началом этого процесса иметься идеально в представлении индивида. С другой стороны, <...> эта способность воображения приобретает благодаря трудовой деятельности и в условиях промышленной жизни человека.

Точно такой же кажущийся «порочный круг в доказательстве» повторяется у нас там, где мы говорим о роли языка в упражнении памяти и образовании идейного содержания сознания: без языка нет свободных представлений воображения, но и язык, в свою очередь, невозможен без этого идеаторного содержания сознания.

Пусть никого не смущает это кажущееся «противоречие». Этот «порочный круг» говорит в пользу наших утверждений и доказывает, что человеческий труд, человеческое сознание и человеческая речь в процессе своего возникновения представляли собой не три самостоятельных действия, а только отдельные моменты одного целого, а именно – социального комплекса. Каждое из этих образований немислимо без других, одно порождает другое, взаимно образуя целое. Само собой понятно, что здесь нет никакого «порочного круга». Условие и обусловленное взаимно замыкают одно другое, что составляет прочное основание для действительного развития и является лучшей порукой правильности выставленных положений» [Мегрелидзе 1973: 112-113]. В замкнутом образовании действительности нет ничего сверхреального; оно представляет собой лишь выражение качественной специфичности. Действительность в своей закономерности всегда конкретна, и всякий закон имеет значение только в промежутке определенных границ и условий. Отсюда требование диалектики брать для изучения объекты в их объективной закономерности, а значит, находить такие предметы изучения, которые составляют некоторое связанное целое или могущие составить таковое и далее, находить осо-

бые законы строения и поведения таких замкнутых образований.

Сознание само по себе не является замкнутым образованием, оно, по сути, разомкнуто на мир культуры, порождением которого является. Но сознание может быть рассмотрено как замыкающий элемент целостной структуры «Деятельность-Коммуникация-Сознание». Здесь оно формируется, живет и отчуждается в виде «превращенных форм». Отношения между системами внутри замкнутого целостного образования вырастают не друг из друга (т.е. невозможно одни из них считать причиной, а другие – следствием), а вместе, из единого корня-образа, в котором они существуют в зачаточном, виртуальном виде. Поначалу они очень плотно сцеплены: образ деятельности однозначно и жестко связан с образом жизни, характером отношений в сообществе; любое орудие является одновременно фетишем, а фетиш – орудием, технология является идеологией, а идеология технологией, все имеет нерасчлененный практический и духовный, утилитарный и в то же самое время сакральный смысл. Затем пучок отношений, выросших из единого корня, дифференцируется; чем дальше от основания, от начала – тем сильнее дифференциация, сложнее и свободней связь между трудовыми, коммуникативными, идеологическими отношениями. Эта связь имеет не механический (причинно-следственный), а органический, как во всякой живой системе, характер, т.е. являет собой поливалентное взаимодействие факторов, из которых любой – в зависимости от конкретных исторических обстоятельств – может оказаться «основным», доминантным. Такая картина полностью согласуется с фактами и исключает дискуссии о том, яйцо ли произошло от курицы, или курица от яйца.

В этом целостном образовании сознанию принадлежат вполне определенные функции. По отношению к деятельности – целеполагание; по отношению к коммуникации – смыслополагание; по отношению к самому себе – самоорганизация и адапта-

ция к культурной среде. Дело в том, что схемные модели коммуникаций и деятельности содержат абсолютно разнородные элементы: это люди (адресат и адресант), тексты (сообщения, языки, обратная связь), каналы (естественные и искусственные), ресурсы (экономические, финансовые, информационные), ситуации (пространственные и временные), средства, нормы, традиции. Сами эти элементы «живут» в своих средах, могут там изменяться, а кроме того, могут меняться связи между ними. Вступая в деятельность коммуникацию или коммуникативную деятельность, субъект каким-то образом сорганизовывает для себя все эти структуры в целостное единое образование, именуя его деятельностью или коммуникативным процессом.

Итак, целостность всего образования задается человеческим сознанием. А вот как сознание совершает такой атлантно-кариатидный труд – проблема, которая сегодня изучается в семиотической парадигме.

2. О семиотическом подходе. Поверим Карло Гинзбургу, написавшему, что на протяжении тысячелетий человек был охотником. «На опыте бесчисленных выслеживаний и погонь он научился восстанавливать очертания и движение невидимых жертв по отпечаткам в грязи, сломанным веткам, шарикам помета, клочкам шерсти, выпавшим перьям, остаточным запахам. Он научился чують, регистрировать, интерпретировать и классифицировать мельчайшие следы, такие как ниточка слюны. Он научился выполнять сложные мысленные операции с молниеносной быстротой, замерев в густых зарослях или очутившись на открытой поляне, где опасность грозит со всех сторон.

Поколения и поколения охотников обогащали и передавали во времени эту сумму знаний. В отсутствие словесных свидетельств, которые могли бы быть сопоставлены с наскальной живописью и с первобытными статуэтками, мы можем обратиться к позднейшим сказкам, иногда сохраняющим, пусть в искаженном звучании, отголоски знания этих древнейших охотни-

ков. Три брата, гласит восточная сказка, распространенная у киргизов, татар, евреев, турок..., встречают человека, который потерял верблюда (в других вариантах – коня). Без малейших колебаний они дают описание верблюда: он белый, слеп на один глаз, на спине у него два бурдюка – один с вином, другой с маслом. Значит, они его видели? Нет, не видели. Тогда их обвиняют в краже и отдают под суд. И тут наступает миг торжества: братья за несколько секунд объясняют, как они смогли по минимальным следам восстановить облик животного, которого никогда не видели.

Три брата, разумеется, являются носителями охотничьего типа знания (даже если сказка и не называет их охотниками). Этот тип знания характеризуется способностью восходить от незначительных данных опыта к сложной реальности, недоступной прямому эмпирическому наблюдению. Можно добавить, что эти опытные данные всегда подлежат такому упорядочению, которое ведет к порождению нарративной цепочки; в своем простейшем виде эта цепочка может быть сведена к формуле «здесь кто-то был». Возможно, сама идея рассказа (как чего-то отличного от заговора, заклинания или молитвы) впервые возникла в сообществе охотников из опыта дешифровки следов. В пользу такого предположения – разумеется, не поддающегося прямому доказательству, – мог бы свидетельствовать и тот факт, что риторические фигуры, на которые до сих пор опирается язык охотника-следопыта: часть, замещающая целое, следствие, замещающее причину, – соотносятся с осью метонимии (организующей для прозаического языка) и полностью исключают ось метафоры. Охотник в этом случае оказался бы первым, кто «рассказал историю», потому что он был единственным, кто мог прочитать в немых (а то и почти незаметных) следах, оставленных жертвой, связную последовательность событий.

«Дешифровка», или «прочтение», следов животных – это метафоры. Были, однако, попытки истолковать эти метафоры буквально: как концентрированное словесное вы-

ражение определенного исторического процесса, который привел – возможно, в очень и очень протяженной хронологической перспективе – к изобретению письменности. В форме этиологического мифа та же самая связь утверждается китайской традицией, отводившей роль изобретателя письменности чиновнику, который созерцал отпечатки птичьих лапок на песчаном берегу реки. С другой стороны, если из области мифов и гипотез перейти в сферу письменной истории, не могут не поразить бесспорные аналогии, существующие между «следопытной» парадигмой, обрисованной нами выше, и парадигмой, имплицитно содержащейся в дивинационных месопотамских текстах, составлявших начиная с III тысячелетия до н.э. Обе парадигмы предполагают более подробное опознание даже и самой ничтожной действительности, ведущее к раскрытию следов событий, не поддающихся прямому наблюдению. В одном случае – помет, следы в грязи, волосы, перышки; в другом случае – внутренности животных, капельки масла на воде, небесные светила, произвольные движения тела и так далее. Правда, эта вторая серия явлений, в отличие от первой, была практически безгранична, поскольку всё, или почти всё, могло стать для месопотамских предсказателей объектом дивинации. Но главное расхождение, на наш взгляд, в другом: дивинация была обращена к будущему, а следопытно-охотничья дешифровка – к прошлому (даже если это прошлое отстояло от наблюдателя на считанные секунды). И все-таки познавательные подходы в обоих случаях весьма близки: интеллектуальные операции, предполагаемые в обоих случаях – анализы, сопоставления, классификации – в формальном отношении тождественны. <...> Нечто действительно связывало вместе эти формы знания в древней Месопотамии (если исключить из рассматриваемой совокупности боговдохновенное прорицательство, основанное на опыте экстатического типа). Этим объединяющим началом была исходная позиция, ориентированная на анализ индивидуаль-

ных случаев, поддающихся реконструкции только на основе следов, симптомов, улики. Сами юридические тексты в Месопотамии состояли не из законов или предписаний, но из обсуждения конкретных казусов. Таким образом, можно говорить в целом об уликовой или дивинационной парадигме, обращенной к прошлому, настоящему или будущему, – в зависимости от той или иной формы знания. Обращаясь к будущему, имели дивинацию в собственном смысле слова; обращаясь к прошлому, настоящему и будущему, имели медицинскую семейотику в ее двойном обличье, диагностику и прогностику; обращаясь к прошлому, имели юриспруденцию. Но за этой уликовой или дивинационной парадигмой угадывается самый, быть может, древний жест в интеллектуальной истории человечества: жест охотника, присевшего на корточки в грязь и высматривающего следы будущей жертвы» [Гинзбург 2004: 197-200].

Благодаря деятельности формировался идеаторный план сознания, благодаря коммуникации – человеческая, социальная память. В сущности, память есть изобретение человечества, как и многие другие акты, которые рассматриваются обычно как банальные и составляющие существо нашей жизни, в то время как они были созданы постепенно человеческим образом жизни – «по образу и подобию». «Стадо, живущее по искусственной, условной программе, реализующее тот или иной образ жизни, есть общество. Деятельность, реализующая тот или иной образ деятельности, есть труд. Образ, являющийся компенсацией отчуждения, – это «ген», первоэлемент культуры; в самом принципе жизни по образу виртуально сосуществуют начала, впоследствии дифференцирующиеся и развивающиеся в технологию, религию, науку, искусство, право, мораль, политику и т.п.

Стремясь успокоить травмированный инстинкт, восстановить поврежденную связь с природой, преодолеть отчуждение, выжить, прачеловек, а затем человек под-

ражает явлениям и существам природы, заимствует, дублирует, репродуцирует и редуцирует, закрепляет, модифицирует необходимые ему планы, модели жизни и деятельности: «удваивает» природу, создает искусственную «вторую природу» – культуру» [Вильчек 1993: 52-53]. Поэтому основной характеристикой памяти является «борьба с отсутствием». Эту борьбу память ведет с помощью языка, речи. Человеческая память есть усложненная, производная форма речи. Поэтому у человека объем долговременной памяти практически неограничен, как и неограниченно время хранения информации в ней: задержка между стимулом и ответной реакцией может превышать продолжительность жизни отдельного человека, поскольку между людьми существует и формируется память социальная (пример кладоискателей как материальных, так и духовных ценностей тому подтверждение).

Итак, в истории человечества возникла совокупность дисциплин, опирающихся на дешифровку знаков разного рода, от симптомов до письменных знаков. Перейдя из месопотамских цивилизаций в Грецию, эта совокупность претерпела глубокие изменения, связанные и с формированием новых дисциплин, таких как историография и филология, и с обретением новой социальной и эпистемологической автономии старыми дисциплинами, такими как медицина. Тело, язык и история людей впервые оказались подвергнуты беспредрассудочному анализу, в принципе исключавшему божественное вмешательство. Мы и сегодня живем результатами этого решающего сдвига, определившего культуру полиса. Первостепенную роль в этом сдвиге играла парадигма, которая получила название семиотической или уликовой. Врачи, историки, политики, гончары, плотники, моряки, охотники, рыбаки, женщины – вот лишь несколько социальных категорий, полем деятельности которых служила в глазах греков обширная территория предположительного знания. Речь, в данном случае, идет о дисциплинах, в основе своей оперирующих качествами, а

не количествами; имеющих своим объектом индивидуальные случаи, ситуации и документы именно как явления индивидуальные и именно поэтому приходящих к результатам, несущим неустранимый элемент случайности.

Совершенно иной характер имела галилеевская наука, девизом которой могла бы стать формула схоластов «*individuum est ineffabile*»: о том, что индивидуально, говорить нельзя. В самом деле, применение математики и экспериментального метода предполагало соответственно количественную измеримость и повторяемость явлений, тогда как индивидуализирующий подход по определению исключал вторую и лишь ограниченно допускал первую во вспомогательных целях.

Однако в области уликовых дисциплин была одна, которая с самого момента своего возникновения представляла собой в ряде отношений нетипичный случай. Этой дисциплиной была филология, а точнее, критика текста.

Критика текста конституировала объект своего изучения в результате предельно жесткого отбора релевантных признаков: впоследствии число таких признаков еще более сократилось. Этот путь внутреннего развития дисциплины был отмечен двумя решающими рубежами: изобретением письма и изобретением книгопечатания. Как известно, критика текста родилась после первого из двух вышеназванных событий (когда возникло решение записать гомеровские поэмы) и упрочилась после второго (когда первые и зачастую торопливо-небрежные издания классиков надлежало заменить более надежными изданиями). Сначала были отброшены, как нерелевантные для текста, все элементы, связанные с произнесением и жестикующей; затем – также и все элементы, связанные с материальностью письма. Результатом этой двухэтапной операции стала нарастающая дематериализация текста, постепенно очищенного от любых чувственных опор: хотя связь с чувственно воспринимаемой субстанцией и необходима для продолжения

жизни текста, текст ни в коей мере не отождествляется со своей опорой. Все это сегодня нам кажется само собой разумеющимся, хотя на самом деле отнюдь не является таковым. Достаточно вспомнить о решающей функции интонирования в устной словесности или о месте каллиграфии в китайской поэзии, чтобы осознать, насколько зависит вышеуказанное понятие текста от совершенно специфического культурного выбора, имевшего неисчислимы последствия. Такой выбор вовсе не был автоматически обусловлен и переходом от ручного воспроизводства текста к механическому его воспроизводству: яркое тому доказательство – пример Китая, где изобретение книгопечатания не прервало связи между литературным текстом и каллиграфией.

Введенное таким образом абстрактное понятие текста объясняет, почему критика текста, в значительной степени сохраняя дивинационный характер, все же обнаружила в себе способность к развитию в направлении строгой научности: эта потенция окончательно созрела на протяжении XIX века. Первопричиной здесь было радикальное решение принимать к рассмотрению лишь поддающиеся воспроизводству (сперва – ручному, а после Гуттенберга – механическому) признаки текста. Тем самым критика текста, хотя и имела объектом своего изучения индивидуальные случаи, однако же в конечном счете избежала главной обузы гуманитарных наук: связанности с качествами. Знаменательно, что Галилей, основывая посредством столь же беспощадной редукции современное естествознание, сослался на пример филологии. «Традиционное средневековое сравнение мира с книгой предполагало изначальную внятность, непосредственную воспринимаемость смысла их обоих; Галилей же, наоборот, подчеркнул, что «*философия <...>, написанная в этой огромной книге, постоянно открытой перед нашими глазами (я имею в виду вселенную) <...> не может быть понята, если сперва не научишься понимать язык и не*

изучишь письма, коими эта книга написана», то есть «треугольники, окружности и прочие геометрические фигуры». Для естествоиспытателя, как и для филолога, текст представляет собой невидимую глубинную сущность, которая реконструируется при отвлечении от чувственно воспринимаемых данных: «фигуры, числа и движения, но не запахи, вкусы и звуки, которые, по моему мнению, вне живого существа являются не чем иным, как только пустыми именами» [Гинзбург 2004: 204].

Этой фразой Галилей задал наукам о природе новое направление развития, принципиально антиантропоцентрическое и антиантропоморфное; с этого пути естествознание уже не сходило. На географической карте знания обозначился разрыв, которому суждено было расширяться и расширяться. Математика была избрана на должность «царицы всех наук», хотя именно ей, в действительности, все равно кем и чем управлять: главное – быть в центре внимания и тем подтверждать свою значимость.

Помощь в самоутверждении естественнонаучной парадигме оказала публицистика. Развивающееся производство потребовало кодификации и аккультурации через создание энциклопедий систематического сбора «мелких распознаваний», по другому, уликовых знаний ремесленников и крестьян. Через посредничество книжных страниц и расширение числа грамотных все больше и больше читателей получало доступ к определенным видам человеческого опыта, и такое посредничество все разрасталось. Напечатанный текст предоставлял всеобщий доступ к человеческому опыту в целом. И опытное знание, сила которого всегда заключалась в его конкретности, через общедоступное профанирование становилось абстрактным и тем, как многим кажется до сих пор, приближалось к образцам знания естественно-технического. Место практик стало занимать наукообразное экспериментирование с использованием математического аппарата и тем как бы задавалась «объектив-

ность» полученных результатов.

Но может ли уликовая парадигма быть строгой? Количественное и антиантропоцентрическое направление, которое приобрели естественные науки со времен Галилея, поставило гуманитарные науки перед неприятной дилеммой: либо принять слабый научный статус, чтобы прийти к значительным результатам, либо принять сильный научный статус, чтобы прийти к результатам малозначительным. Только лингвистике удалось в течение нашего века ускользнуть от этой дилеммы, почему она и стала выступать в роли образца – более или менее непрекаемого – для остальных дисциплин. Однако так было, пока лингвистика не захотела, подобно пушкинской старухе из сказки о рыбаке и рыбке, быть владычицей морскою и жить в Окиян-море, а именно: перейти к анализу текста. Последний же, как и рыбка, «лишь хвостом по воде плеснула и ушла в глубокое море».

Можно предположить, что есть такие знания, где математическая строгость является не только недостижимой, но, может быть, даже и нежелательной. Эти формы знания более тесно связаны с повседневным опытом – или, точнее, со всеми теми ситуациями, в которых уникальность, незаменимость данных является, с точки зрения вовлеченных лиц, решающей. Такие знания в логическом пределе тяготеют к немоте, - в том смысле, что их правила не поддаются формализации и даже словесному изложению. Невозможно выучиться профессии знатока или диагноста, ограничиваясь практическим применением заранее выученных правил. В познании такого типа решающую роль приобретают практические навыки: чутье, острый глаз, интуиция и качественный анализ.

А может быть, дело вовсе и не в «областях» знания, а в механизмах устройства самого сознания, знаковый контур которого может вписываться в объективную реальность, формируя ее по принципам всеобщности или индивидуальности. Все дело в контурах или пространствах, в

которые сознанию надо вписываться.

3. Сознание как текст. В семиотической парадигме сознание полагается как Глобальный Текст. Поэтому на вопрос о месте пребывания души, который Кант характеризовал как неадекватный существу сознания, здесь можно ответить так: сознание находится в тексте, оно и есть текст, но только текст, понятый как семиотическое образование. Текст, рассмотренный в качестве семиотического образования есть живое воплощающееся сознание. Известная формула Ельмслева, определившая текст как «все, что может быть сказано на датском языке», фактически несет в себе все характеристики текста. Так, при рассмотрении понятия текста в плане семиотики культуры, было обнаружено, что, для того чтобы данное сообщение могло быть определено как «текст», оно должно быть как минимум дважды закодировано. Во-первых, как сообщение и, во-вторых, как метасообщение, осознанного представления о чем-либо в качестве коммуникативного сообщения. Лотман, например, пишет, «что сообщение, определяемое как «закон», отличается от описания некоего криминального случая тем, что одновременно принадлежит и естественному, и юридическому языку, составляя в первом случае цепочку знаков с разными значениями, а во втором – некоторый сложный знак с единым значением. То же самое можно сказать и о текстах типа «молитва» и т.п.» [Лотман 2002: 158-159]. Сравним это с таким утверждением: «Сознание по своей функциональной природе есть самосознание, понимающее себя сознание» [Агафонов 2003:15].

По мере усложнения деятельности и коммуникации усложнялась структура текста, у него появлялись качественно новые функции. «Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способ-

ность конденсировать информацию, он приобретает память. Одновременно он обнаруживает качество, которое Гераклит определил как «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [Лотман 2002: 160]. Социально-коммуникативные функции текста значительно усложняются. Кроме функции сообщения, информирования он выполняет функцию коллективной культурной памяти. «В качестве таковой он, с одной стороны, обнаруживает способность к непрерывному пополнению, а с другой – к актуализации одних аспектов вложенной в него информации и временному или полному забыванию других» [Лотман, там же]. Кроме того, текст актуализирует определенные стороны личности самого адресата. В автокоммуникации текст выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности читателя, изменению ее структурной самоориентации и степени ее связи с метакультурными конструкциями. Текст может становится равноправным собеседником, выступая самостоятельным интеллектуальным образованием, играющим активную и независимую роль в диалоге. «Как говорил Аристотель...» - обычный зачин многих текстов недавнего прошлого. А есть жанры, где автор текста просто неизвестен или коллективный, и где текст сам себе довлеет, забывая своего создателя. Еще текст может выступать в качестве культурного контекста, источника или получателя информации. «Отношения текста к культурному контексту могут иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, которому он в определенном отношении эквивалентен, или же метонимический, когда текст представляет контекст как некоторая часть – целое. Причем, поскольку культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разными

ми уровневыми структурами» [Лотман 2002: 161].

Любопытно сравнить пять функций текста с пятью контурами организации сознания: «Помимо сенсорно-перцептивного контура в иерархии уровней ментальной репрезентации можно выделить, по мнению А. Агафонова, познавательный контур представления, мыслительный контур сознания, а также аффективный и рефлексивный контуры. Познавательный контур есть не более чем форма смыслопорождающей активности сознания, способ реализации сознанием процедур понимания собственных текстов» [Агафонов 2003: 114].

4. Человек семиотический. Приходя в этот мир, человек застает уже созданный инструмент своего будущего сознания. Инструмент настолько сложный, что освоить его нацело в течение всей человеческой жизни практически невозможно. Подтверждением тому может служить понятие «лингвистической интуиции»: с ее помощью мы можем расширять наш ограниченный опыт с ограниченным числом слов до способности порождать и понимать бесконечное число предложений. Природа этой способности до сих пор не известна, как неизвестно и само происхождение языка. Зато можно представить путь индивида по усвоению языка как семиотической системы: вхождение его в семиосферу культуры, и способов использования им полученных знаний, умений, навыков. Семиотическая личность – это и есть совокупность знаний и умений, которыми владеет, пользуется человек в отношении всей совокупности текстов существующих в обществе. Психологи выделяют три ступени в становлении личности: индивид, субъект, личность. Индивидами мы рождаемся, большинство становятся субъектами, и только некоторым суждено стать личностями, включиться в текстовую жизнедеятельности сознания.

Первую стадию можно обозначить как стадию человека понимающего (*Homo sapiens*). Языковые способности, темперамент, эмоциональность отличают индивидов друг от друга. Эти особенности отра-

жаются на скорости овладения языком, на объеме материала, возможностях успешного осуществления различных видов речевой (чтение, говорение, аудирование, письмо, перевод) и языковой деятельности. Лингвистическая компетентность, то есть – развитие языковых способностей индивида, до сих пор лежит в основании уровней языкового развития. Хотя на первой стадии закладываются только основы, базис языковой личности. Если следовать названиям уровней овладения иностранным языком, то, скорее всего, это уровень элементарный.

Вторая стадия – человек говорящий (*Homo eloquence*). Коммуникативный уровень – это уже не только владение разными видами речевой активности, но и умение выстраивать коммуникацию в разнообразных ситуациях, коммуникативных сферах, дифференцированное использование речевых стратегий, стилей и жанров. Сюда же можно отнести знание коммуникативных правил этикетного поведения. Самыми известными классификациями коммуникативных субъектов являются: юнговское деление людей на экстравертов и интровертов, четыре типа манипуляторов Э. Шостром, девять типов собеседников, выделенных П.Мицич и категории В.Сатир.

Третья стадия – это человек творящий (*Homo creativus*). Такого человека можно рассматривать как текстовую личность, способную порождать разнообразные по форме и содержанию тексты. Последние, в отличие от отдельных высказываний, обладают дополнительными характеристиками, и главные из них это: наличие речевого замысла или речевой воли говорящего, предметно-смысловая исчерпанность темы, типические композиционно-жанровые формы завершения. У текста есть и иные характерные особенности, так то: цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность, скважность и т.п. Но все эти характеристики вторичны по отношению к порождению смысла, который только и имеет непосредственное отношение к личности творящего. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя

(говорит), то есть, создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [Бахтин 1979: 285]. Смысл текста, цель его порождения, конструкции текста внутри него (способы связывания отдельных идей между собой), место в ряду других текстов на ту же тему, фактор адресата – все это важно для понимания, характеристики и даже самоопределения личности.

Человек понимающий (индивид), человек говорящий (субъект), человек творящий (личность) – это не последовательные ступени развития, но параллельно развивающиеся аспекты или стороны человека умелого. Однако точки созревания этих сторон приходятся на разные периоды – не совпадают во времени. И если без первой и второй ступеней развития существование в обществе затруднено, то про текстового человека можно сказать, что личностью в семиотическом смысле можно и не быть.

Можно научить человека строить тексты (для этого существует всесильная риторика), но нельзя научить порождать смыслы, это задача – «текстовой личности», которая творит смысл способом своего существованием в качестве личности.

Сегодня человек в обществе – это, в первую очередь, личность и производитель, и только потом – индивид и потребитель. Но даже индивидом он становится по заказу общества. Как выразился К. Гинзбург «...человеческая толпа, еще недавно представлявшая собой неразличимую массу бенгальских «морд» (если вспомнить презрительное выражение Филарете), вдруг оказалась чередой индивидов, каждый из которых был отмечен неповторимыми биологическими особенностями. Это поразительное расширение понятия индивидуальности осуществилось фактически благодаря взаимодействию с государством, его бюрократическими и полицейскими органами. Благодаря отпечаткам пальцев даже самый последний житель самой нищей деревни в Азии или Европе становился опо-

знаваемым и контролируемым» [Гинзбург 2004: 224].

Напомним, что рационально-теоретическое мышление, освободив себя посредством рефлексивных процедур от социокультурной зависимости, положило в основание своего движения беспристрастность и вневременность субъекта познания. Во времена Декарта и Канта логика рассматривалась как истина, которую можно добывать, но никак нельзя изменять и, тем более, развивать. Именно из этого постулата следовала особенность познающего разума быть безмерным, точечным образованием. Открытая западной философией тема интересубъективности, подвела исследователей к иному постулату: истина по природе социальна, событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний. Иначе говоря, субъект как носитель разума, может вчитываться в разные тексты рефлексий или сфер субъективности. Перефразируя М.К.Мамардашвили, который говорил, что «текст пишется актом его чтения», скажем, что сознание рождается актом текстотворения. По тексту мы узнаем человека, предсказываем его поступки, угадываем мотивы, по тексту определяем Автора. Сознание для нас всегда вовне (как писал К. Мегрелидзе, идея есть «лишь известное строение поля сознания») – оно организует наше поведение. Любопытно, что Петр I, пытаясь изменить русский быт и нравы, начал с садово-паркового переустройства в Петербурге. «Сады давали новую азбуку, учили языку ‘эмблемат’» [Лихачев 1982: 123]. Воздействие на человека планировки садов и парков носит прямой, но при этом незаметный для самого человека характер: она как бы исподволь организует поведение, а через поведение – и сознание. Таково семиотическое устройство человеческого сознания: не только время изменяет тексты.

5. Семиотический метод сталкивает различные подходы, формируя единое междисциплинарное коммуникативное пространство для решения проблем сложных объектов. Именно поэтому семиотика не имеет собственного метода исследова-

ния, если под методом понимать совокупность операций, позволяющих теоретически или практически осваивать действительность. Она в принципе может вбирать в себя любые методы, отрицая какую-либо связь между методом и мировоззрением. Кроме того, семиотика практически игнорирует различие объекта описания и языка описания, рассматривая то и другое в качестве двух изоморфных друг другу языков. Поэтому сознание в этой парадигме можно рассматривать как способ существования человека внутри создаваемого им текста.

Литература:

Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Издательство «Речь», 2003.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа//Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - Москва: «Искусство», 1979.

Вильчек Вс. Прощание с Марксом: алго-

ритмы истории М.: «Прогресс», 1993.

Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004.

Джемс У. Существует ли «сознание»?//Новые идеи в философии. N 4. Что такое психология? » - СПб.: Изд. «Образование», 1913.

Кант И. Трактаты и письма. Москва: «Наука», 1980.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. – Л., 1982.

Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема//Ю.М. Лотман История и типология русской культуры. Санкт-Петербург, «Искусство-СПБ», 2002. Лотман Ю.М. О семиосфере// Труды по знаковым системам XVII. Тарту, 1984.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Изд. «Мецниереба», Тбилиси, 1973.

В.И. Шаховский

ЭМОЦИИ - МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

«Появление языка было <...> благом для людей, технологией, которая создала целый новый класс объектов для рефлексии, воплощенных в вербальной форме, которые могли быть пересмотрены в любом порядке и в любом темпе».

Д.С. Деннет

Проблема сознания в отечественной лингвистике уже второй век исследуется, в основном, на методологической базе деятельностного подхода, предложенного Н.А. Леонтьевым [Леонтьев 1974, 1975]. Судя по необозримому количеству работ психолингвистов, они заиклились на тезисе о единстве языка и сознания, на интерпретации сознания только с помощью языка, который через свои инструменты, в частности, через слово, опосредует сознание. Уже аксиоматичен вывод о том, что якобы единственным плодотворным путем изучения сознания является раскрытие структуры значений и смыслов, поскольку детерминантами сознания являются семиотиче-

ские конструкции (знак, значение) [см. об этом: Уфимцева 2000].

К настоящему времени получено много знаний о единстве речи и мышления, языка и сознания. В свете современной когнитивной парадигмы адекватным представлением о языковом сознании человека является его единство не только с языком и с деятельностью, но и с образом мира, с картиной мира, с менталитетом, с культурой, языковой/речевой личностью [Горошко 2001].

Фактически в большинстве последних по времени работ о сознании до сих пор речь идет о языковом сознании, и даже понятия «образ мира» и «картина мира» ос-

нованы на вербалистском толковании сознания.

Однако всем психолингвистам известно, что «мысль изреченная есть ложь», поскольку мысль динамична и мегафонична, и будучи трансформирована в семиотический знак, останавливается, огрубляется, омертвляется, сужается и т. д., то есть искажается.

Слово, действительно, может считаться инструментом сознания, но оно вряд ли ему изоморфно (как и язык). Д.С. Деннет упоминает в своем труде психолога Франка Кейла и его коллег из Корнелла, которые «нашли подтверждение тому, что определенные концепты высокого уровня абстракции – такие, например, как ”жить”, “обладать” – генетически заложены в инструментарий мозга маленького ребенка (выделено мной – В.Ш.); когда в мозг ребенка входит специальное слово для обозначения действий «брать», «давать», «иметь», «хранить», «прятать» и др. из этой же категории, оно находит там уже отчасти созданную для него нишу» [Денет 2001: 195]. Разве этот факт можно объяснить вербальностью мышления и единством языка и сознания? Кто же в инструментарии мозга создал эти (и им подобные) ниши, как, например, в случае человеческих представлений о конструктах месторасположения объектов: «на», «рядом», «позади» и др., которыми человек оперирует инстинктивно?

Для ответа на эти вопросы у человека «должна существовать генетическая predisposition для усвоения ... преднамеренной позиции в отношении чего-то» [там же]. Теория Н. Хомского о глубинных врожденных структурах, теория мыслительного модуля А. Лесли, изыскания Ф. Кейла и др. о генетически заложенных в мозг человека определенных концептах говорят о том, что питаться «исключительно мыслью о включенности языка в процесс мышления» [там же, С. 196] долгие нежелательно, т.к. это уже больше не способствует продвижению вперед изучению сознания. Пора перейти «к рассмотрению деталей взаимодействия <...> довербальных

информационных структур (выделено мной – В.Ш.) и языка» [Денет 2001: 195].

Данный призыв считаю и давно своевременным, и плодотворным, так как отечественные работы последних десяти лет по исследованию сознания, в основном, методологически повторяют друг друга и великих ранних отечественных психологов, вплоть до их сакрализации, что довольно опасно, как об этом предупреждает Р.М. Фрумкина [см.: Фрумкина 2000]. Более или менее интересными, разве что, являются новые данные о различиях в ядрах языкового сознания разных национальных культур. С другой стороны, «любой достаточно большой список слов-стимулов «приводит» к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, т.е. в их системности (выделено мной – В.Ш.)» [Уфимцева 2000: 218-220].

Одними из довербальных информационных структур сознания неоспоримо, на мой взгляд, являются эмоции человека. Какие аргументы можно извлечь в пользу этого тезиса из современных знаний об эмоциях как психологическом и физиологическом кодах?

Формирование сознания, по А.Н. Леонтьеву, происходит в процессе деятельности. Эта деятельность, будучи активной и производительной, не может быть беспристрастной. Мотив такой деятельности всегда эмоциональный – стремление к успеху. Хотя некоторыми учеными и подвергается сомнению предположение теории эволюции о том, что «в природе личности изначально заложено стремление к соперничеству, а не к совместной деятельности» [Денет 2001: 194], жизненная практика убедительно указывает, что такой эмоциональный тренд и человеку, и социуму, увы, присущ. И это – не рациональная, а эмоциональная доминанта сознания.

Психологи и физиологи приводят бесспорные доказательства того, что эмоции являются частью интеллекта человека. Когнитивная теория эмоций рассматривает их как функцию разума [Изард 1980]. Подробнее об этом в [Шаховский 2001]: эмо-

ции предшествуют и «сопровождают» когнитивные процессы. Сегодня уже можно взять слово «сопровождают» в кавычки, т.к., по сведениям из ряда источников, *эмоции являются довербальным компонентом когниции* [Goleman 1973] и эмоции являются одной из подсистем сознания (Шпитц, Липер, Поуп, Сингер, Тарт и др. см.: [Изард 1980:121-123; Gray 1973]).

У. Грей утверждает, что все познание кодируется эмоциями. Он считает, что эмоции собирают и организуют когнитивные элементы в эмоционально-когнитивную структуру, а повторение этого процесса с помощью развития иерархических уровней организации, по его мнению, образует развитие разума [Gray 1973]. К. Изард настаивает на том, что эмоции детерминируют мысли [Изард 1980:247]. Р. Браун, а вслед за ним и многие другие ученые экспериментально подтверждают, что человек до осознания предметно-логической (фактуальной) информации, содержащейся в любом высказывании, осознает его эмоционально-оценочный компонент. А. Бине выдвинул и верифицировал гипотезу о первоначальном возникновении мысли в форме эмоционального образа, формирующейся до ее речевой выраженности. А. Бине не был лингвистом. А Ш. Балли им был, и он уверенно провозгласил: «мы *никогда* (выделено мной – В.Ш.) не думаем и не говорим абсолютно рассудочно» [Балли 1961].

Такая внешняя экспликация внутренних психологических и физиологических процессов более симптоматична. Имеются и многие другие симптомы: эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с безразличной информацией, доказано существование эмоциональной памяти у человека и эмоциональной антиципации. В. Пенфильд и Л. Робертс различают три типа памяти, и на первое место они ставят память переживаний, т.е. эмоциональную память [Пенфильд, Робертс 1964: 209-210]. При этом они поясняют, что эмоциональная память – это оживление эмоциональных следов ра-

нее пережитого человеком, т.е. перенос его эмоционального опыта из одной ситуации в другую. Понятно, что речь идет о множественности такого переноса в течение всей жизни человека.

Отечественные психологи – крупнейшие авторитеты – Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев – по-разному соотносили эмоцию, интеллект и мышление. [см. об этом: Шаховский 1983: 44-45]. Они, видимо, интуитивно осознавали, что эти феномены представляют собой определенное единство. Мысль о том, что решением этой проблемы может быть признание существования *эмоционального интеллекта*, долгое время витавшая в воздухе, получила, наконец, фиксацию в вербализованной форме благодаря Даниэлю Гоулману [Goleman 1973].

Концепт, который давно уже существовал в менталитете ученых психологов, получил вербальное опредмечивание и благодаря этому наука приблизилась к ответу на вопрос о том, как соотносить, соединить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции. Интересно, что статистика выделяет непонятную тенденцию к меньшему успеху в жизни людей с более высоким IQ, в то время как со средним IQ люди более приспособляемы и успешнее. Д. Гоулман объясняет этот факт *эмоциональным* интеллектом человека, специфической способностью человека управлять эмоциональными импульсами, считывать с вербалики и авербалики (body language) чужие эмоции и переживания, регулировать более деликатно (smoothly) свои эмоциональные взаимоотношения, способствовать мотивировать свои эмоции, со-чувствовать, способность включенно картировать человеческое сердце, со-страдать.

Тут к месту можно привести слова Аристотеля о том, что самое редкое качество – уметь рассердиться на именно того человека, рассердиться до правильной степени и в правильное (right) время, с правильной целью и правильным образом. Другими словами, дело не в самой эмоции, а в ее соот-

ветствии конситуации (эмотивно-когнитивному дискурсу) и форме ее канализации.

Квинтэссенцией интерпретации концепта «эмоциональный интеллект» могут послужить следующие слова Д. Гоулмана: “This expanded model of what it means to be “intelligent” (см. предыдущий абзац – В.Ш.) puts emotions at the center of aptitudes for living» [Goleman 1973: xiii]. Нечто аналогичное я уже констатировал в [Шаховский 1991], до знакомства с работами Д. Гоулмана.

Поскольку когнитивная лингвистика настаивает на том, что базовыми функциями языка являются адаптирующая и регулирующая, логично предположить, что эти же – жизнеобеспечивающие функции – присущи и эмоциональному сознанию. Эта мысль просматривается в таких двух местах труда Д. Гоулмана : “Heart start” (is-В.Ш.) the emotional equivalent of the Head start programs [Goleman 1973:192-194]. « It is with the heart that one sees rightly: what is essential is invisible to the eye» [Goleman 1973:iii]. Весь контекст книги Д. Гоулмана подчеркивает эмотивно-дискурсивную синонимичность терминов «душа», «сердце», «эмоции», «эмоциональный интеллект». Концепт «эмоциональный интеллект» много ингредиентный: к тем из них, что были названы выше, добавлю – confidence, curiosity, intentionality, self-control, relatedness, capacity to communicate, cooperativeness. [Goleman 1973:194].

Эмоции наблюдаются и непосредственно через язык тела и опосредовано – через язык слов. Оба эти канала эксплицируют и эмоциональный ментальный стиль человека, и его эмоциональный дейксис [Шаховский, Жура 2002]. На роль того и другого в эмоциональном общении указывает фактор «эмоциональная проблема речевого партнера», ибо от нее зависят значения воспринимаемых и используемых слов, а следовательно, и взаимопонимание. Если у собеседников отсутствует общий центр эмоциональной координации общения, то наблюдается эмоциональный диссонанс и неуспех в общении на контекстуальном лоне эмоций. Наше мышление базируется не

столько на языке, сколько на субъективных, в т.ч. и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящих в его эмоциональный интеллект.

Роль вербального и авербального эмоционального кодов двоякая: эксплимирование в разной степени аппроксимаций внутренних переживаний говорящего и, синхронно, направление понимания реципиента в определенное эмоционально-интеллектуальное русло. Это особенно ярко проявляется в художественном типе общения. [См.: Пищальникова 1999; Шаховский 1998].

Главное, что характеризует эмотивную вербалику, это – аппроксимативность фиксации «эмоциональных состояний речевых партнеров, ибо «языковое одеяло» никогда не может покрыть все «эмоциональное тело» человека: он – беднее, примитивнее. В то время как в эмоциональном сознании эта бедность отсутствует, и на авербальном уровне эмоциональное общение людей тоже совершенно и адекватно и по форме и по содержанию, эмоции транслируются не только через слово, но и через память, металл, звуки, свет, ткань и др. формы.

Все это говорит о том, что эмоции – неотъемлемый образующий компонент сознания, что они континуальны, не дискретны, а зонны [Винарская 2001: 5-12], как и все сознание и в переживании, и в канализации. Другими словами, эмоциональное сознание является способом деятельности индивидуума и социума. Отсюда понятие «эмоциональная константа лингвокультурного сообщества» и признание национально (не) труднопроницаемости эмоционального сознания в межкультурном общении [См., например: Werzbicka 1990: 13-36]. Сознание равно пониманию, различие в эмоциональных константах разрушает это равенство: эмоциональное понимание и понимание эмоционального при этом затруднено, если не невозможно.

Биологическая природа сознания проявляется в его адаптирующей функции «там,

где прекращают действовать врожденные законы поведения, вступает в силу врожденная способность приспособляться к условиям окружающей среды» [цит. по: Денет 2001: 191]. А это приспособление всегда сопряжено с переживаниями, т.е. эмоциями, что всегда «вначале была эмоция, она первопричина, мотив всей деятельности человека, всех его потребностей».

Современная психосемантика рассматривает эмоции как операторы категоризации объектов, операторы размерности семантического пространства [Хомская, Батова 1992: 14]: Эмоции входят в устойчивые структуры бытия человека. Известны случаи, когда краткое известие, «порой выраженное одним словом, вызывало смерть человека» [Канке 2002:189], за счет внезапного взлета аффективно-чувственной температуры реципиента.

Противопоставления аффективно-чувственных комплексов как открытых классов состояний (внешних) и эмоции как скрытый класс состояний, неопределенный, расплывчатый (Ю.А.Сорокин отказывает в праве существования как единичностей [Сорокин, 2002]) только подтверждают тезис об эмоциях как о мотивационной природе сознания.

Я завершаю данное эссе известным мнением Л.С. Выготского, предупреждающим исследователей сознания (мышления) от неизбежных ошибок: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления предполагает вскрытие *движущих мотивов мысли потребностей и интересов, побуждений и тенденций* (выделено мной-В.Ш.), которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» [Выготский 1968:14]. Мысль, верная для начала XX в. остается актуальной и для начала XXI в.: этими движущими мотивами сознания являются эмоции.

Литература:

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961

Винарская Е.Н. К проблеме эмоциональных концептов.// Вестник Воронежского гос. университета. Сер. лингв. и межкульт. ком.2001, №2.

Выготский Л.С. О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX в.// Вопросы психологии. 1968. №2.

Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма).– Автореферат дис...д-ра. филол. н.. М., 2001.

Деннет Д.С. Фон языка в мышлении // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 190-198.

Канке В.А. Философия. М., 2002.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.,1975.

Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.

Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001,С.24-53.

Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.

Сорокин Ю.А. Межличностное общение и его этнокультурная специфика.// *Hermeutics and Rhetoric in Russia*. www hermeuticsonline. Net 2002 №1.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 207-220.

Уфимцева Н.В. Сознание, слово, культура // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Памяти Г.В. Колшанского. М. 2000. С. 44-45.

Фрумкина Р.М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // Интеллектуальный форум. – 2000.–№3. С. 153-171.

Хоменная Я.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. М., 1992.

Шаховский В.И. Эмоции – мысли в художественной коммуникации // Языковая личность: социолингвистические и мотивные аспекты. Волгоград-Саратов, 1998г.

С.81-92.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка.– Воронеж, 1987. – С. 11 – 16.

Шаховский В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной-языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001. С. 11-16.

Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. – №6 – С. 111-117.

Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. №5. 2002. С.38-56.

Brown Roger W. et all Language, Thought and Culture, The University of Michigan Press, 1958.

Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ Bentam Books, 1997; Gray W. Emotional-Cognitive Structuring: A New Theory of Mind // Forum for Correspondence and Contact, 1973.

Nierzwicka A. Dusa (≈ сонл), *toska* (≈ yларning), *sud'ba* (≈ fate): three key concepts in Russian Language and Russian Culture// Z. Saloni, ed., *Motody formalne n opisie jezykow slowiamskich.* Bialystock. 1990.

Е.Ф.Тарасов

ОБРАЗ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная проблема, на решение которой направлен проект, состоит в выявлении, фиксации и анализе фрагмента языкового сознания русских и иностранцев, содержащих осознаваемые и неосознаваемые знания о России и русских.

Образ России у русских и иностранцев как социальный стереотип представляет собой фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием. Функция образа России у русских и иностранцев - быть средством ориентации в России. У русских, сверх того, образ России есть средство формирования национальной идентичности, необходимой каждому русскому для создания конкретных условий жизнедеятельности. У русских образ России формируется целенаправленно в инструктивном обучении и при помощи СМИ, у иностранцев он складывается в результате речевого воздействия СМИ и частично из впечатлений, вынесенных из непосредственного знакомства со страной. У

русских образ России существует обычно на неосознаваемом уровне и достигает уровня сознания при контактах с носителями чужой культуры.

В современных условиях нарастающей глобализации образ России для русских и иностранцев должен быть объектом целенаправленного формирования. При анализе образа России исследователь опирается как на внешнее обыденное речевое поведение носителей языка, так и на речевое поведение испытуемых в эксперименте, так как знаковое поведение человека есть наиболее удобный канал доступа к сознанию людей.

Образ России – это фрагмент языкового сознания русских и нерусских, существующий как социальный автостереотип (у русских) и как национальный предрассудок (у иностранцев). Подобные ментальные образования трактуются в современной философии и социальной психологии как социальные мифы, формируемые в так называемом рефлексивном слое сознания. Образы рефлексивного слоя сознания, в том числе и социальные мифы, конструируются в относительном отрыве от реальной действительности, с которой они связаны через другие – чувственные – образы, прямо, непосредственно отображающие

¹ Данная работа производится при поддержке Гранта РГНФ № 06-04-00550а «Образ России в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании» и № 06-04-03803в «Автоматизированная система научных исследований динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских как индикатора образа России в новейшей истории и современности».

реальное бытие людей.

Объектная область – это совокупность объектов реального мира, на которые направлена познавательная активность исследователя. Объектная область исследования «Образ России» формируется из следующих объектов:

- **научное сознание** – совокупность представлений о России, сформированных в философии, истории, социологии, политологии и социальной психологии;

- **профанное (обыденное) сознание** – это представления членов общества о стране проживания, т.е. о России, формируемые под влиянием деятельности субъектов общественного сознания в течение социализации конкретного индивида и вскрываемые в актуальном исследовании.

Для полноты анализа в качестве объекта исследования привлекаются иконические изображения внешнего облика страны (живописные полотна крупнейших художников России). Этот объект анализа фигурирует в исследовании как **художественное сознание**. Таким образом объектом анализа является сознание представителей разных этносов, населяющих современную Россию.

Диахронический и синхронический аспекты исследования

Участников проекта интересует, в первую очередь, синхронический аспект исследования. Поэтому образ России понимается как современные представления носителей русского сознания. Но современное состояние образа России может быть адекватно понято только в соотношении с представлениями о России, которые существовали примерно в течении последних двухсот лет. Поэтому анализу подвергается также представления о России, в основном, писателей, философов, историков, сформированные в 19-20 веках. Представляется, что этот период целесообразно расчленить на временные отрезки до 1917 года и после 1917 года. Кроме того, вероятно, целесообразно выделить период с 1990-го года по настоящее время.

Футурологические представления об образе России

В связи с тем, что формируется представление о будущем России, целесообразно выделить в качестве специального объекта анализа:

А) представления философов, историков, политологов о будущем России (Ильин, Панарин, Проханов и др.);

Б) представления профанных носителей русского сознания о будущем России.

Анализ футурологических представлений о России вызывает интерес по той причине, что это представление у современных русских лишено четкости и определенности, хотя и является объектом в целом нецеленаправленной, но достаточно интенсивной активности со стороны некоторых социальных институтов, формирующих общественное мнение. В современной научной литературе, естественно, для страны в стадии резкой трансформации своей культуры и социума, существуют представления о будущем России. В менее рефлексивной, но не менее болезненной форме образ будущей России складывается и в обыденном сознании.

Авто- и гетеростереотипные представления о России

Исследование научного и профанного образа России мыслится как исследование:

1) автостереотипных представлений о России;

2) гетеростереотипных представлений о России.

Автостереотипные представления о России

Содержание автостереотипных представлений о России вскрывается в процессе анализа:

1) представлений о России русских философов, ученых и др.;

2) представлений о России носителей профанного сознания.

Гетеростереотипные представления о России

Содержание гетеростереотипных представлений о России вскрывается в процессе анализа:

1) представлений о России зарубежных (немецких, американских, украинских, бе-

лорусских, польских, японских, казахских) философов, ученых и др.;

2) представлений о России носителей профанного сознания этих же стран.

Структура психического образа России

Представления о психическом образе России целесообразно сформировать по аналогии со структурой образа сознания по А.Н. Леонтьеву и В.П. Зинченко:

1) **Чувственная ткань** образа России связана со зрительными представлениями больших пространств, с временными представлениями о длительных перемещениях по стране, с большими незаселенными и не освоенными людьми пространствами, с чередованиями лесов и полей, выраженными климатическими зонами с большими температурными колебаниями в течение года.

2) **Биодинамическая ткань** познавательных действий, в результате которых складывается образ России. Характеристика познавательных действий, в результате которых складывается образ России, формируется:

А) во время длительных перемещений по стране;

Б) в процессе проживания в континентальном климате с резкими колебаниями температуры в течение года.

Образ России формируется со всей очевидностью для любого жителя страны во время перемещений по стране, обладающей гигантскими размерами, и во время проживания в ней в условиях климата с резкими колебаниями температуры в течение года. Но на формирование этого образа оказывает влияние специфический социум, своеобразие которого сохранялось всегда при любых попытках трансформировать (перестроить) его по чужим (инородным) образцам и схемам, начиная с реформ Петра I и по сей день. Сейчас в начале XXI в., когда, по мнению исследователей, в российском обществе расшатаны этические и социальные ориентиры и этнос в целом не обладает национальной идеей – целью, интегрирующей людей в едином этническом образовании, большой интерес вызывают представления членов этноса о будущем

России.

3) **Значение** образа России формируется в процессе социализации в результате знакомства с:

А) геополитическим положением России;

Б) военной и политической историей России;

В) российской цивилизацией;

Г) российской духовной и художественной культурой.

Эти знания, входящие в значение образа России, по определению являются общими для всех носителей русской культуры и языка, хотя, естественно, степень этой общности относительна. Эмпирическое выявление этих знаний представляет интерес, т. к. их аналогом только в определенной степени (окончательно не ясной) могут быть лишь статьи толковых словарей.

4) **Смысл** образа России формируется в процессе социализации в результате присвоения знаний о:

А) геополитическом положении России;

Б) военной и политической истории России;

В) российской цивилизации;

Г) российской духовной и художественной культуре,

соотнесенных с личностными витальными и социогенными потребностями.

Смысл любого предмета, действия, слова в теории деятельности А.Н.Леонтьева формируется для каждой личности в процессе соотнесения предмета, действия, слова с активностью по удовлетворению ее потребностей, в которой осмысляемые объекты и слова могут занимать место цели, средства, условия и т.п. жизнедеятельности. Смыслы по определению личностны, но не индивидуальны: они могут совпадать у разных индивидов в той степени, в какой совпадают их личности, сформированные в процессе присвоения одной этнической культуры. Знания из сферы смыслов постоянно переходит в сферу значений (и обратно), по мере того как расширяется круг носителей этих знаний.

При формировании представлении о

знаниях (смыслах и т.п.), входящих в образ России, целесообразно исходить из предположения, что эти знания формируются под влиянием социальной практики (под воздействием социума), с одной стороны, и под влиянием культуры в форме знаний, смыслов, концептов, смысловых конструкций и всего того, что входит в понятие «этнический (национальный) менталитет», с другой. Социальная практика быстроедействительна, непрерывна, текуча, а культурные знания и схемы придают устойчивость социальной практике членов конкретного этноса. Следовательно, образ России следует понимать как совокупность знаний, отображающих социальную практику, и совокупность знаний, отображающих смысловые и концептуальные (культурные) схемы (См. работы И. Кондакова).

Методы исследования образа России

Анализ образа России является комплексным исследованием, предполагающим использование совокупности разных методов, позволяющих получить сопоставимые и сопоставимые результаты:

- свободный ассоциативный эксперимент;
- метод семантического дифференциала и его модификации;
- метод группировки;
- проективные методы исследования образа будущей России.

Свободный ассоциативный эксперимент

- позволяет овнешнить в вербальной форме знания, ассоциированные с телами языковых знаков, при помощи которых описывается образ России. Так как эти знания в значительной степени функционируют на неосознаваемом уровне, то их вербальное овнешнение позволяет сделать их объектом специального анализа и позволяет на высоком уровне рефлексии выявлять знания, при помощи которых создается образ России.

Используется метод свободного ассоциативного эксперимента:

- свободные единичные ассоциации;
- перечисление членов категории в про-

извольном порядке.

Последний вариант метода может быть дополнен методикой выявления опорных точек сознания (Э. Рош).

Метод семантического дифференциала и его модификации

Метод СД – это метод исследования контролируемых ассоциаций. Он позволяет построить модель индивидуального и группового обыденного сознания, выявить системы осознаваемых и неосознаваемых представлений в интересующей исследователей содержательной области, т.е. системы представлений о России в сознании носителей русской культуры. Эти системы представлений могут быть описаны в форме противопоставленных друг другу категорий. Так как метод СД применяется для анализа разных объектов (содержательных областей), то он используется в своих модификациях.

Метод группировки

Этот метод позволяет выявить интегральные представления, объединяющие разные семантические объекты. В рамках этого метода будут использоваться следующие модификации:

- свободная группировка исследуемых объектов;
- метод триад (метод контролируемых группировок).

Следует специально подчеркнуть, что объектом исследования является такой сложный феномен, как сознание человека. В связи с этим требуют анализа исследовательские подходы и методы вскрытия знаний, входящих в содержание образа России.

Первый принцип анализа сознания человека может быть сформирован следующим образом: сознание доступно для анализа только в своих внешних формах (овнешнениях), которые являются его измененными (превращенными) формами. Степень адекватности анализа сознания целям исследователя зависит от форм овнешнения. При анализе массового сознания исследователю в качестве объекта предстоит отдельный индивид, помещенный в экспе-

риментальную ситуацию, в которой он своим поведением овнешняет собственное сознание в рамках стандартизированной процедуры. Анализ массового сознания предполагает, что обследуется экспериментальное поведение отдельных индивидов, совокупность которых образует выборку по отношению ко всем носителям русского языкового сознания (генеральная совокупность), на которых распространяются выводы, сделанные при анализе выборки. Очевидно, что анализ массового сознания возможен только в том случае, если каждый испытуемый будет демонстрировать экспериментальное поведение в форме, допускающей сравнение с экспериментальным поведением других испытуемых. Такое сравнение возможно только при условии, что такое поведение осуществляется в заранее заданной мерности.

Метод контролируемых ассоциаций, известный также как метод семантического дифференциала Чарльза Осгуда, позволяет получать от испытуемых стандартизованные реакции в заданной мерности. Этим требованиям отвечает и свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемые действуют стандартизованно, реагируя одним словом, первым пришедшим в голову, на общий для всех список стимулов.

Любой исследователь сознания должен четко понимать то, что сознание, исследуемое через свои разные овнешнения, приводит к формированию разных, логически не сопоставимых картин сознания. Эти разные картины одного и того же объекта, например, обыденного сознания русских,

живущих в начале XXI века, являются дополнительными картинками (отображениями) одного и того же объекта: они логически не сопоставимы, т.к. овнешняют один и тот же объект в разной форме, но дополнительные и могут учитываться уже позже, при интерпретации результатов описания объектов анализа.

В философии науки (Основы философии науки, 2005) такие разные отображения одного и того же исходного объекта исследования получили наименование концептуальной развертки, обратный процесс представления объекта в многомерном когнитивном пространстве, образующем единую смысловую конфигурацию, называется концептуальной сборкой.

Литература:

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры (Теоретический очерк). М.: Наука, 1994.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории - М.: Книжный дом «Университет», 1999.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.

Основы философии науки. Под ред. С.А.Лебедева. М.: Академический проект, 2005.

А.В. Павлова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНВЕРСИИ

Мише Безродному – юбилейно

Принято говорить о свободном порядке слов в русском языке – например, по сравнению с английским и немецким.

Понятно, что свобода это относительная, иначе не возникало бы представление об «инверсии». Скажем, «Я своей рукой

убрал со стола твоё лицо в его простой оправе» – нормальный порядок слов, а порядок слов во фразе «Лицо твоё в оправе его простой со стола я убрал рукой своей» обнаруживает многократную инверсию во всех словосочетаниях как синтаксических

составляющих этого предложения. Инверсия, как правило, стилистически маркирована и потому должна иметь оправдание в сфере стилистики – например, как особый поэтический прием, подчеркивание особого ритма стиха, выражение тоски, печали, скуки и т. п.; она может использоваться для стилистической архаизации, придания тексту тяжелой торжественности и т. п. При передаче на письме устной речи также нередко приходится сталкиваться с явлением инверсии, так как устная речь значительно чаще пользуется инверсией по сравнению с письменной речью. Не оправданная стилистикой инверсия нежелательна и часто свидетельствует о беспомощности автора – например, когда она используется в поэтическом тексте явно лишь для того, чтобы «попасть в ритм».

То обстоятельство, что порядок слов функционально нагружен и не безразличен для смысла предложения, замечено давно, но, к сожалению, доказательства нередко бывают некорректны. Например:

«В половине случаев от перестановки мест слагаемых меняется смысл фразы ("Мальчик кормил рыбок в аквариуме. – В аквариуме мальчик кормил рыбок".)» (см. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/tower/r-07.html>, А.Хромова «Курс молодого переводчика».) Пример остроумный, но неубедительный: «рыбки в аквариуме» – это синтаксическое единство (определяемое плюс определение: Какие рыбки? – Рыбки в аквариуме), и разбивать эту группу таким образом, иллюстрируя безразличие смысла предложения к порядку слов, так же некорректно, как разбивать группу определяемого с определением «твое лицо в его простой оправе» в предложении «В его простой оправе убрал я со стола твоё лицо». Порядок слов в русском языке хоть и относительно свободный, но отрывать определение от определяемого на такую большую дистанцию, рискуя потерять при этом синтаксическую связь или, что еще опаснее, подменить исходную синтаксическую связь иной, как в случае «в аквариуме мальчик», не рекомендуется правилами

русской грамматики. Пример Норы Галь из книги «Слово живое и мертвое», касающийся мнимой свободы порядка слов в русском языке, тоже некорректен. Она сравнивает фразы «Знаю я вас» и «Я вас знаю» и пишет о том, что у этих предложений совершенно разные смыслы [Галь 2001: 216]. Это, несомненно, так, но порядок слов во фразе «Знаю я вас» еще и дополнительно идиоматичен, перед нами явный случай синтаксической идиоматики, когда смысл предложения не исчерпывается суммой его семантических составляющих, их синтаксических ролей в предложении и коммуникативной направленности. Ср. «Я знаю вас» и «Я вас знаю» с одной стороны, и «Знаю я вас» – с другой. Человеку, хорошо владеющему русским, очевидно, что первые два предложения сопоставимы, а третье из ряда сопоставления выпадает, так как в нем вступает в силу дополнительный фактор идиоматики, отсутствующий в первых двух.

Теоретическое обоснование безразличия порядка слов для смысла высказывания предложила так называемая теория актуального членения предложения, заложенная В. Матезиусом (Пражский лингвистический кружок) и интенсивно развивавшаяся в лингвистике примерно с конца шестидесятых – начала семидесятых годов. Вкратце ее можно обрисовать как теоретическое обоснование различия между синтаксическим и коммуникативным (логическим) предикцированием. Было установлено, что синтаксическое сказуемое не обязательно является выражением коммуникативного центра фразы, то есть собственно того содержания, ради которого формулируется то или иное высказывание. Так, фраза «Салат в холодильнике» сообщает, где салат, а фраза «В холодильнике салат» сообщает, что имеется в холодильнике. При этом синтаксическая структура этих предложений идентична. Различна коммуникативная направленность («коммуникативная перспектива»), то есть логическое предикцирование (что именно субъект речи сообщает о чем).

В этой связи приведу развернутый пассаж из статьи Ю. И. Лашкевича и М. Д. Гроздовой «О переводе научно-технического текста»:

«Если удалить половину печени у крысы ... (текст о способности печени к регенерации) – Если удалить у крысы половину печени ... (Первый вариант годился бы в том случае, если бы до этого речь шла об удалении печени у другого животного.) Логическое сказуемое (рема) должно стоять на сильном месте – там, где естественно сделать ударение. Сильное место – это обычно конец фразы (если нет слов – усилителей, таких как *даже*, *именно*, глаголов в отрицательной форме). Наряду с концом фразы притягивать к себе ударение в какой-то мере может и ее начало. Это следует использовать в предложениях, требующих двух независимых акцентов: *У рептилий терморегуляция развита очень слабо, но в процессе эволюции у птиц уже выработалось постоянство температуры тела*. Здесь во втором предложении появляются два новых отдельных элемента, требующих ударения: *у птиц* (в отличие от рептилий) и *выработалось постоянство*. Первый из этих элементов поставлен в неударное положение в середину фразы, и логика связи двух предложений смазывается. Правильный вариант: ... *но у птиц в процессе эволюции уже выработалось постоянство температуры тела*. Именно неправильная расстановка логических ударений придает переводу привкус неестественности, отличает его от оригинального авторского текста. Частое повторение этой ошибки может совершенно нарушить логику изложения». (см. <http://www.practica.ru/Articles/scientific.htm>).

Все было бы хорошо, если бы было так просто. Несомненно, авторы статьи о научно-техническом переводе правы, формулируя рекомендации для письменного оформления научно-технического перевода. Но когда мы имеем дело с передачей на письме устной речи, картина усложняется. Совершенно справедливо утверждение, что конец предложения представляет собой

место, отведенное для сильной акцентной позиции, по крайней мере в русском языке (в немецком это несколько иначе, в английском с его жестким порядком слов тоже имеются свои особенности). Вторую по силе акцентуации позицию мы обнаруживаем в начале предложения, хотя эта позиция, тем не менее, в большинстве случаев недостаточно сильна для роли ремы (логического предиката). Середина предложения в силу определенных фонетических (интонационных) закономерностей представляет собой некоторым образом «акцентный провал», логическое ударение для середины предложения нетипично. Тем не менее случаи, когда логическое ударение приходится не на конец и не на начало предложения, нередки. Воспринимая устную речь, мы не испытываем затруднений при восприятии подобных случаев и не задаемся вопросом об их причинах. При восприятии письменной речи нам каждый раз приходится принимать решения при «распутывании» клубка как синтаксической, так и коммуникативной предикации (поиск темы и ремы). (В рамках настоящей статьи придется обойти молчанием проблему собственно синтаксического анализа предложения и его соотношения с тематическим, хотя тематика актуального членения как таковая и не позволяет проигнорировать эту сторону дела. В объемном исследовании возвращение к этому соотношению и его анализ неизбежны и необходимы).

Интересно, что одна и та же синтаксическая конструкция иногда может восприниматься как инверсия (или как странный, ничем не оправданный порядок слов) или не как инверсия в зависимости от лексических значений составляющих.

Ср. «Соня – девочка семнадцатилетняя, с ней нетрудно справиться» – «Соня – девочка строптивая, с ней не справиться». В первом предложении мы ощущаем порядок слов «девочка семнадцатилетняя» как инверсию, во втором тот же порядок слов при тех же синтаксических составляющих – «девочка строптивая» – воспринимается

как норма.

«В гору мы медленно шли» – инверсия. – «В гору мы медленно ползли на карачках» – нормальный порядок слов. Синтаксис этих предложений одинаковый. Интересно также, что фразы, где мы отмечаем инверсию, осознаются нами как таковые только при условии, если логическое ударение приходится на «девочка» в первом примере и на «медленно» во втором: «Соня – `девочка семнадцатилетняя» и «В гору мы `медленно шли». Прочитанные и озвученные таким образом, фразы осмысленны, но порядок слов в них вызывает ощущение инверсии при устном прочтении и некоторое неудовольствие при восприятии их на письме (поскольку здесь присутствует инверсия, не оправданная изложенными выше причинами стилистического порядка). Если же кто-то попробует озвучить эти предложения как, соответственно, «Соня девочка семнадцати`летняя» и «В гору мы медленно `шли», то мы вообще теряем нить и перестаем понимать, о чем эти предложения. Тут нам уже не до инверсии: фразы попросту теряют всякий смысл (не исключено, возможны какие-то специфические контексты, которые оправдают и объяснят даже такие акцентные структуры, но речь в данной статье идет не о специфических контекстах, а о вероятностных и предсказуемых). Прежде чем переходить к ответу на вопрос, почему это так, рассмотрим еще несколько примеров.

Ср. «Он изредка за`ходит» – нормальный порядок слов, «Он за`ходит изредка» – инверсия. Но если мы слышим предложение «Он заходит `изредка», то в нем инверсия не ощущается, а слово «изредка» имеет другое значение по сравнению с его значением в предыдущем примере: там оно означало «время от времени», здесь, в ударной позиции – «редко».

Ср. «Галерея Васильева – своеобразный музей». Если говорящий считает галерею музеем, то логическое ударение в произносимом им предложении придется на «своеобразный», и слово это означает в данном предложении «необычный, не похожий на

другие», а слово «музей» при отсутствии на нем логического ударения означает принадлежность галереи к некоторой категории явлений, которая носит название «музеи». Если говорящий не считает галерею музеем, а только сравнивает ее с музеями как таковыми, приписывая ей какие-то присущие музеям качества, то логическое ударение он сделает на слове «музей», и это будет оценка, вовсе не означающая, что галерея действительно включена в категорию музеев. «Своеобразный» не несет на себе в этом предложении логического ударения и означает «своего рода, некоторым образом». Порядок слов можно поменять в первом предложении на «Галерея Васильева – музей своеобразный», и этот порядок слов не будет воспринят как инверсия (так же, как в предложении «Соня – девочка стро`птивая»). А вот во втором прочтении, где «своеобразный» означает «своего рода, как бы, вроде», перестановка слов, если и возможна, вызывает (по крайней мере на письме) протест: «Галерея Васильева – му`зей своеобразный». Такой порядок слов с натяжкой простителен разве что в устной речи.

Таким образом, восприятие инверсии зависит от фактора лексической семантики, на что по неясным причинам до сих пор не принято обращать внимание в лингвистических работах по актуальному членению. Инверсия – понятие *относительное*.

Возвращаясь к примеру «В гору мы медленно `шли», вспомним, что логический акцент на последнем слове «шли» категорически невозможен, он вызывает протест. Как реакция на такое прочтение, у реципиента немедленно должен возникнуть в голове вопрос «А что еще можно делать в гору медленно, как не идти?» При этом в предложении «Мы медленно шли в `гору» или «Салат в холо`дильнике» логическое ударение на последнем слове не вызывает аналогичной недоуменной реакции типа «А куда еще можно идти, как не в гору?» и «А где еще может быть салат, как не в холодильнике?» Эти фразы воспринимаются как нормативные. Призванные иллюстри-

ровать коммуникативную перспективу предложения примеры про неизменных Петю и Машу, которыми пестрят работы по актуальному членению: «Петя встретит Машу на вокзале» – «На вокзале Машу встретит Петя» – «Петя встретит на вокзале Машу» – «На вокзале Машу Петя встретит» – на самом деле неравноценны не только по коммуникативной перспективе. Некоторые из них с точки зрения восприятия попросту невозможны. В данной цепочке совершенно немислим пример «На вокзале Машу Петя встретит», если логическое ударение при этом падает на глагол, потому что этот пример немедленно влечет за собой недоумение «встретит – а не что еще?» Пример этот ненормативен с точки зрения русского языка. При ударении на «Петя» в (формально) том же предложении имеем инверсию, оправданную, видимо, устной формой речи, лишь имитируемой на письме. Но интересно, что все примеры, кроме первого (при условии, что во всех них логическое ударение приходится на последнее слово, кроме, как уже было сказано, последнего предложения в этой цепочке) содержат некоторый контраст: Петя – а не кто-то иной (второй пример), Машу, а не кого-то другого – третий пример, опять-таки Петя, а не кто-то другой (если логическое ударение приходится на «Петя») – последний пример (он аналогичен второму, но содержит инверсию). И только первое предложение во всей этой цепочке не порождает у слушателя ни тени представления о каком бы то ни было контрасте. Спрашивается, почему?

Ответ можно сформулировать приблизительно так: последняя позиция в русском предложении (а в немецком при рамочной конструкции это предпоследняя позиция) отведена под *свободный выбор из некоторой качественной парадигмы*. Там, где свобода выбора некоторого качества, свойства (в широком смысле слова) даже не мыслится, как в примерах «в гору `шли» и «Петя `встретит», где гипотетический выбор в представлении воспринимающего отсутствует, перед нами ненормативные

предложения, если логический акцент делается на элементах, которые не могут мыслиться как свойства, *выбираемые из некоторой парадигмы*. Предложение «Соня – девочка семнадцатилетняя» не должно быть прочитано с логическим ударением на последнем слове – не потому, что здесь отсутствует гипотетический выбор из некоторой парадигмы как таковой (Соня могла бы быть и десятилетней, и пятилетней), но потому, что в этой парадигме не заложено качественной характеристики (ну и что, что десятилетняя? что это за качество?) Качественность – обязательный признак парадигмы, из которой производится выбор. Ср. «Соня – девочка симпатичная, строптивая, глупая, веселая» и т. д. – никаких возражений против логического ударения на качественной характеристике не возникает, все эти качества Соню как-то характеризуют. «Семнадцатилетняя» – не характеристика, реально здесь не ощущается выбора, поэтому только логическое ударение на «девочка» в сочетании с инверсией может «спасти» это предложение от зачисления его в категорию некорректных. Если говорящий имел бы в виду то обстоятельство, что семнадцать лет – это немало (для каких-либо действий или поступков самой Сони или по отношению к Соне), то он бы сказал «Соня – девочка взрослая (большая, уже не ребенок, почти совершеннолетняя и т. д.)». Если «семнадцать лет» – это, наоборот, мало для чего-либо, то следовало бы сказать, соответственно «невзрослая, несовершеннолетняя, малолетняя» и т. п. – во всяком случае, оправдать порядок слов путем привлечения некоторой качественно -оценочной семы. То же касается примеров с горой и встречей на вокзале. Если же сказать с акцентным выделением последней позиции «В гору мы медленно ползли на четвереньках» или «На вокзале Машу Петя поте`рял», то эти фразы нареканий не вызывают. Выбор некоторых *не ожидаемых сознанием* вариантов *качественных характеристик* (глаголы в данном случае тоже качественные характеристики исходной

ситуации, задаваемой темой) немедленно снимает для реципиента необходимость задавать вопрос «а что же еще?» или «а как же иначе?» – вопреки тому, что реально в предложениях описываются скорее необычные ситуации, которые как раз таких вопросов, возможно, и требовали бы, но уже совсем на ином уровне («Как же так – потерял?» – реакция на содержательно корректное предложение, адекватная с точки зрения коммуникации).

Когда произносится предложение «Машу встретит на вокзале `Петя», то немедленно возникает ощущение, что Петя – это выбор из некоторой группы людей, каждый из которых потенциально мог встретить Машу. Параллельно с этим пониманием скрытой контрастности, у воспринимающего от этого предложения возникает явное ощущение инверсии. Интересно при этом, что от предложений «Машу встретил на вокзале проливной `дождь» или «Машу встретил на вокзале настоящий духовой ор`кестр» нет у реципиента ни ощущения контраста (дождь, а не что-то другое), ни ощущения инверсии. Поскольку по синтаксическому составу и по порядку слов эти примеры полностью совпадают с предложением «Машу встретит на вокзале `Петя», то остается предположить, что различие в восприятии обусловлено исключительно *лексическими значениями* составляющих данные примеры лексем, а также напрашивается вывод, что восприятие контрастности или инверсии тесно связано с *психолингвистической* тематикой.

Этим рассуждениям, на первый взгляд, противоречит тот факт, что, когда мы слышим «Петя встретит Машу на во`кзале», то ощущение выбора (где еще можно было бы встретить Машу?) не возникает. Предложение представляется корректным, нейтральным и не обращает на себя внимания, несмотря на то, что логическое ударение приходится здесь на слово «вокзале» – казалось бы, а где же еще можно кого-то встретить? Это ли качественная характеристика встречи? Это ли выбор из некоторой парадигмы?

Попробуем разобраться в психолингвистических механизмах, стоящих за разницей в восприятии.

При порождении текстов мы извлекаем из памяти не только слова, и даже чаще не слова, а целые словосочетания: «встречать кого-то на во`кзале», «храниться / находиться в холо`дильнике», «семнадцатилетняя `девушка», «идти в `гору» (в последнем словосочетании имеется в виду не идиома «карьерный рост», а обычная гора). Эти словосочетания, хотя и не являются идиоматическими (все слова в них имеют свое собственное, не зависимое от окружения, лексическое значение), тем не менее воспроизводятся в речи в «готовом» виде, они не составляются по частям в процессе синтагматики. Разумеется, связи эти подвижны, и можно встретить кого-то не на вокзале, а в ресторане или на улице, и идти можно не в гору, а в кино. Но и в случае встречи на улице или похода в кино мы все равно пользуемся словосочетаниями «встретить на `улице» или «идти в ки`но» как предварительно заготовленными в нашей памяти моделями, извлекаемыми целиком. Для наглядности можно провести параллель с детским конструктором, состоящим из мелких деталей. Некоторые из них можно в качестве подготовительного шага – прежде чем переходить к постройке дома, замка или автомобиля – сложить в более крупные блоки для удобства работы с ними, помня, однако, о том, что при необходимости их можно в любой момент разобрать на начальные составляющие. Важно то, что в каждом из этих блоков – словосочетаний имеется некоторый порядок (сначала «встретить», потом «на улице») и акцентный «центр», который при построении фразы сохраняется неизменным. И вот такими «скучными», тривиальными фразами мы в основном и разговариваем: «Полей цветы на подо`коннике», «Разогрей себе обед в микровол`новке», «Я позвоню Вам в понедельник `вечером», «Мне пора ехать на вокзал встречать `Машу», «Мы завтра с утра уходим в `горы» и т. д. Конечная позиция имени «Машу» в

предложении «Мне пора ехать на вокзал встречать `Машу» не указывает на некоторый контраст («Машу, а не Катю и не Свету»), а «Машу встретит на вокзале `Петя» немедленно переориентирует нас в сферу восприятия контраста, потому что порядок слов, при котором грамматическое подлежащее оказывается в конце предложения, должен быть чем-то оправдан. Здесь наличие нарушение тривиальности порядка слов в словосочетании, которое обычно извлекается из памяти в виде модели «кто-то едет куда-то зачем-то». «Петя» в конце предложения – не качественная характеристика и слабо оправданный выбор из некоторой парадигмы, ср. «Машу встретит на вокзале проливной `дождь» – ощущение контраста в восприятии слушателя немедленно испаряется, как капли дождя испаряются в лучах жаркого летнего солнца. Или: «Машу встретили на вокзале оглушительные `вопли», «Машу встретила на вокзале радостная толпа дру`зей». «Петя» в конце предложения с натяжкой «оправдан» только наличием сопоставляемых с ним Васи, Коли, Лени и т. д., то есть чисто количественной парадигмы, из которой и осуществляется выбор.

Обобщая и подводя итоги этим рассуждениям, можно сформулировать следующие положения: 1. порядок слов в русском языке формально свободен. Реально перестановка слов, отклоняющаяся от определенных моделей, например, от модели «какой – кто – что – какому – кому – когда / где – зачем» («Счастливая Маша идет к своему драгоценному Пете в субботу на день рождения») может восприниматься как инверсия, оправданная стилистическими соображениями («... идет к `Пете своему драгоценному ...» – разговорный стиль), или как инверсия, сопряженная с восприятием скрытого контраста: «Счастливая Маша идет к своему драгоценному Пете на день рождения в су`бботу» – в субботу, а не в воскресенье, не в понедельник и т. д. Ощущение контраста возрастает при восприятии предложения «Счастливая Маша подарок Пете на день рождения по-

ку`пает» – такой порядок слов в сочетании с данной акцентной структурой гипотетически может быть оправдан только одной из трех ситуаций, а именно, 1) если реципиент знает, что Маша в какой-то момент передумала покупать Пете на день рождения подарок, а потом все-таки решила его купить; 2) если Маша собиралась изготовить Пете подарок своими руками, но потом передумала и решила его купить; 3) если в мире, где живут Маша и Петя, подарки не только покупают, но и крадут (или берут на прокат). Реально, конечно, это предложение звучит как ненормативное и искусственное. И, наконец, можно представить себе случай инверсии, при которой смысл предложения полностью теряется: «В гору мы медленно `шли». 2. Ощущение инверсии и контраста обусловлено не только и не столько порядком слов, сколько лексическими значениями составляющих предложение слов и словосочетаний. Как только некоторая лексема, формально оказавшаяся «не на своем месте» по сравнению с базовой моделью порядка слов, обнаруживает признаки выбора из воображаемой качественно-оценочной парадигмы, заранее не предсказуемой контекстным окружением, порядок слов и акцентная структура оказываются в представлении реципиента оправданными и не содержащими никаких признаков контрастности: «Счастливая Маша подарок Пете на день рождения выиграла в лоте`рею», «Растяпа Маша подарок Пете на день рождения забыла в трам`вае». Можно утверждать, что последняя позиция в предложении (по крайней мере, в русском языке) отведена или для ремы (или части ремы) как элемента тривиально-нейтрального порядка слов, обусловленного синтаксической устойчивостью и воспроизводимостью извлекаемого из памяти словосочетания, или для семантически оправданного выбора из парадигмы нетривиальных (и непременно оценочных) качественных характеристик («забыла в трамвае» оценочно на фоне речевой ситуации и контекста «подарок, день рождения»). Эти случаи не исчерпывают всех

вариантов «снятия» ощущения инверсии. Так, например, имеется еще случай отрицания, ср. «Ее глаза на `звезды похожи» – «Ее глаза на звезды по`хожи» – «Ее глаза на звезды не по`хожи». Первое предложение воспринимается как предложение с инвертированным порядком слов, вызванным (и оправданным), по-видимому, поэтическим стилем. Порядок слов во втором предложении также инвертирован, но предложение без отрицания при глаголе при таком порядке слов и при такой акцентной структуре воспринимается как некорректное (отвлекаясь от специфического случая, если кто-то утверждает, что «глаза ... не похожи», а говорящий спорит: нет, «похожи», делая ударение именно на этом слове). Сравнимое с двумя первыми предложениями с отрицанием при глаголе не только корректно, но и не обнаруживает субъективного ощущения инверсии. Отрицание обладает мощной способностью к «рематизации» любых элементов предложения, и механизмы этой способности требуют отдельного рассмотрения (не в рамках данной статьи). Перестановку порядка слов по сравнению с тривиальными моделями можно сравнить с закрытым клубом: без проверки в клуб допускаются лишь его

постоянные члены, а к незнакомым лицам предъявляются особые требования – покажите пропуск или поясните, на каком основании вы оказались сегодня в данном заведении. 3. Психологическая подоплека такого подхода к анализу порядка слов, инверсии и контраста совершенно очевидна. Это еще раз доказывает, что лингвистика не может не быть психолингвистикой, хочет она того или нет и сознает ли она это обстоятельство или нет. Бессмысленно подходить к рассмотрению языка как «ученой абстракции» (Л. В. Щерба), вне анализа взаимодействия языковых явлений и сознания порождающих и воспринимающих речь индивидов. Любые обобщения, исключая индивидуальное сознание в его деятельностном аспекте, его взаимодействие с конкретным синтаксисом, конкретной лексикой и интонационными схемами при восприятии и выборе синтаксиса, лексики и акцентных схем при порождении речи заводят лингвистику в схоластические тупики.

Литература:

Галь, Н. Слово живое и мертвое. Изд. 5-е. М., 2001.

Ю.А. Сорокин

ЛИНГВОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Рассмотрение триады «этнос – язык – культура» в их сложной взаимообусловленности и взаимосвязи является весьма актуальным из-за необходимости установления содержательного веса каждого элемента триады и границ той телеологии, которой эта триада подчиняется. Теоретический и прагматический анализ этого триединства позволяет – хотя бы предположительно – судить о механизмах, «управляющих» этносом, языком и культурой, а также о тех приемах, которые могли бы способствовать оптимизации интракультурального (внутри одной лингвокультуральной общности) и интеркультурального (между двумя лингвокультуральными

общностями) общения (см. в связи с этим: [Коул 1997, Фрумкина 1998]).

По-видимому, как работы, ориентированные именно на оптимизацию общения, следует рассматривать коллективные монографии «Национально-культурная специфика речевого поведения» (М., 1977) и «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР» (М., 1982) (см. также: [Национальная культура и общение 1977; Бгажноков 1978, 1982; Неверов 1982; Томахин 1982; Шейман 1981-1982]).

Среди работ теоретического характера бесполезными оказываются также работы С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова

[Арутюнов, Чебоксаров 1972], Ю.В. Бромлей [Бромлей 1981], Л.Н. Гумилева [Гумилев 1973], Н. Джандильдина [Джандильдин 1971], Ю.М. Лотмана [Лотман 1970, 1973], Э.С. Маркаряна [Маркарян 1983], Ю.С. Степанова [Степанов 1971], Вяч. Вс. Иванова [Иванов 1982], Н.И. Толстого [Толстой 1982] и некоторых других ученых (см. также: Гумбольдт 1984, Коул, Скрибнер 1977, Леви-Стросс 1983, 1984, Фрэзер 1983, Этнологические исследования... 1979).

Для исследований, ведущихся в рамках изучения триады «этнос – язык – культура»? весьма показательны, на наш взгляд, две работы, которые свидетельствуют о сложности такого изучения и в герменевтическом, и в «сверхгерменевтическом» плане (см. в связи с этим: [Богин 1982, Бутенко 1984, Гайденок 1977, Горский 1981]). Например, в работе М.И. Стеблина-Каменского «Мир саги. Становление литературы» [Стеблин-Каменский 1984] (см. также: [Стеблин-Каменский 1978]) делается попытка реконструировать (с помощью анализа скальдической поэзии и текстов саг) ту «картину мира», которая была характерна для средневекового исландца (12 – 13 вв.), восстановить исконный смысл тех категорий и ценностей, которые составляли менталитет той эпохи (время и пространство, добро и зло, жизнь и смерть, судьба и человек, «романтические отношения»). Особого внимания заслуживают соображения М.И. Стеблина-Каменского относительно «синкретической правды» («синкретическая правда – это то, что осознавалось как просто правда, т.е. нечто данное, а не созданное» [Стеблин-Каменский 1984: 44]; см. также: [Стеблин-Каменский 1984: 21-30, 60-64]) и «специализации времени»: «... корни веры в судьбу – в каких-то глубинных особенностях психики, всего скорее в представлении о прочности времени, в том, что можно назвать «специализацией времени» или «пространственной метафорой времени», т.е. представлении, что близкое и удаленное во времени, т.е. настоящее и будущее, одинаково прочны и реальны, как одинаково прочны и реальны

близкое и удаленное в пространстве» [Стеблин-Каменский 1984: 115].

Следует учитывать, что выделение этих двух планов сугубо условно: реконструкция изначального «горизонта» текста и сопоставление с современным его толкованием всегда ориентированы на решение сверхзадачи, а именно на описание некоей «картины мира», на которую «намекает» и текст. Например, в книге Г.В. Сумарукова [Сумаруков 1983] представлен зоологический (фаунистический) аспект интерпретации «горизонта» текста, позволяющий, по мнению автора, внести существенные поправки в культурно-историческое и художественное понимание «Слова о полку Игореве» (реорганизовать взаимосвязь слов этого текста). В свою очередь, А.Я. Гуревичем были проанализированы такие категории средневековой (европейской) культуры, как время и пространство, право, богатство, труд и собственность, что позволило выявить противопоставленность их современному пониманию: «В средневековой “модели мира” нет этически нейтральных сил и вещей: все они соотносены с космическим конфликтом добра и зла и вовлечены во всемирную историю спасения. Поэтому время и пространство имеют сакральный характер; неотъемлемый признак права – его моральная добротность; труд мыслится либо как наказание за первородный грех, либо как средство спасения души; не менее ясно связано с нравственностью и обладание богатством – оно может таить погибель, но может стать источником добрых дел. Нравственная сущность мировосприятия и есть проявление их единства и внутреннего родства. То, что человеку средневековья представлялось единым, находящим завершение в божестве, и на самом деле обладало единством – ибо образовывало нравственный мир людей той эпохи» [Гуревич 1984: 296-297].

Показательно также, что такие фундаментальные категории культуры, как категория времени и пространства рассматриваются в ориенталистике (китаеведении) – в рамках обсуждения тех принципов и пра-

вил вербального и невербального поведения, которые считались допустимыми / недопустимыми в китайской традиционной трехэлементной модели мира, - причем анализ этих категорий позволяет исследователям-китаеведам приходиться к не менее интересным, хотя и несколько иным выводам. По мнению Ю.Л. Кроля, «и конфуцианцы, и их оппоненты (легисты – Ю.С.) употребляют слово *ши* в одних и тех же архаических значениях конкретных, разнонаполненных отрезков времени, благоприятных или неблагоприятных для того или иного вида деятельности. И те, и другие разделяют архаическую концепцию дискретного времени, с которым необходимо соотносываться, и расходятся на уровне того, с какими временными отрезками и в какой мере следует соотносываться, неравноценные это разнородные отрезки или нет. У тех и других есть циклические временные представления, хотя у конфуцианцев мы иных представителей просто не видим, взгляды же легистов на историю носят как будто линейный характер» [Кроль 1984: 121]. «Как мы попытались показать, конфуцианцы связали это представление (представление о «социальном вырождении» - Ю.С.) с концепцией обратимого времени, включили его в цикл «космос – хаос - космос». Легисты же ... сохранили концепцию «социального вырождения» в качестве самостоятельного линейного представления, в то же время сочетая ее с циклическими взглядами» [Кроль 1984: 122] (ср. утверждение Г.Б. Дагданова о том, что, по мнению чаньских теоретиков, «... существует лишь вечно продолжающееся настоящее...» [Дагданов 1983: 98]).

Как считает О.Л. Фишман, «вертикальная трехчленность традиционной модели мира ... действительно и для традиционных пространственных представлений китайцев, по которым вселенная делится на три мира: верхний, средний и нижний. Актуальной для пространственной модели мира является универсальная семиотическая оппозиция «свой - чужой» («наш -

иной» мир)» [Фишман 1984: 217].

Если попытаться сформулировать различия, которые существуют между этими «специализациями времени и пространства», то, по-видимому, их можно свести к следующим: 1) древнеисландская временная и пространственная «картина мира» есть некоторая извечная и неуправляемая данность, к которой неприменимы человеческие оценки; эта данность внеаксиологична; 2) европейская средневековая (временная и пространственная) картина мира есть также извечная и неуправляемая данность, к которой вполне применимы человеческие оценки; эта данность в принципе аксиологична ибо «сотворена» по «определенному Плану»; 3) древнекитайская временная и пространственная «картина мира» есть извечная, но управляемая данность (во всяком случае для конфуцианцев), которая в силу этого может и должна «оцениваться», хотя она «сотворена» внечеловеческими миропорождающими силами «инь» и «ян»; 4) контекст рассуждений М.И. Стеблина-Каменского [Стеблин-Каменский 1984: 10-119] и А.Я. Гуревича [Гуревич 1984: 43-166] позволяет также считать, что «пространственная метафора времени» имела различный по степени своей обратимости и экстраполируемости характер: слабой (нулевой) степенью обратимости и экстраполируемости времени характеризовалась древнеисландская «картина мира»; средней – европейская средневековая «картина мира» (древние греки кажутся людьми, которые «пятятся к будущему», движутся навстречу ему «спиной вперед» [Гуревич 1984: 49]; ср. это положение в наблюдением Д.С. Лихачева, что «прошлое» для древнерусской «картины мира» находится впереди, является «передним» временем); сильной – древнекитайская «картина мира».

Справедливость и ценность этих выводов может быть подтверждена или не подтверждена в зависимости от дальнейшего изучения этих и других фундаментальных категорий культуры (европейских и неевропейских регионов) в диахроническом и

синхроническом аспектах. Например, делаются попытки описать китайский средневековый этнос через такие его показатели, как жилище, пища, одежда, средства передвижения, игры, религия, обряды жизненного цикла, календарные праздники, этнические стереотипы и этническое самосознание [Крюков, Малявин, Софронов 1984; см. также: Стужина 1979] или представить литературный процесс в качестве некоторых состояний менталитета, обусловливающего конфигурацию литературных (литературоведческих) категорий и их толкование [Арабская средневековая... 1978, Лисевич 1979, Гольгина 1983, Дагданов 1984, Фишман 1980]; появляется также возможность судить о взаимосвязи и взаимозависимости тематического и рематического в текстах художественной литературы [Боронина 1978, 1981, Ермакова 1982, Долин 1984], об онтологии и телеологии конфуцианства и даосизма [Конфуцианство в Китае ... 1982, Дао и даосизм ... 1982], а также о способах реализации механизмов традициологии во вторичных знаковых системах [Проблема человека ... 1983, Человек и мир ... 1985].

Сопоставление исследований, посвященных рассмотрению тех или иных феноменов культуры, может, по-видимому, способствовать выяснению «веса» универсального и специфического, которым характеризуются эти феномены. Если, например, сравнить людей «ветра и потока», «... не сковывающих себя в проявлении собственной индивидуальности, не подчиняющихся общепринятым меркам, а словно творящих свою жизнь по законам искусства» [Бежин 1982: 9], и юродивых [Панченко 1984: 72-152], жизнь которых – «... это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного, точнее говоря, перестановка этого идеала с ног на голову и возведение безобразного в степень эстетически положительного» [Панченко 1984: 80], то различие между этими двумя группами людей с «отклоняющимся поведением» состоит, очевидно, не столько в том, что юродивые сознатель-

но и целенаправленно использовали «сло-веса мутна» (люди «ветра и потока» были, видимо, более регламентированы в словах и жестах) и язык жестов, а также подчеркнуто «театрализовали» свое поведение, но в том, что юродивые реализовывали в своем поведении идеи спасения – себя и других – в противоположность людям «ветра и потока», которые реализовывали лишь идею своего спасения, вернее, некую «трансцендентальную идею личного поведения как самодостаточного и герметического»¹.

Не следует полагать, что лишь рассмотренные диахронические исследования относятся к числу тех, которые позволяют строить предположения относительно универсального и специфического «веса» феноменов культуры. Немаловажное значение имеют и синхронические работы, в которых делаются попытки описать национально-культуральную специфику речевого и неречевого поведения носителей тех или иных языков (культурологическую и языковую / речевую специфику, характерную для тех или иных лингвокультуральных общностей).

С достаточной полнотой большинство этих факторов описано в монографии Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 1983, см. также: Бгажноков 1991] в разделах «Аспекты традиционной благожелательности», «Организация пространства и этикет», «Коммуникативные аспекты питания (пищевой символизм)», «Традиционная культура поведения и современный быт адыгов», «Этнография общения: предмет, проблемы, опыт», а также в книге В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова «Японцы» [Пронников, Ладанов 1983], см. также: [Дунаев 1983], в которой представлены те формы речевого и неречевого поведения носителей японского языка, которые позволяют «видеть»

¹ Замечания Е.А. Торчинова [Торчинов 1983] и В.В. Малявина [Малявин 1983], упрекавших Л.Е. Бежина в нечеткости определения понятия «ветер и поток», вряд ли могут быть, в свою очередь, признаны четкими; быть такими им мешает ориентация рецензентов на имманентный анализ данного понятия, а не сопоставление его с чем-нибудь «аналогичным».

различия и совпадения в обыденном сознании и поведении представителей японской и некоторой другой (в частности, русской) лингвокультуральной общности, что в принципе позволяет наметить путь оптимизации процессов между ними (между русской и адыгской, русской и японской лингвокультуральными общностями) и уточнить «алгоритм действия» адаптивно-адаптирующего [Маркарян 1983] механизма культуры¹. В свою очередь, оказывается немаловажным, как это показано А.И. Раздорским [Раздорский 1981], и анализ форм контактоустановительных элементов в японской устной диалогической речи, а также видов повторов и эллиптических конструкций, позволяющих японской речи существовать в особой специфической «упаковке», и тех кинесических средств (эмоциональные, указательные, изобразительные и символические жесты), которые также «позволяют» японскому невербальному поведению существовать в качестве специфической данности. Ср.: «... выпячивание губ воспринимается у японцев как выражение досады, неудовлетворенности, разочарования, в то время как, например, у русских это свидетельствует скорее о раздумье, беспокойстве, напряженности. < ... > Трудно воспринимается иностранцами такой традиционный жест, как скрещивание указательных пальцев... У японцев такой жест восходит к эпохе самураев и обозначает скрещивание мечей, символизирующих начало поединка. Современные японцы используют этот жест в основном для обозначения ссоры, драки. < ... > Среди символических жестов немало таких, употребление которых считается невежливым и допускается только в фамильярном общении. Например, жест, обозначающий старших и младших. Вытянув вверх боль-

шой палец, ... японец подразумевает старшего по отношению к себе – начальника, родителя и т.д., вытянутый мизинец обозначает жену, младшего по возрасту или низшего по положению. Употребление этих жестов в присутствии лица, на которое указывают, считается оскорбительным» [Раздорский 1981: 112, 122, 136].

Не менее интересна в этнопсихологическом отношении и та часть работы А.И. Раздорского, в которой рассматриваются мужской и женский варианты речи, а также использование личных местоимений, терминов родства и обращений в семейной и деловой сферах. Ср.: «... в сфере служебных отношений служащие обращаются к начальнику, используя лексические средства, указывающие на его служебное положение – служащие фирм обращаются к начальнику, называя его должность, в школе ученики обращаются к учителю «сэнсэй», учитель к директору школы «кōтё-сэнсэй», в армии к старшим по званию обращаются с указанием должности и звания, в семье к старшим родственникам обращаются только с помощью терминов родства, обозначающих их семейное положение по отношению к говорящему» [Раздорский 1981: 182].

Если выше указанные исследования относятся к числу тех, в которых предпринимаются попытки комплексного описания триады «этнос – язык – культура», то диссертация В.А. Рыжкова относится к числу исследований, ориентированных на изучение такой частной проблемы, как национально-культуральное содержание интернациональных стереотипов [Рыжков 1983] или, иными словами, на изучение общего и частного в значениях / смыслах элементов этой лексической группы. Показателен, например, такой вывод В.А. Рыжкова: «... для шведов значение слова «invandrare» (иностранец, эмигрант), несмотря на отсутствие прямой оценки в значении, нередко реализуется в личностном смысле – «грязноватый, с сомнительными доходами; держаться от него подальше». Это же слово в качестве сложного слова «invandrar-» ассоциативно вызывает в сознании многих

¹ Как досадный пробел следует рассматривать отсутствие в книге В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова материалов относительно японской кинесики и проксемики. Повидимому, эти паралингвистические феномены все еще остаются на периферии интересов востоковедов-исследователей, о чем, в частности, свидетельствует и книга Ю.В. Ионовной «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее...» [Ионова 1982].

скандинавов в первую очередь такие слова, как «invandrarbråk» (ссора, драка среди иностранцев), «invandrarproblem» (проблемы иностранцев – чаще с коннотацией «неприятности с ними») и т.д. [Рыжков 1983: 8]. К числу работ такого же частного и экспериментального характера относятся также работы В.А. Доборовича (рассматриваются культурно-исторические компоненты лексики гражданской и военной администрации Великобритании) [Доборович 1984] и Л.И. Кочегаровой (рассматривается в лингвострановедческом аспекте лексика школьного дела в Англии) [Кочегарова 1984] (см. также наблюдения Н.Н. Михайлова относительно коннотативно-аксиологических различий между такими единицами, как школа, выпускник школы, изучать (заниматься) и school, school-leaver, to study) [Михайлов 1983].

В свою очередь, в работе А.И. Мамонтова [Мамонтов 1984] были установлены культурологические (коннотативно-аксиологические) различия в оценке русскими и вьетнамскими Ии. 262 русских слов; в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина – различия в наименовании лиц по профессии в немецком и русском языках: «... в значении слова инженер в немецком языке выявлено 12 сем с индексом яркости более 0, 20, а в русском таких сем всего 3, причем совпадает в обоих языках лишь одна сема – «чертит»; в значении слова врач выявлено 13 сем в немецком языке и 7 – в русском, а совпадают лишь две – «в белом халате» и «лечит людей». В значении слова студент немецкие информанты выделяют признаки «в куртке», «в джинсах», «любопытный», отсутствующие в ответах русских информантов и т.д. < ... > ... в словах морьяк, артист, доярка, врач в немецком языке обнаруживается гораздо большее число периферийных сем, чем в русском языке; при этом семы в немецком языке более конкретны, особенно в графе «характер». < ... > ... наибольшее совпадение семантических компонентов в русском и немецком языках отмечается в значениях слов спортсмен, профессор, солдат,

летчик. У этих слов наблюдается наибольшее количество совпадающих сем, и эти семы ближе друг к другу по яркости. Наибольшей национально-культурной спецификой обладают значения слов начальник, продавец, официант» [Попова, Стернин 1984: 74-75; о денотативном, коннотативном и эмпирическом компонентах значения см. также: Стернин 1979]. Есть основания считать, что именно культурологическая (коннотативно-аксиологическая, семная) структура слова и текста предопределяет степень понимания или непонимания их в том случае, когда эта структура построена по иной, чем в родном языке, технологии: свидетельством этому служат наблюдения А.С. Мамонтова о неадекватном понимании студентами - вьетнамцами рассказа Ю. Нагибина «Старая черепаха», рассказа В. Шукшина «Чудик» стажерами-русистами из США и его же рассказа «Микроскоп» стажерами-русистами из ФРГ (для них эти рассказы были если и не семантически пустыми, то, во всяком случае, немотивированными с точки зрения имеющихся в них конфликтных ситуаций) (см. Мамонтов 1984а)¹.

По-видимому, графемные признаки текста также могут выступать в качестве при-

¹ См. также статьи Т.В. Шмелевой [Шмелева 1984], И.С. Стернина и Б. Харитоновой [Стернин, Харитонова 1984], Г.Н. Плотниковой и Г. Томтогтох [Плотникова, Томтогтох 1984], Г.Н. Макаровой [Макарова 1984], в которых рассматриваются проблемы коннотативно-аксиологической специфики языка / речи. В частности, в статье Г.Н. Макаровой анализируется общее и специфичное в такого рода единицах (театр, поликлиника, доктор, дом отдыха), которые, на первый взгляд, являются эквивалентными. Сопоставительный анализ этих единиц позволяет, как показывает автор статьи, говорить об их принципиальной нетождественности как коннотем (культурем), принадлежащих различным лингвокультуральным общностям (английской и русской). В свою очередь, Т.В. Шмелевой выявлена идентичность или неидентичность мира сравнений, которыми пользуется носитель русского или английского языков; автором статьи сопоставлялись следующие русские и английские сравнительные устойчивые обороты: 1) сравнения, обозначающие физические характеристики человека, 2) сравнения, отражающие физические характеристики предметов, 3) сравнения, отражающие черты характера людей, 4) сравнения, характеризующие состояние духа и настроение людей, 5) сравнения, обозначающие цвета, оттенки, интенсивность цвета, 7) сравнения, выражающие отношения между предметами.

знаков, свидетельствующих о специфических способах существования языковой / речевой семантики: см., например, описание способов аббревиатурного «бытия» в русском и японском языках [Пыриков 1984] или «характерологии» американских «графонов» [Кухаренко 1983].

Есть основания надеяться на то, что диагностирующими с точки зрения их национально-культуральной специфики окажутся и параграфемные признаки текста (см. в связи с этим: Ключанов 1983].

По данным М.Х. Манликовой, русская этнокультурная лексика также неадекватно понимается школьниками-киргизами (8 класс): «... возле слова кивер более 98% учащихся-киргизов поставили прочерк; лишь несколько человек попытались дать объяснение, причем исключительно обобщенное, родовым понятием «головной убор» < ... > Со словом кушак совершенно незнакомы 93% школьников-киргизов, а часть попытавшихся дать ответы понимает его ошибочно («шапка, закрывающая уши», «что-то вроде коврика» и т.д. < ... > ...дворня для 48% опрошенных данных групп – это «бай аял» («богатая женщина или жена дворянина», иначе говоря - дворянка); 52% вообще не объяснили это слово. А дворового очень многие учащиеся-киргизы смешивают с дворником: дворовый – это якобы «человек, убирающий двор», «он подметает улицу и двор», «открывает и закрывает ворота дома» (81%). И лишь 13% знают, что это – «слуга», «человек работающий на помещика». < ... > 72% учащихся-киргизов семантизировали его (слово изба – Ю.С.) с помощью неточного родового лексикографического эквивалента ... < ... > три четверти киргизских учащихся... не отметили, что изба – это не просто жилище, а традиционное бревенчатое жилище русского крестьянина. < ... > Сходные ответы получены и по словам горница и светлица. 83% учащихся-киргизов совсем не смогли объяснить эти слова; 17% опрошенных пояснили оба слова одним и тем же нейтрально-родовым понятием «комната». Многие спутали

светлицу с теплицей. < ... > ... 90% опрошенных учащихся-киргизов не смогли объяснить слово лучина или отождествляли ее со свечой, масляной коптилкой («май-чырак»), со «светом фонаря» либо с керосиновой лампой» [Манликова 1983: 25-27] (см. об этом также: [Шейман 1982: 178-204]).

Результаты опроса школьников-киргизов, сопоставляемые М.Х. Манликовой с результатами опроса школьников-русских, позволяют сделать два вывода: 1) для школьников-киргизов русское слово выступает, прежде всего, в качестве указателя на родовое понятие (максимально обобщенное, безконнотативное, нейтральное в аксиологическом отношении), 2) такое понимание этого слова возникает не только из-за ориентации на словарные соответствия, не сопровождающиеся, как правило, описанием культурного фона и фонда, к которому «приписано» это слово, характерного для русской лингвокультурной общности, но и из-за незнания Ии.-киргизами мира «мысли и дела», осваиваемого русскими школьниками и вербально, и предметно.

По-видимому, аналогичное положение может наблюдаться и при восприятии представителем некоторой лингвокультуральной общности чужих паремиологических средств. Сопоставление Р.А. Юсуповым лексико-фразеологических средств русского и татарского языков позволило выявить универсальные и специфические закономерности в строении сравнений, эпитетов и метафор этих двух языков: «Слова *пиявка* и *сөлек* с одним и тем же прямым значением имеют разные переносные употребления: *пиявка* в русском языке метафорически обозначает человека, ведущего паразитический образ жизни, татарское же *сөлек* прилагается к стройному, здоровому человеку. < ... > Овечка (овца) в русском языке имеет переносное значение кроткой женщины (невинной девушки), *сарык* же в татарском употребляется в метафорическом значении кроткого человека, слепого подражателя. < ... > ... в рус-

ском языке принято очень худого, тонкого человека уподоблять спичке, в татарском же языке такое значение имеет слово *чыра* “лучина”. < ... > Плохая память в русском языке уподобляется дырявому карману, ... в татарском – дырявому решету... < ... > Например, для русского языка считается естественным уподоблять красное лицо моркови, а в татарском же языке лицо принято сравнивать не с морковью, а со свеклой. < ... > Своеобразными в татарском языке являются, например, такие как кулларыын нан гөл тамас ‘с его (ее) руки сыплются цветы’ в значении ‘золотые руки’; нур ага ‘течет луч’ в значении ‘наступает светлая жизнь’; йорэк өши ‘сердце замерзает’, жан өши ‘душа замерзает’ в значении ‘сильно устать от чего-нибудь’, ‘что-то очень надоело’; мангай тирлэреңнэн нурлы гөллэр өзделэр ‘срывали лучистые цветы с пота на твоём лбу’ в значении ‘пользовались плодами чужого труда’... < ... > Название белого цвета *ак* в татарском языке выступает эпитетом с основным переносным значением «что-либо положительное, лучшее, светлое»: ак юл (букв: белая дорога) – светлый путь, ак бэхет (букв.: белое счастье). Русский язык эпитетом в таком значении, основанном на соответствующем слове *белый*, не располагает» [Юсупов 1980: 191, 196, 211, 216, 221-222, 231] (см. в связи с этим: [Пермяков 1970, Прядохин 1977]).

Следует отметить, что восприятие единиц такого типа не может не быть затрудненным для не-носителя языка именно в силу сложности их языкового / речевого строения (технологии) и в силу особого структурирования коннотативно-аксиологического субстрата, лежащего в их основе. По данным экспериментального исследования В.М. Савицкого [Савицкий 1982], понимание фразеологизмов с лексическими символами и фразеологизмов с фразовыми символами зависит и от семантических опорных элементов, на которые ориентируется воспринимающий, и от связей, устанавливаемых им между опорными и не-

опорными элементами, а также от того, для каких ассоциатов-оценок эти элементы являются стимулами.

Все случаи различий, наблюдаемых при сопоставлении вербального и невербального поведения носителей тех или иных языков (или при сопоставлении текстов, принадлежащих различным лингвокультуральным общностям) целесообразно, по-видимому, интерпретировать как лакуны, считая признаками их «... непонятность, непривычность (экзотичность), незнакомость (чуждость), неточность (ошибочность)» и полагая также, что «признаки лакун и не-лакун могут быть представлены в виде следующих оппозиций: непонятно-понятно, непривычно-привычно, незнакомо-знакомо, неточно / ошибочно - верно» [Сорокин, Марковина 1983: 87]. Классификационная сетка лакун [Сорокин 1977, Марковина 1983; Сорокин, Марковина 1983] может быть представлена следующим образом: лингвистические лакуны – (языковые, речевые, лексические, грамматические, абсолютные и относительные, частичные, полные, компенсированные); культурологические лакуны – субъективные (силлогистические, карнавальные, характерологические и культурно-эмотивные), деятельностно-коммуникативные (ментальные, поведенческие, этикета общения, «рутинные», кинесические), культурного пространства (перцептивные, этнографические) и культурного фонда (мнемические и «вертикального» контекста, синхронические, диахронические, культурно-символические).

Эта классификационная сетка полезна в следующем отношении: во-первых, она позволяет группировать факты различий и совпадений в вербальном и невербальном поведении представителей тех или иных лингвокультуральных общностей, во-вторых, давать им качественную и количественную интерпретацию, в-третьих, судить о том, какие культурально-языковые / речевые фрагменты и их социально-психологические корреляты сохраняют свою инобытность после переноса в иную

лингвокультуральную общность (являясь, по-видимому, базовыми субэлементами культуры) и, в четвертых, рассуждать о методах трансляции ценностей из одной лингвокультуральной общности в другую и о степени эффективности этих методов.

Можно предположить, что классификационная сетка лакун окажется полезной и для описания информационного тезауруса носителя языка, а именно для описания «... хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, включая эмоциональные впечатления и накладываемую на имеющиеся знания выработанную в социуме систему норм и оценок...» [Залевская 1982: 46] или, в крайнем случае, для описания культурологического взаимодействия носителей двух сопоставляемых языков, а также тех текстов (знаковых продуктов), в которых оказывается «опредмеченным» это взаимодействие. Если методика семантического взаимодействия Ч. Осгуда ориентирована на «... обнаружение некоторых семантических составляющих, играющих роль универсальных ориентиров, «измерителей», координат пространства значений» [Залевская 1983: 103], то методика культурологического (культурального) взаимодействия, по-видимому, должна быть ориентирована на выявление тех *коннотативно-аксиологических* составляющих, которые могут играть роль *частных (специфических)* ориентиров в пространстве представлений / смыслов индивида¹.

К числу работ, ориентированных на изучение процесса культурологического (культурального) взаимодействия, относятся, например, работы П.С. Илиевой, Н.В. Дмитриук и А.П. Василевича. В первой из них описывается та ассоциативная реальность (образы, представления, смыслы) русского и болгарского поэтических текстов (стихотворения Е. Багряны в переводе А.Ахматовой), которая возникает у Ии.,

если им предъявляются в качестве стимулов текстовые ключевые слова, «дополняемые» некоторым вербальным рядом (свободный ассоциативный эксперимент). Установив, что «... парадигматических ассоциаций у испытуемых-русских приблизительно на 66% больше, чем у испытуемых-болгар» и считая, что «... парадигматические ассоциации сигнализируют об эмоциональной, или чувственной, характеристике слова» [Илиева 1983: 24-25], П.С. Илиева приходит к выводу о различных ассоциативных формах существования этих поэтических текстов: у болгарских Ии. оно рационально, у русских Ии. оно эмотивно².

Анализ ассоциативных полей коррелирующих стимулов, а именно группы зооморфизмов, слов-цветообозначений и слов, обозначающих чувства и волеизъявления (в эксперименте участвовало 1000 ии.-казахов и 500 ии.-русских) показал, что наблюдаются существенные различия культурологического (культурального) порядка в способах представления мира у носителей казахского и русского языков: «реагируя коррелирующими ассоциациями, носителя разных языков вкладывают в них разное смысловое содержание, связывают их с различными представлениями (чувственно-конкретными образами)» [Дмитриук 1985: 156]. «Лев для казаха и русского является сильным, могучим, царственным животным («царь зверей»). Русские относятся к нему с симпатией, а казахи – опасливо и настороженно. Паук у русских вызывает чувство брезгливости, у казахов – аналогичные чувства, но вместе с тем – чувство уважения к нему как к искусному и полезному животному³. < ... > Сопоставление

¹ Большую часть статей в сборнике «Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов» и следует, по-видимому, рассматривать как ориентированные на изучение этого взаимодействия [Психологически и лингвистические... 1984].

² Можно, по-видимому, предположить, что мы имеем дело и с разными видами смыслового восприятия текста (во всяком случае, художественного): рациональное у болгар-ии. и эмоциональное у русских-ии., обусловленного принадлежностью языков к разным типам (аналитический и синтетический). Возможно и влияние некоторых других (культурологических / культуральных) факторов, которые еще предстоит выявить.

³ О различных этнокультурных (этнокультуральных) коннотациях в отношении *собаки* см., например, [Жельвис 1984].

синтагматических реакций на стимулы ЧЕРНЫЙ / ҚАРА активно используется в переносном значении – ‘что-либо отрицательное’...» < ... > «При сопоставлении глагольных ответов-ассоциаций в анализируемых ассоциативных полях обнаруживается малочисленность и нетипичность таких реакций для структуры русского АП: ассоциации *надеяться, догонять, стоять, томиться, любить, сидеть, хотеть* составляют лишь 5% от общего числа ассоциативных ответов русских испытуемых» [Дмитрюк 1985: 109, 124, 151].

Полученные Н.В. Дмитрюк материалы относительно «цветовой» тактики ассоциирования у русских и казахских Ии., по-видимому, могут быть поставлены в связь с данными, полученными (экспериментальным путем) А.П. Василевичем [Аллмере, Василевич 1982; Василевич 1982, 1983], согласно которым у носителей тех или иных языков существует свой порядок предпочтения и использования «цветовых смыслов»: «... ЕП (европейский порядок «цветовых смыслов» - Ю.С.) отличается от всех других языков; бамана стоит особняком, не выказывая сколько-нибудь существенной связи ни с одним из языков; что же касается таджикского и амхарского, то, тесно коррелируя между собой, они образуют группу, которая имеет одинаково слабую связь и с ЕП (русский, болгарский, эстонский – Ю.С.), и с бамана. Чем же отличается ЕП от последовательностей рангов цветов, обслуживающих другие культуры? Значимость красного цвета... является, в общем, универсальной (исключение составляет таджикский язык, где ‘красный’ уступает по значимости ‘синему’). Таким образом, основное различие... сводится к разной степени значимости белого и черного цветов: в трех неевропейских языках им отводится заведомо последнее место...» [Василевич 1982: 73].

Какие же выводы можно сделать из рассмотрения выше изложенных данных, полученных и экспериментальным, и неэкспериментальным путем? Во-первых, вывод о том, что *культура* является многослой-

ным и сложно организованным феноменом, изучение которого наиболее продуктивно, если оно *контрастивно* (см., например: Эджертон 1983); во-вторых, о том, что изучение культуры (и интуитивными герменевтическими методами, методами вживания в тексты, и негерменевтическими – «формальными», экспериментальными) позволяет перейти от рассуждений о ней как об адаптивно-адаптирующем механизме к *демонстрации* составляющих этого адаптивно-адаптирующего механизма; в-третьих, о том, что каждая культура есть определенная конфигурация вербального и невербального поведения. Из третьего общего вывода следует, в свою очередь, ряд частных: а) каждая культура по отношению к другой характеризуется определенной степенью прозрачности / непрозрачности, избыточности, частичной избыточности / неизбыточности, б) трансляция аксиологем из одной лингвокультуральной общности в другую зависит от «расстояния» между культурами, от «расстояния» между миром менталитета и дела, специфическими для каждой лингвокультуральной общности, в) фиксация различий между культурами (различий в вербальном и невербальном поведении) есть фиксация базовых конструктивных (структурных) элементов каждой из них. Выявление и анализ этих элементов необходимы и для изучения культуры как фрагмента социальной памяти (см. по этому поводу: Колеватов 1984), и для изучения культуры как *Bildung*'а (процесса самосознания; см.: Кильен 1983), и для оптимизации интраэтнического и интерэтнического процессов общения.

Литература:

Аллмере Г.А., Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению двуязычных лексических соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1983.

Арабская средневековая культура и литература. М., 1973.

Артунов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических

групп // Расы и народы, 2. М., 1972.

Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии об- щения адыгов. Нальчик, 1983.

Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991.

Бежин Л.Е. Под знаком «ветра и пото- ка». Образ жизни художника в Китае 3-6- вв. М., 1982.

Богин Г.И. Филологическая герменевти- ка. Калинин, 1981.

Боронина И.А. Классический японский роман. М., 1981.

Боронина И.А. Поэтика классического японского стиха. М., 1973.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Бутенко И.А. «Практическая герменев- тика» социологов-феноменологов // ВФ, 1984, №7.

Василевич А.П. «Психологическая зна- чимость» слов-цветообозначений в разных языках // Экспериментальные исследова- ния в психолингвистике. М., 1982.

Василевич А.П. Психолингвистический подход к установлению лексических соот- ветствий (на материале болгарских, рус- ских и английских цветоименований) // Сопоставительное языкознание, 1982, №5.

Гайденко П. Герменевтика и кризис буржуазно-исторической традиции // ВЛ, 1977, №5.

Гольгина К.И. Китайская проза на поро- ге средневековья (мифологический рассказ III – VI вв. Проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

Горский В.С. Историко-философское ис- толкование текста. Киев, 1981.

Гумбольдт В. фон. Труды по языкозна- нию. М., 1984.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. АДД, Л. 1973.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Дагданов Г.Б. Чань-буддизм в творчест- ве Ван Вэя. Новосибирск, 1984.

Дао и даосизм в Китае. М., 1982.

Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.

Дмитрюк Н.В. Национально-культурная

специфика вербальных ассоциаций. Дисс... канд.филол. наук. М., 1985.

Доборович В.А. Системный характер культурно-исторических компонентов лек- сического значения (на материале лексики гражданской и военной администрации Великобритании). АКД, 1984.

Долин А.А. Очерки современной япон- ской поэзии (гэндайси). М., 1984.

Дунаев В. Японцы «на рубежах». М., 1983.

Ермакова Л.М. Ямато-моногатори как литературный памятник // Ямато- моногатори. М., 1982.

Жельвис В.И. Человек и собака (воспри- ятие собаки в разных этнокультурных тра- дициях) // СЭ, №3, 1984.

Залевская А.А. Проблемы психолингви- стики. Калинин 1983.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.

Ильева А.С. Психолингвистические осо- бенности восприятия и оценки художест- венного текста. АКД., М., 1983.

Ионова Ю.В. Обряды и обычаи и их со- циальные функции в Корее. Середина 19 – начало 20 в. М., 1982.

Кильен Ж. Культура (Bildung) и разум у В. фон Гумбольдта // Разум и культура. Труды международного франко-советского симпозиума. М., 1983.

Клюканов И.Э. Структура и функциони- рование пераграфемных элементов в тек- сте. Дисс... канд.филол. наук. Калинин, 1983.

Колеватов В.А. Социальная память и познание. М., 1984.

Конфуцианство в Китае. Проблемы тео- рии и практики. М., 1982.

Коул М. Культурно-историческая психо- логия. Наука будущего. М., 1998.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мыш- ление. М., 1977.

Кочегарова Л.И. Лингвострановедческое описание лексики школьного дела в Анг- лии. АКД, М., 1984.

Кроль Ю.Л. Проблема времени в кита- йской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня // Из истории тради-

ционной китайской идеологии. М., 1984.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (7-13 вв.). М., 1984.

Кухаренко В.А. Лексика американской рекламы в новой орфографии // Лингвострановедческое описание лексики английского языка. Сб. научных трудов. М., 1983.

Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Лингвострановедческое описание лексики английского языка. Сб. науч. трудов. М., 1983.

Лисевич И.С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1978.

Макарова Г.Н. О некоторых причинах денотативно-коннотативной интерференции в условиях русско-английского общения // Психолингвистические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1984.

Малявин В.В. Рецензия на книгу Л.К. Бежина «Под знаком “ветра и потока”» // Народы Азии и Африки, 1983, №4.

Мамонтов А.С. Номинативные единицы (слова) с фоновой окрашенностью и их роль в восприятии художественного текста в условиях межкультурного общения // Семантика текста и проблемы перевода (сборник статей). М., 1984а.

Мамонтов А.С. Проблемы восприятия и понимания текста (психолингвистический анализ семантики номинативных единиц текста). АКД, М., 1984.

Манликова Х.Т. А что за словом? (о восприятии некоторых групп этнокультуроведческой лексики школьниками-киргизами) // Русский язык и литература в киргизской школе, 1983, №4.

Марковина И.Ю. Влияние лингвистиче-

ских и экстралингвистических факторов на понимание текста. Дисс... канд. филол. наук. М., 1982.

Михайлов Н.Н. Страноведческий аспект лексического фона слов с культурным компонентом // Лингвострановедческое описание лексики английского языка. Сб. научных трудов. М., 1983.

Национальная культура и общение. М., 1977.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.

Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970.

Плотникова Г.Н., Томтогтох Г. Безэквивалентная лексика монгольского языка в сопоставлении с русским // Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов. Калинин, 1984.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983.

Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. Этнографические очерки. М., 1983.

Прядохин М.Г. Китайские недоговорки – иносказания. М., 1977.

Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Сб. научных трудов. Калинин, 1984.

Пыриков Е.Г. Сокращенные слова в языках с иероглифической и алфавитной системах письменности (на материале японского и русского языков). АКД, М., 1984.

Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства, Т. 1-2, М., 1997.

Раздорский А.И. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. Дисс...канд. филол. наук. М., 1981.

Рыжков В.А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов. АКД., 1983.

Савицкий В.М. К вопросу о психолингвистической вычленимости слова в составе фразеологической единицы // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1972.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных структур // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983.

Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.

Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стернин И.А., Харитонова В. Опыт описания национально-культурной специфики слова. На материале русского и немецкого языков // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1984.

Стужина Э.А. Китайский город 11-13 вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.

Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983.

Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР, сер. яз. и лит., т. 41, №5, 1982.

Томахин Г.Д. Америка через американизмы. М., 1982.

Торчинов Е.А. Рецензия на книгу Л.Е. Бежина «Под знаком “ветра и потока”» // Народы Азии и Африки, №4, 1983.

Филиман О.Л. О традиционных китайских представлениях в сборниках художественной прозы 17-18 вв. // Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1981.

Фрумкина Р.М. Современные представления о когнитивных процессах и культурно-историческая психология Выготского-Лурии // НТИ, сер.2, 1998, №6.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983.

Человек и мир в японской культуре. М., 1985.

Шейман. Основы методики преподавания русской литературы в киргизской школе, ч.1-2. Фрунзе, 1981-1982.

Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурной специфики эталона сравнения у носителей английского и русского языков // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1984.

Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1979.

Юсупов Г.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980.

Н.В.Уфимцева

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Главным препятствием любого общения, а особенно межкультурного, является тот факт, что мысль нельзя непосредственно передать из одной головы в другую. Для этого мы пользуемся специальными знаками, и, прежде всего, языковыми знаками, и, следовательно, опираемся при этом на знания, которые сформированы у нас в рамках

родной культуры. Это ключевое положение для московской психолингвистической школы и в той области исследований, которая получила имя этнопсихолингвистики. Термин был предложен А.А.Леонтьевым и им же был обрисован основной круг проблем, которые должны были решаться исследователями в этой области. И, если

мы посмотрим на те монографии, которые выпускала Группа психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН в конце 70-х, начале 80-х годов XX века, то в этот период, московская психолингвистическая школа как бы солидаризируется с теорией межкультурной коммуникации в ее исходном американском варианте, т.к. в центре внимания исследователей находится поведение – вербальное и невербальное – носителей разных культур.

На первом этапе этнопсихолингвистические исследования в отечественной науке в основном велись силами исследователей, группировавшихся вокруг сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР, (см. коллективные монографии «Национально-культурная специфика речевого поведения». М., 1977; «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР». М., 1982; «Этнопсихолингвистика». М., 1988) и шли по нескольким направлениям в соответствии с факторами, детерминирующими общение, которые были выделены А.А.Леонтьевым.

Наряду с разработкой теоретических проблем, среди которых особое место занимала проблема соотношения языка, мышления и культуры, теория лакун, большое место в этих коллективных монографиях заняли конкретные исследования различий в вербальном и невербальном поведении народов мира и СССР (описания особенностей коммуникативного поведения носителей конкретных языков и культур: сравнительное описание русской и английской, русской и французской кинесики, описание кинесического поведения арабов, индонезийцев, японцев, китайцев, армян; речевого этикета американцев, корейцев, венгров, монголов и калмыков и т.п.).

Но затем московская психолингвистическая школа пошла иным путем, и, по словам Е.Ф.Тарасов, ее стало интересовать, а что же наполняет сознание говорящего на том или ином языке, т.е. что же является содержанием сознания носителя

той или иной культуры. Именно этим исследованиям и будет уделено основное внимание в этой статье. Я имею в виду то направление исследований, у истоков которого стояла А.А.Залевская, и которое сложилось как исследование вербальных ассоциаций.

Благодаря исследованиям структуры лексикона на материале ассоциативного тезауруса Дж. Киша (А.А.Залевская и ее ученики) и языкового сознания (Московская психолингвистическая школа) на материале Русского ассоциативного словаря, Славянского ассоциативного словаря и других ассоциативных словарей мы и имеем теперь направление психолингвистических исследований, которое пытается ответить на вопрос, на какое же содержание сознания опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому. Поскольку уже стало совершенно тривиальным для психолингвистов утверждение, что для того, чтобы общаться, необходимо иметь не только общий код, но и общность знаний (т.е. общность сознаний).

В этом смысле межкультурное общение является патологическим (по Е.Ф.Тарасову), поскольку коммуниканты, как правило, располагают только общностью кода (т.е. языка), и не располагают общностью знаний, поскольку принадлежат к разным культурам. Именно психолингвистический подход позволяет показать не только разницу или отличия в тех или иных формах коммуникативного поведения носителей разных культур, но и что стоит за этими особенностями в образе мира носителя той или иной культуры.

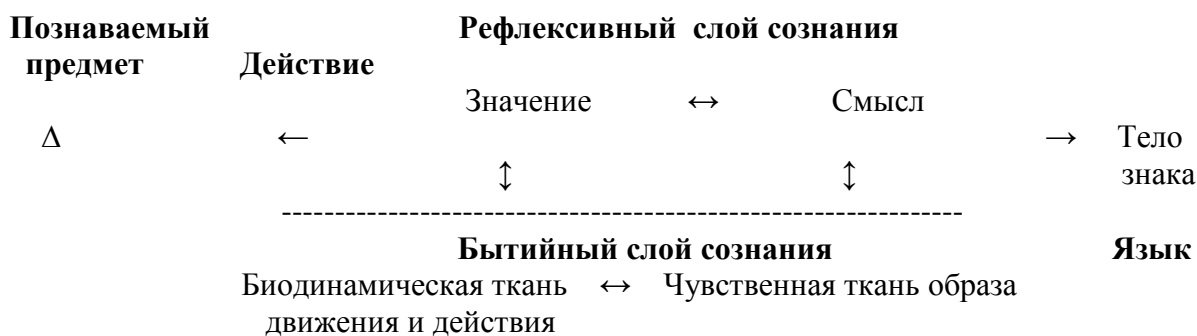
Для того чтобы понять это, необходимо сделать некоторое, на первый взгляд, неожиданное отступление и обратиться к тому, как ребенок овладевает языком. Точнее было бы сказать, как ребенок входит в мир родной культуры, ибо у ребенка нет отдельной задачи овладеть языком. Это мы, когда овладеваем вторым, третьим и т.д. языком, создаем искусственную ситуацию и вырываем язык из контекста культу-

ры и изучаем язык отдельно. А ребенок входит в мир культуры, т.е. в мир культурных предметов и в мир человеческих отношений, а язык – это тот удивительный инструмент, который предлагает ему культура для решения этой сложной задачи. За словом стоит гораздо больше знаний, чем мы привыкли думать, это не только значения и смыслы, за словом стоит определенный фрагмент образа мира, и это не только знания, но и умения, поскольку формирование знания, которое стоит за словом, начинается с действия с предметом еще задолго до того, как у ребенка формируется значение и смысл. Вслед за А.Н.Леонтьевым (1977) и В.П.Зинченко (1988) в структуре образа сознания можно выделить два слоя: рефлексивный (или рефлексивно-созерцательный) и бытийный слой (впервые это сделал Л.Фейербах). Смысл и значение образуют рефлексивный слой сознания, а биодинамическая ткань движения и действия и чувственная ткань

образуют бытийный слой сознания. Компоненты этой структуры не являются независимыми, поскольку они имеют общий источник происхождения - действие. Сами значения также неоднородны: значения могут быть предметными, операциональными, не фиксируемыми словом («ручные понятия», «предметные обобщения», «практические концепты», «ситуативные значения» и т.п.) и собственно вербальными (концептуальными).

Таким образом, индивидуальное сознание существует как весьма сложное образование, в строении которого дано единство субъективного и объективного: самонаблюдению доступны чувственная ткань и смысл, внешнему наблюдателю и регистрации доступны биодинамическая ткань и значение. Слои сознания «как бы пронизывает онтологическая вертикаль», она стоит на фундаменте действия» [Велихов и др. 1988: 102].

СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Формирование языкового сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани движения и действия и чувственной ткани образа до возникновения вербального значения.¹

За словом родного языка стоит множество знаний и умений, связанных с культурным предметом, которое оно (слово)

обозначает, а когда мы переходим на язык другой культуры, то мы можем усвоить, как правило, только знания. Слово родного языка несет в себе потенциальную энергию живого действия, а слово чужого языка такой потенциальной энергией не располагает.

Еще один момент, на котором хотелось бы остановиться – это роль контекста (в широком смысле) в овладении языком и в нашей постоянной жизнедеятельности. Как показывают современные психологические исследования [Сергиенко 2006; Ушакова

¹ С психологической точки зрения значения бывают трех видов: операциональные, предметные и вербальные. Такова же и последовательность их формирования в онтогенезе.

2005], аперцепирующее поведение является врожденным у ребенка, т.е. умение воспринимать повторяющиеся события в контексте является врожденным свойством человеческой психики.

Эти представления восходят к идее опережающего отражения действительности П.К.Анохина [Анохин 1987]. Суть опережающего отражения состоит в том, что на основе опыта прошлого организм активно приспособляется к предстоящим событиям. По мнению П.К.Анохина, основой развития органической жизни на земле являлись повторяющиеся воздействия внешнего неорганического мира на организм, что привело к возникновению его способности к активному отражению внешнего мира. Субстратом этой способности стала нервная система. Человеческий же мозг обладает практически безграничной возможностью опережающего отражения действительности. Причем мозг как орган психической деятельности сформировался именно на основе опережающего отражения последовательно повторяющихся рядов внешних явлений, т.е. представляет собой орган всеобщего отражения мира в мыслительной деятельности человека. Итак, принцип опережающего отражения действительности – универсальный принцип любого поведения, в том числе и речевого. И, следовательно, наш мозг должен обладать наряду со способностью формировать отражение ситуации, переживаемой в настоящий момент и уже пережитых, зафиксированных в памяти ситуаций, и способностью в какой-то форме «отражать» или конструировать ситуацию непосредственно предстоящего. По мнению А.Н.Бернштейна [Бернштейн 1966], наш мозг располагает двумя формами моделирования воспринимаемого мира, существующими как единство противоположностей: это модель прошедше-настоящего и модель будущего. Первая модель является однозначной и категоричной, а вторая имеет вероятностную природу, т.е. базируется на прогнозировании с той или иной мерой вероятности.

Поэтому, в том числе, ребенок в состоянии так быстро без специального обучения войти в мир культуры, т.е. эти контексты вычленил и усвоил. Каждый контекст содержит знаковый элемент, появление которого сигнализирует о его постоянном окружении. Именно из таких контекстов состоит любая культура, и язык (если говорить о его грамматике) – это так же конечный набор контекстов.

Благодаря этому ребенку удается за короткий срок войти и в мир языка, и в мир культуры, что мы не можем сделать, когда приступаем к изучению иностранного языка как к отдельной задаче. Кроме этих удивительных природенных способностей, каждый из нас, входя в мир родной культуры, имеет возможность учиться бессознательно, а информация на уровне бессознательности [Дубровский 1978] обрабатывается в 10000000 раз быстрее, чем на уровне сознания. В силу этого объем информации, который обрабатывается ребенком, огромен, и он значительно больше, чем может обработать взрослый человек на уровне сознания. Кроме того, сознание – очень затратный механизм для организма, поскольку требует большого расхода энергии. Еще раз подчеркну, что именно психоллингвистика позволяет осознать удивительную роль языка в этом процессе, и то, что человек, культура и язык – это взаимодополнительные системы. Ребенок как бы заранее предрасположен войти в мир культуры и освоить язык как код данной культуры.

Еще одно достижение, которое может предложить отечественная психоллингвистика тем, кто занимается теорией межкультурной коммуникации – это показать реальную системность обыденного сознания носителя культуры, хотя сама идея и не является чем-то новым. Еще Л.С.Выготский признавал за сознанием системное строение и видел единственный плодотворный путь его изучения в «семи-ческом анализе», цель которого – раскрыть структуру значений и смыслов.

Можно вслед за Э.С. Маркарянном считать, что неповторимость любой культуры

есть результат особой, свойственной лишь данной культуре системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур [Маркарян 1969, 68]. Если перевести это высказывание на язык психологии, то придется согласиться с А.А. Леонтьевым, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев 1993, 20].

И здесь, прежде чем перейти к обсуждению этого последнего тезиса, мне бы хотелось привести пример, который показывает, что на интуитивном уровне носители культуры, во всяком случае, тонко чувствующие свою культуру, эту системность осознают. Пример относится к концу XIX века. Когда встал вопрос о возможности брака принцессы Аликс и цесаревича Николая, королева Виктория – бабка принцессы была категорически против этого брака, и в качестве первой причины своего несогласия указывала на полную противоположность русских и англичан по их культурным ценностям. Так вот, это интуитивное знание, которое существует у носителей разных культур, может быть подтверждено вполне объективными данными с помощью массового ассоциативного эксперимента и выявления на его основе ядра языкового сознания. Теперь благодаря двум ассоциативным тезаурусам – английскому [Kiss at all 1972] и русскому [Караулов и др. 1994-1998], мы имеем возможность наглядно увидеть различия в образе мира русских и англичан и действительно разную их системность.

Материалы ассоциативного тезауруса позволяют исследовать системность образа мира носителей данной культуры, а тем самым и системные свойства культурных предметов, отраженные в обыденном сознании. Одним из способов изучения системности образа мира по материалам массового ассоциативного эксперимента является выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, кото-

рые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети (представленной в виде Обратного словаря, см., т.т. 2, 4, 6 РАС). Впервые ядро лексикона человека было описано А.А. Залевской по результатам анализа материалов Ассоциативного тезауруса английского языка Киша [Залевская 1979, 1982], ею же были выделены 75 слов, составляющих центр ядра лексикона носителя английского языка.

В рамках московской психолингвистической школы ядро языкового сознания выявлено на материале русского, бурятского, вьетнамского, хакасского, белорусского, украинского, болгарского языков (см., например, [Боргоякова 2002, Нгуен Тхи Хыонг 2001; Уфимцева 1996, 2000]).

Однако с помощью ассоциативного эксперимента можно выявить не только системность образа мира той или иной культуры, но и системность самого образа сознания, который стоит за словом, т.е. системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение (в психологическом смысле). Возможны разные подходы к решению этой проблемы. Так, Ю.Н. Караулов для изучения национально-культурной специфики языкового сознания предлагает использовать метод «семантического гештальта», под которым он понимает «один из способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей» [Караулов 1997]. Этот метод успешно используется для анализа специфики образов языкового сознания носителей разных языков, овнешненных в виде ассоциативных полей. (См, например, Боргоякова 2002, Дашиева 2000). Возможен и другой подход, предложенный Е.А. Попковой [Попкова 2002]. Исследование психолингвистических особенностей языкового сознания искусственных билингвов, проведенное Е. А. Попковой [Попкова 2002], показало, что, хотя содержание образа языкового сознания, стоящего за словом изучаемого иностранного языка у искусственного билингва, меняется в про-

цессе изучения языка, однако его структура (т.е. системность) определяется системностью значения его эквивалента в родном языке.

Русский ассоциативный словарь (РАС) открывает перед нами еще одну удивительную возможность – сравнить системность и содержание образа мира русских, выявленную по материалам РАСа, с результатами реконструкции языкового сознания человека, жившего в X-XI в.в., по материалам старославянского языка («Старославянский словарь» под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой), проделанной Т.И.Вендиной [Вендина 2002].

Сама Т.И.Вендина в заключение своей работы пишет, что «язык культуры Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом созвучны русской культуре, являясь нашим своеобразным «молчаливым наследием» [Вендина 2002: 325]. Что же из этого наследия по-прежнему является ценностью для современных русских?

Первая особенность, которую отмечает Т.И.Вендина, заключается в том, что весь лексикон старославянского языка «организован вокруг человека», и «эта идеографическая сфера является наиболее лексически и словообразовательно проработанной. Человек...- центр мироздания» [Вендина 2002:22]. Обратимся к данным РАСа. Оказывается, что языковое сознание современных русских также имеет в своем центре *человека*. Он *хороший*¹ (25), *добрый* (21), *разумный* (18), *умный* (16), *мудрый* (2). Он *гордый* (7), *красивый* (5), *смелый* (3), *надежный* (2), *сердечный* (1), хотя может быть *плохим* (6), *странным* (2), *трудным* (2) и *упрямым* (2). Достаточно редко *человек* воспринимается русскими как *гражданин* (4) и *личность* (6) и “параметризован” он (термин Ю.С. Степанова) преимущественно как существо мужского пола.

Т.И.Вендина указывает, что языковое сознание носителя старославянского языка сосредоточено, прежде всего, на человеке как социальной и духовной личности оставая в стороне его физическую природу (Там же, 24). Можно сказать, что эта тенденция прослеживается, как мы видим, и по материалам РАСа, хотя значительно увеличилось внимание к его физической природе. Полностью, или почти полностью утраченным в языковом сознании современных русских оказалось определение человека по его отношению к Богу (в РАСе лишь однажды *человек* соотносится с *Богом* (1)). Если мы обратимся к данным С.Г.Незговоровой [Незговорова 2004], то увидим, что *человек* и окружающий его мир (мир его обыденной жизни) занимают центральную позицию в языковом сознании современных русских (530 слов, составляющих ядро языкового сознания, связаны с более чем 33000 разных слов в вербально-семантической сети РАСа).

Как на интересную особенность языкового сознания носителя старославянского языка Т.И.Вендина указывает на отсутствие в нем, так же как и в древнерусском, слова *личность*, приводя в подтверждение слова В.В.Виноградова о том, что «Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до ХУП века было чуждо понятие...об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств» [Виноградов 1994:10]. Что же показывает нам РАС? Мы видим, что слово *личность* присутствует в вербально-ассоциативной сети, но занимает в ней очень скромное место, встречаясь 131 раз в качестве реакции всего на 56 разных слов-стимулов. (Для сравнения напомним, что слово *человек* встречается 12683 раза в качестве реакции на 1355 разных слов). Можно предположить, что для тех русских респондентов, ответы которых вошли в РАС (а их более 8000 человек), до сих пор не очень-то свойственно представление об «отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков». Может быть права

¹ Полужирным шрифтом выделяются слова-стимулы, курсивом — слова-реакции.

К.Касьянова [Касьянова 1994], которая пишет, что личность сама по себе не является ценностью в нашей культуре. А что есть личность в русской культуре? Ее Касьянова определяет как «некоторое единство человека и особого, неповторимого места в мире, в структуре космоса» [Там же: 185]. Для человека, «нашедшего себя», т.е. свое, как бы только для него и существующее место в этом мире, целеполагание разворачивается как бы естественным путем, на твердой основе его представлений о мире и своем месте в нем. Его целеполагание ценностно обоснованно. Те цели, которые он достигает, нужны не только ему, но и миру. По Касьяновой, наиболее сильные ценности русского этноса лежат именно в области социального целого. Именно этим объясняется такая огромная значимость для русских именно ценностно-рациональной модели поведения. «Мы народ воистину коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем из-за него... Он есть тот сложный и умный инструмент, с которым мы подходим к миру вообще, к большому миру – космосу, в который бросила нас жизнь, чтобы воздействовать на него в том направлении, в каком предписывают нам поддерживать его наши ценности. Наш социум, наша группа – это средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [Там же: 180]. Таким образом, оказывается, что наша группа, наш социум – это и есть единственно возможный в нашей культуре инструмент реализации ценностей каждой отдельной личности. Культура же западноевропейская предполагает, что каждая личность может воздействовать на мир самостоятельно, своими личными, индивидуальными актами.

Это сравнение подтвердило не только сам факт существования этой системности, но и ее стабильность на протяжении очень длительного времени, благодаря чему мы

можем изучать уже особенности культуры как целого [Уфимцева 2005].

Вступая в контакт с носителем другой культуры, мы сталкиваемся, прежде всего, с другой системностью: системностью культуры как целого, системностью знаний, стоящих за каждым отдельным культурным предметом. Мы оцениваем другую культуру с позиций своей собственной, у нас нет другого инструмента, чтобы подойти к чужой культуре, как только своя собственная культура. По мнению Е.Ф.Тарасова [Тарасов 1998], главным препятствием в идентичном понимании одного и того же коммуникативного акта носителями разных культур являются так называемые функциональные и системные (интегральные) качества культурных предметов в отличие от их природных качеств, которые не зависят от особенностей той или иной культуры. Функциональными качествами обладают только культурные предметы, и их постижение носителем другой культуры возможно, хотя и представляет определенные трудности. Что же касается системных качеств культурных предметов, то их постижение требует осознания культуры как системы. Как отмечает Е.Ф.Тарасов (1988: 33), «системные качества культурных предметов непосредственно не наблюдаемы, сверхчувственны и часто знаковы, символичны». Следовательно, системные качества культурных предметов не обнаруживают себя в самих предметах и открыты только носителю культуры, обладающему знанием системы, в которой конкретный культурный предмет приобретает эти качества.

Можно предположить, что конфликты непонимания или неполного понимания в межкультурном общении чаще всего являются именно следствием незнания системных качеств культурных предметов.

Поэтому у нас как у исследователей есть только один способ преодоления этой неопределенности – это изучение системности культуры и системности знаний, стоящих за культурным предметом.

Еще одна проблема – проблема куль-

турного шока получает свое объяснение с позиций отечественной психолингвистики. Как известно, впервые культурный шок был описан К.Обергом. Главной причиной культурного шока признается различие культур, т.е. представлений о мире, норм, ценностей, стереотипов поведения и восприятия. В описаниях культурного шока подчеркивается, что он возникает в ситуации контакта с чужой культурой, что приводит к психологическому, а иногда и физическому дискомфорту.

Как мы указывали выше, наш мозг располагает двумя формами моделирования воспринимаемого мира, существующими как единство противоположностей: это модель прошедше-настоящего и модель будущего. Первая модель является однозначной и категоричной, а вторая имеет вероятностную природу, т.е. базируется на прогнозировании с той или иной мерой вероятности. Наше поведение согласно П.К. Анохину и А.Н.Бернштейну строится как забегание вперед на основе прошлого опыта.

При межкультурном общении, в частности, в период культурного шока, нарушается взаимодействие этих двух программ, поскольку программа прошедше-настоящего построена с опорой на образ мира своей родной культуры, а строящаяся на ее основе программа потребного будущего в новой культуре оказывается, как правило, неверной. Следовательно, нарушается автоматизм считывания и расшифровывания знаков культуры, а, значит, и автоматизм поведения, и человек, оказавшийся в новой для себя культуре, вынужден постоянно работать с сознанием, т.е. постоянно сознательно контролировать свое поведение и рефлексировать над различиями своей и новой культуры. А это требует значительно больших энергетических затрат от организма, чем неосознаваемый контроль своего поведения в рамках родной культуры, что и приводит, зачастую, к психическому и физическому дискомфорту.

Свое именно потому хорошо, что не требует особенной работы с сознанием –

программы прошедше-настоящего и будущего работают автоматически и, поведение других предсказуемо. Поведение других в чужой культуре плохо предсказуемо и неверно интерпретируется, и чаще требует работы с сознанием. А сознание, как мы уже указывали, очень энергетически затратно для организма.

Таким образом, на восприятие реалий чужой культуры всегда накладываются знания, полученные в процессе социализации в родной культуре и системность образа мира родной культуры в целом и каждого образа сознания в этом образе мира, в частности. Следовательно, системные свойства культурных предметов существуют как бы в двух формах: с одной стороны, в виде системности самой культуры, которая определяет и место, и роль в ней данного культурного предмета, а, с другой стороны, в виде системности знаний (структура значения), связанных с данным культурным предметом и стоящих за словом, его обозначающим.

Обобщая все сказанное можно сделать вывод, что использование в этнопсихолингвистических исследованиях представлений о формировании и функционировании высших психических функций человека и прежде всего, языковой способности, и о структуре сознания позволяет решать многие проблемы, неразрешимые в рамках теории межкультурной коммуникации, и что этнопсихолингвистика является естественной частью отечественной психолингвистики и решает общие с ней задачи, хотя и делает это в специфической сфере – сфере межкультурного общения.

Литература:

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): Дисс. канд.филол.наук. М., 2002.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова. М., 1971, с.178-194.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин,

1979.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. - Калинин: КГУ, 1982. - 67 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь Т. 1–6. М., 1994–1998.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993, с.16-21.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.

Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

11. *Нгуен Тхи Хыонг.* Мир в образах

сознания вьетнамцев // *Языковое сознание и образ мира.* М., 2000.

12. *Попкова Е.А.* Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма): Дис... канд. филол.наук. М., 2002.

Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы 1X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988, с. 176-177.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // *Язык. Сознание. Культура.* М.: Институт языкознания РАН, 2005, с.с.

Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburg, 1972.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Василевич
ЧТО У ТРЕЗВОГО НА УМЕ...

Лингвистика уже давно изучает специфику так называемых специальных, а также профессиональных языков (язык моряков, юристов, молодежный язык и т.п.) и выявила ряд универсальных для этих языков свойств [Василевич 1988; Hudson 1979; Sager et al., 1980 и мн.др.]. Главное из них – формирование специальной лексики, т.е. таких терминов, которые обозначают предметы и понятия, встречающиеся только в данной области. С другой стороны, таким языкам свойственна и лексика, сближающая их с жаргонами – слова, называющие привычные предметы и явления иначе, чем это принято в общеупотребительном языке. Характерно для них и использование обычных слов в необычных, неожиданных значениях. Наконец, есть свидетельства и фонетических особенностей. По наблюдению А.А. Зализняка, профессиональным языкам свойственно ненормативное употребление ударения на последнем слоге в существительных множественного числа: *боцманА, плотникА* и т.д. [Зализняк 1977]. Сюда же относятся английские заимствования в современном молодежном жаргоне – *герла, шузы*.

В отдельных случаях языковые особенности специального языка обретают относительно широкую употребительность, в особенности, когда соответствующая социальная или профессиональная группа имеет высокую значимость или когда трудно провести четкую грань между такой группой и основной массой носителей языка. Примером может служить блатной жаргон: о его влиянии на литературный русский язык не говорит лишь ленивый. Мало исследована противоположная задача: идентификация человека по его языку. В некоторых случаях это представляет интерес с научной точки зрения (ср. пример с проф. Хиггинсом и Элизой Дулитл). Однако иногда такая идентификация может иметь чис-

то практическое значение. Именно к такому случаю относится объект настоящего исследования – язык, обслуживающий весьма четко определяемую область человеческой деятельности, а именно, «процесс питания».

Заметим, что соответствующая лексическая группа в русском языке имеет (и уже давно!) особый статус. Неожиданное свидетельство этому мы нашли в книге Ю.Лотмана [Лотман 1983]. Обсуждая смысл Пушкинских слов *Как Зюзя пьяный...*, автор пишет:

«Выражение *как зюзя* ввел Д. Давыдов:

А завтра – черт возьми! – как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелой полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!»

Выражение взято из гусарского языка. Этот язык отличался особым синонимическим богатством в описании состояния и стадий опьянения. Так, Вяземский вспоминает о некоем Раевском, командире конногвардейского полка, который был в некотором отношении лингвист; по крайней мере, он обогатил гвардейский язык многими новыми словами и выражениями, которые затем оказывались общеупотребительными, например, *пропустить за галстук, немного под шефе* (фр. *chauffé* ‘разогретый’) и пр. Все это, по его словотолкованию, значило, что человек лишнее выпил, подгулял (П.А. Вяземский, *Старая записная книжка*, с. 110).

Заметим, что «специальным» данный язык можно считать весьма условно: вряд ли есть люди, которые не пьют вовсе и не пользуются соответствующей лексикой. Ассоциативное поле слов, связанных с процессом выпивки, при всей своей обширности, в равной степени необходимо и

большим алкоголизмом, и здоровым. Тем не менее, вполне возможно, что алкогольная лексика все же обладает признаками специального языка, которые выявляются, прежде всего, при анализе языка алкоголиков. В таком случае, изучение алкогольной лексики может дать ценную информацию о природе алкоголизма как патологического состояния, поражающего разные стороны личности, и в том числе речевую деятельность.

Как бы то ни было, наш анализ показал, что алкогольная лексика в полной мере обладает свойствами специального языка.

Начнем с фонетического аспекта. Нестандартная акцентуация, обычно свойственная специальному языку, в нашем случае имеет место: ср. примеры типа *стака-нЫ*, *из горЛА*, *нОлито* – и т.п.

Далее, анализируемый словарь содержит десятки слов, называющих предметы или явления, которые встречаются исключительно в ситуации потребления алкогольных напитков: *зашибать*, *кирять*, *бухать* (выпивать), *бормотуха*, *мурцовка* (плохое вино), *фуфырь* – собирательное название стеклянных емкостей и т.д. С другой стороны, многие слова обретают здесь совершенно новые значения: *лачок* – собирательное название для напитка, который потребляется в дополнение к основной выпивке для усиления эффекта опьянения (*покрыть лачком*); *хромой* – пара бутылок, из которых одна поллитровка, а другая – четвертинка; *клопомор*, *коричневый* (коньяк), *партейное* (портвейн) и т.д.

И, наконец, алкогольный словарь содержит большое число синонимов. Например, нам удалось обнаружить более 60 синонимов слова *выпить*. Много синонимов имеется для обозначения крепленого вина плохого качества (*бормотуха*, *бормота́*, *бормоте́нь*, *гадость*, *гнилуха*, *отрава*, *червивка*, *чернила*, *компот*, *мурцовка*). Вот еще примеры синонимических рядов:

вермут: вермутъ, вертит-мутит, Вера Михайловна

водка: водьяра, родимая, белая, белый

друг, сучок (плохого качества).

сухое вино: сухарь, сушняк, Сухэ Батор

Известно, что формирование алкоголизма сопровождается образованием новой системы ценностей. При этом возникает необходимость в новых языковых обозначениях. Это, отчасти, связано с тем, что «выпивка» – центральный момент в возникновении алкоголизма как заболевания – происходит в компании, в условиях интенсивного речевого общения, когда язык выступает не только как средство коммуникации, но, возможно, и как фактор упрочения системы новых предпочтений. Если это так, то лексика больных алкоголизмом может отражать эти новые ценностные ориентации.

Согласно принятой точке зрения, система субъективной значимости слов тесным образом связана с субъективной частотой их употребительности, которая в свою очередь определяется прошлым речевым опытом индивида [Фрумкина 1971]. Таким образом, изменение ценностной иерархии понятий у больных алкоголизмом может быть выявлено путем анализа вероятностной структуры их словаря.

Цель настоящего исследования состояла в сопоставлении частотной организации словаря специальной алкогольной лексики больных алкоголизмом и здоровых людей.

Для того, чтобы описать алкогольную лексическую группу в целом и выявить особенности лексики алкоголиков, мы обследовали три группы испытуемых:

è здоровые мужчины (20 чел.; средний возраст 42,6 лет, большинство с высшим образованием);

è здоровые женщины (40 студенток вуза, средний возраст 22 года);

è больные (25 мужчин с диагнозом «хронический алкоголизм II стадии», средний возраст – 25,9 лет со средним или незаконченным высшим образованием). В момент эксперимента находились на лечении в специализированной клинике.¹

¹ Эксперимент проводился в сотрудничестве с проф. А.В. Немцовым.

В инструкции каждому испытуемому предлагалось вспомнить и записать по возможности все слова, которые так или иначе ассоциируются у него с ситуацией «выпивки». По существу проводился ассоциативный эксперимент с неограниченным числом ответов. Известно, что в экспериментах такого рода ответы хорошо отражают ассоциативное поле ключевого понятия, а частота встречаемости в ответах позволяет судить о психологической значимости слов или соответствующих понятий для испытуемых.

Всего было получено более 2000 ответов, в том числе 700 разных слов, причем в группах здоровых было получено более 1,5 тыс. слов-ответов (в среднем 26 от каждого испытуемого); в группе больных – 459 ответов (в среднем 18). Это различие в продуктивности вызвано, видимо тем, что контингент больных сильно уступает здоровым по уровню образования и, как нам представляется, уровню общего и языкового развития.

Здоровые превзошли больных также по разнообразию слов (467 и 251 разных слов соответственно). Однако было бы ошибочным считать, что у больных в этой области менее «богатый» словарь. Скорее всего, те 404 слова, которые встретились только в ответах здоровых, известны больным, но составляют их *пассивный* запас. Обратное вряд ли верно. Смеем предположить, что 188 слов, которые назвали больные, не входят в пассивный словарь здоровых. Кстати, косвенным подтверждением того, что пьющие обладают большей «лексической активностью», может служить сопоставление данных по двум группам здоровых. Напомним, что одну группу составили мужчины, а другую – молодые женщины, причем мужчин было в два раза меньше. Так вот, средняя продуктивность в группе мужчин (36 слов в каждой анкете) превосходит продуктивность женщин (21 слово) – при том, что в любой другой ситуации речевой деятельности женщины всегда оказываются успешнее мужчин.

Больше всего словники двух групп испытуемых различаются по их отношению к нормативности: 85 % всех слов у здоровых вполне нормативны, поскольку зафиксированы в академическом 4-томном словаре русского языка (хотя многие из них имеют пометы *разг.* или *простореч.*). У больных таких слов оказалось всего 23 %. Из этого следует, что больные алкоголизмом действительно владеют лексикой, которую можно считать «специальной».

По мнению К. Хадсона [Hudson 1979], одной из причин появления большого числа профессиональных жаргонизмов является недостаточно высокий интеллектуальный уровень соответствующих носителей языка, а также их стремление убедить окружающих в своей важности и даже уникальности. Это вполне приложимо к больным алкоголизмом, для которых специальная лексика может служить не только средством установления контактов в компании себе подобных, но и способом самоутверждения. Анализ ряда слов из словарика больных типа *портвишок* (портвейн), *Поленька* (политура), *Стёпочка* (стопка), *хрусталь* (стеклотара), *Зося* (крепленое вино «Золотая осень»), *Борис Федорович* (клей БФ) и т.д. показывает, что больные стремятся придать словам более «мягкое» звучание, чтобы в какой-то мере компенсировать их иногда весьма зловещий смысл. Характерно, что в ответах больных практически не встречаются слова, обозначающие неприятные физиологические последствия опьянения (*тошнит*, *головная боль* и т.п.), а такое понятие, как «рвота», передается эвфимизмом *пугать унитаз* и его синонимами (см. ниже в словаре терминов).

И последнее. Больные явно избегают «конкретики». Из 68 ответов, связанных с названиями напитков, они в 43 случаях (63%) давали родовые названия (*бормотуха*, *бухало*, *сивушняк*, *краснотуха*, и т.п.), а не конкретные названия (типа *Ркацители*). В группе здоровых на долю родовых названий напитков приходится менее 24 %. Аналогично при упоминании закусок больные привели всего одно название еды

(*шашлык*); остальные слова имели самое общее значение (*закуска, заед* и др.). У здоровых в общей сложности приведено более 50 названий закусок. Таким образом, склонность к употреблению слов с более общим содержанием является еще одной характерной особенностью лексики больных алкоголизмом.

Теперь рассмотрим содержательную структуру ответов в группах здоровых и больных. Как мы увидим, это даст нам возможность еще более четко дифференцировать группы и в какой-то мере позволит рассматривать результаты ассоциативного эксперимента как прогнозирующий фактор при определении склонности к алкоголизму.

В целях удобства весь полученный в трех группах словник был разделен на 12 понятийных категорий (табл. 1).

Для каждой категории была вычислена доля ответов по группе здоровых и больных. Результаты приведены в табл. 2, где первые пять строк соответствуют категориям, в которых доля ответов по группе больных существенно выше, чем в группе здоровых, а в последних пяти строках имеет место обратная картина.

Как мы уже говорили, доля ответов в той или другой смысловой категории отражает ее субъективную значимость для данной группы испытуемых [Cramer 1968].

Таблица 1. Категории слов ассоциативного поля «выпить»

	Название категории	Примеры
1	синонимы слова <i>выпить</i>	дернуть, вмазать, принять на грудь, тиндарахнуть, остограмниться
2	покупка напитков	магазин, бабули (деньги), на троих
3	место выпивки	бар, гадюшник (пивная), скамейка
4	емкость для напитков	банка, фуфыр (оба – в значении «бутылка»), стопарь (стопка)
5	состояние опьянения и название пьющих лиц	напиться, назюзюкаться, алконавт (алкоголик), торчок
6	психофизиологические последствия выпивки	тошнит, похмелька, колотун, головная боль
7	социальные последствия выпивки	милиция, конфликт, алименты
8	родовые названия алкогольных напитков	бормотуха (любое крепленое вино), бухало (алкогольный напиток), галантерея (суррогат спиртного), мокрое (крепкое, не сухое)
9	видовые названия алкогольных напитков	водяра (водка), коньяк, пиво, Зося (вино «Золотая Осень»), Ркацители
10	повод для выпивки	крестины, междусобойчик, беседа, собраться
11	процесс выпивки, застолье	налить, пробка, тост
12	закуска	закуска, занюхать, огурец, вобла

Таблица 2. Распределение ответов по категориям у больных алкоголизмом (Б), здоровых мужчин (Зд-м) и здоровых женщин (Зд-ж)

	Краткое название категории	Всего разных слов	Число ответов			Доля (в %)		
			Б	Зд-м	Зд-ж	Б	Зд-м	Зд-ж
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	синонимы слова <i>выпить</i>	92	110	49	65	24,0	6,9	7,6
2	емкость, доза	46	60	55	67	13,1	7,8	7,8
3	покупка напитков	47	52	35	15	11,3	4,9	1,8
4	место выпивки	39	47	30	21	10,2	4,2	2,5
5	состояния опьянения	64	47	70	65	10,2	9,9	7,6
6	родовые названия напитков	40	43	44	25	9,4	6,2	2,9
7	патофизиологические следствия	50	39	31	108	8,3	4,4	12,6
8	видовые названия напитков	100	25	142	155	5,4	20,0	18,2
9	повод, компания	50	14	74	79	3,1	10,4	9,3
10	застолье	41	10	68	113	2,2	9,6	13,2
11	закуска	41	8	72	121	1,7	10,2	14,2
12	социальные следствия	36	5	39	20	1,1	5,5	2,3
Всего		655	459	709	854	100	100	100

Из табл. 2 видно, что наибольшая доля ответов у **здоровых** приходится на категории №№ 8, 10 и 11 (43 %). Следовательно, здоровые ориентированы, главным образом, на детализацию напитка (перечисление конкретных марок вина, коньяка и т.д.), а также на ритуал застолья и закуску (*беседа, друзья, свадьба, именины, банкет, поднять бокалы, тост, фужер, вилка, скатерть, сеledка* и т.д.). У больных доля слов этих трех категорий составляет всего 9 %.

С другой стороны, у **больных** большая часть ответов (70 %) пришлось на категории 1-5, где сосредоточены слова, обозначающие факт выпивки, способы приобретения напитков, место выпивки и ее количество. У здоровых на долю этих категорий пришлось только 30 % ответов.

Итак, были выявлены различия в структуре наполнения категорий у больных и здоровых. Естественно оценить эти различия числом. С этой целью мы введем простой количественный показатель ИСА – «индекс склонности к алкоголизму». Чтобы определить показатель ИСА, суммируем отдельно долю (в %) ответов категорий 1-5

(эти ответы характерны для алкоголиков) и категорий 8-12 (ответы характерны для здоровых). ИСА есть простая разность между найденными суммами. Чем больше показатель ИСА, тем больше вероятность наличия у индивида склонности к алкоголизму. Легко видеть, что шкала возможных значений ИСА простирается от [+ 100] до [– 100].

Проиллюстрируем процедуру определения ИСА. Вернемся к табл. 2 и рассчитаем ИСА для группы больных. Из данных столбца 7 следует, что суммарная доля категорий 1-5 в этой группе составляет 68,8 % всех ответов, а доля ответов категорий 8-12 – 13,5 %. Таким образом, ИСА {группа больных} = 68,8 – 13,5 = [+55,3], что весьма близко к максимальному значению.

В свою очередь, из данных столбцов 8 и 9 следует:

ИСА {группа здоровых, мужчины} = [– 22,0];

ИСА {группа здоровых, женщины} = [– 29,9].

Как и следовало ожидать, склонность к алкоголизму в группе больных намного

выше, чем в группе здоровых, а ИСА женщин чуть меньше, чем ИСА мужчин.

Читатель может и сам оценить ИСА своих знакомых и близких. Для этого достаточно попросить их выступить в роли испытуемых, а затем подсчитать *индивидуальный* показатель ИСА. Покажем на примере, как это делается.

Приведем пример расчета ИСА. В табл. 3 представлен реальный бланк ответов исп. К. (группа здоровых). Сохранен порядок появления ответов в анкете. Для удобства последующего анализа каждый из 23 ответов снабжен указанием на его принадлежность к той или иной категории.

Таблица 3. Бланк ответов исп. К.

Ответы, зафиксированные в бланке	Категория	Ответы, зафиксированные в бланке	Категория	Ответы, зафиксированные в бланке	Категория
водка	8	бутылка	2	шататься	7
закусить	11	занюхать	11	головокружение	7
радость	9	селедочка	11	хорошее настроение	10
вздروгнем!	10	чокаться	10	друзья	10
тост	10	поздравлять	9	собутыльники	10
закуска	11	сок	11	вечеринка	9
соленые огурчики	11	похмелье	7	повод	9
рюмка	2	пьяный	5		

Преобразуем данные анкеты следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Исходные данные для расчета ИСА исп. К.

Категория	Ответы, зафиксированные в бланке	Категория	Ответы, зафиксированные в бланке
1	–	8	водка
2	бутылка рюмка	9	радость поздравлять вечеринка повод
3	–	10	вздروгнем! собутыльники хорошее настроение чокаться друзья тост
4	–	11	закусить закуска соленые огурчики занюхать селедочка сок
5	пьяный	12	–
6	–	7	похмелье головокружение шататься

Из 23 слов, помещенных в табл. 3, на долю категорий 1-5 приходится 3 слова (13 %), а на долю категорий 8-12 – 17 слов (74 %). В категории 6 и 7 (они не входят в

расчет) попали всего три слова (13 %). По описанной выше процедуре ИСА {исп. К.} = 13 – 74 = [– 61]. Это существенно «лучше», чем в среднем по группе здоровых.

В табл. 5 приведены ИСА еще нескольких ии. в группе здоровых

Таблица 5. Показатели ИСА здоровых ии. (фрагмент матрицы)

	Испытуемые							
	В.	К.	А.	Б.	Д.	...	М.	Бр.
Всего ответов	22	38	23	33	15		21	17
Доля ответов в категориях 1-5 (в %)	0	7	13	24	27		43	35
Доля ответов в категориях 8-12 (в %)	82	71	74	56	54		48	29
ИСА	- 82	-64	- 61	-32	-27		-5	+6

Как мы видим, разброс индивидуальных данных весьма велик. При увеличении объема выборки можно было бы стандартизировать показатель ИСА и определить точную границу нормы и патологии. В данных примерах тревогу вызывают исп. М. и Бр.: можно предположить, что у них с потреблением алкоголя не все благополучно.

Индивидуальные показатели ИСА в группе больных также варьируют весьма сильно, но важно, что практически все они существенно превосходят [0].

Следует заметить, что наш эксперимент проходил почти 20 лет назад. Конечно, основные закономерности, полученные в нем, имеют вневременной характер, но конкретная лексика, встретившаяся в ответах испытуемых, возможно, устарела. С другой стороны, она представляет интерес с чисто филологической точки зрения, поскольку отражает состояние русского языка на тот момент (конец 80-х годов, самый разгар перестройки).

Часть слов к настоящему времени уже вышла из употребления, и молодые люди, возможно, уже не знают их значения. И все же было бы жаль навсегда потерять эти слова из виду. Они представляют собой ценный фактический материал для изучения истории лексики русского разговорного языка (а в определенной мере отражают и соответствующую эпоху развития общества). Мы считаем своим долгом зафиксировать все эти слова – в тех значениях, в которых они употреблялись тогда. Конечно, было бы интересно располагать также и

современным набором слов, чтобы провести сопоставительный анализ двух словников. Например, нам кажется, что нынешняя лексика лишена известной мягкости и остроты, свойственной лексике двадцатилетней давности и наоборот пестрит прямыми заимствованиями. Вот лишь несколько примеров:

Общее значение	Тогда	Сейчас
деньги, операции с ними	<i>бабки, бабули, капуста, монета, фанера; рваный, рыжий (1 руб.), трюндель, трюник (3 руб.), питрофан (5 руб.), пятнашка (15 руб.); у музыкантов: соль мажор (1 руб.), терция (3 руб.), квинта (5 руб.)</i>	<i>баиши, мотсуолие бабло (плетить), сгрэбать бабл (получать деньги)</i>
пиво	<i>пивняк</i>	<i>пивчара, челло</i>
большая бутылка	<i>бомба, фугас, огнетушитель</i>	<i>сиська</i>
вечеринка, времяпрепровождение	<i>шара (компания)</i>	<i>тус, сеипати, загалово</i>

Как бы то ни было, процесс сбора современного материала еще далек от завер-

шения. Ограничимся представлением лексики 80-х годов.

В первой части словаря приводятся си-

нонимы центрального понятия данного ассоциативного поля; часть II содержит остальные слова с подробным толкованием.

Часть I. Слова со значением 'пить', 'выпить'

<i>Курсивом</i> выделены слова, встречающиеся преимущественно в отчетах алкоголиков; звездочкой (*) помечены слова, зафиксированные в Академическом словаре русского языка (в 4-х тт.).	(за) <i>керосинить</i>	<i>нагреть</i>	смодулировать ⁷
<i>бацнуть</i>	залить	<i>насыпать</i>	собрать схему
вдарить	залить за воротник*	опохмелиться*	спрыснуть
вдеть	залить за галстук*	опрокинуть	<i>съесть</i>
вдрогнуть ¹	<i>замочить</i>	оросить	<i>тиндарахнуть</i>
<i>вкатить</i>	<i>замутить</i>	<i>освежиться</i> ⁴	<i>треснуть</i>
вливать	заправиться*	отметиться	тяпнуть*
<i>вмазать</i>	<i>засадить</i>	отравиться ³	угovorить ⁶
впендюрить	<i>засосать</i>	<i>оттянуться</i>	ужалиться
врезать	<i>зацепить</i>	пить*	<i>халкнуть</i>
втереть	зашибать*	поддать*	хлестать*
втюхать	злоупотреблять	<i>покатить</i> ⁵	хлобыстать*
<i>выжрать</i>	<i>калдырнуть</i>	поправить здоровье	<i>хлопнуть</i>
<i>гепнуть</i>	квакнуть	приговорить ⁶	хрюкнуть
<i>грохнуть</i>	кирнуть	принять (на грудь) ⁶	хряпнуть
дербалызнуть	клюкнуть*	<i>причаститься</i>	<i>царапнуть</i>
дербануть*	клюнуть	промочить горло*	чеколдыкнуть
дернуть*	куликнуть	пропустить (рюмку)*	чибиргасить
дерябнуть*	<i>лечиться</i> ⁴	раздавить* ⁶	<i>шарахнуть</i>
дринчать ²	<i>ломать</i>	разогреться	<i>шваркнуть</i>
<i>жирануть</i>	<i>лупить</i>	распить*	<i>шлепнуть</i>
<i>заглотить</i> (стакан)	<i>махнуть</i>	<i>рвануть</i>	щелкнуть
(за) <i>квасить</i>			

¹ Обычно в повелительной форме: "Вздоргнем!"

² От англ. drink 'пить'.

³ Обычно в вопросительно-повелительной форме: "Отравимся?"

⁴ Выпить с похмелья.

⁵ Обычно в повелительной форме: "Покатили!"

⁶ Обычно с указанием дозы (100 грамм, бутылку и т.п.)

⁷ Преим. в среде музыкантов.

Часть II. Алкогольные термины и их толкования

абстинент, отказник – лицо, воздерживающееся от выпивки, непьющий

автопилот (реже *улет*) – психофизиологический механизм, позволяющий выпившему самостоятельно добраться до дома, хотя впоследствии он не может понять, как ему это удалось ("включить автопилот")

автопоилка (устар.) – автомат по продаже пива или сухого вина

аквариум – см. *стекляшка*

алконавт (ирон.), *алкав*, *алик* – хронический алкоголик, горький пропойца

андроповка – относительно дешевая водка, появившаяся в продаже при Ю.В. Андропове

аршин – небольшая доза АлНап¹

аптека – 1) винный магазин (ср. *лечиться*); 2) собирательное название лекарств, используемых в качестве АлНап

бабы слезы – 1) алкоголь; 2) пивная

балдеть – пить, получая удовольствие от процесса выпивки или от перехода в состояние опьянения

банка, пузырь – стеклянная емкость для АлНап, чаще всего – бутылка; *полбанки* – полбутылки

барыга – спекулянт, специализирующийся на продаже АлНап

безрукий – см. *автопоилка*

белая, белочка, белый друг – водка

белая головка – сорт водки в бутылке с алюминиевой крышкой (в противовес продаваемой тогда же более дешевой водке – см. *красная головка*)

бескозырка, матроска – 1) бутылка с алюминиевой крышкой, не имеющей язычка; 2) сама крышка (пробка) такой бутылки

биомицин – белое крепкое (от укр. *біле мицнэ*)

бо-бо – плохое самочувствие после выпивки (чаще всего головная боль)

бодун – тяжелое физическое состояние вследствие выпивки

бомба (а также *фугас, огнетушитель,*

Сабонис – по фамилии известного баскетболиста ростом 220 см) – бутылка емкостью 0,8 л, по форме сходная с бутылкой из-под шампанского; обычно содержит напиток низкого качества

Борис Федорович, Б.Фь (произносится : бэ-эфь) – клей БФ, употребляемый вместо АлНап

бормотолог – тот, кто потребляет преимущественно *бормотуху* (см.)

бормотуха, бормота́, бормоте́нь, гадость, гнилуха, отрава, червивка, чернила, компот, муцровка – дешевое крепленое вино низкого качества

буденовка (устар.) – бутылка водки, на этикетке которой был изображен буденовец на коне

бульки́, бу́ли – звуки наливаемой жидкости, используемые как мера объема ("наливать по булямкам")

буряк, бурячок – самогон из свеклы

бухой – пьяный; ср. также *бухать* – много пить, закладывать; *бухало* – собирательное название алкогольных напитков; *бухарики* (мн.ч.) – алкаши

в доску, вдребадан, в дупель (пьяный) – сильно опьяневший

Вера Михайловна – вермут

вермутъ, вертит-мутит – вермут

Верочка – вино марки "Иверия"

взять – купить АлНап

винище – вино

винт (винтовой) – бутылка с завинчивающейся пробкой

винтовой коньяк – одеколон

винчестер – вино

водяра – водка

выпасть (в осадок) – см. *вырубиться*

выпивон – выпивка

вырубиться – оказаться в состоянии бесчувствия вследствие чрезмерно большой дозы выпитого

выходец – см. *отходняк*

гадик – бутылочка коньяка емкостью 50 г

гадюшник – то же, что *пивнуха* (см.)

газ – собирательное название для АлНап (ср. *загазован, под газом* = выпивший)

галантерея – собирательное название заменителей АлНап, которые можно при-

¹ Здесь и далее так будем обозначать «алкогольные напитки».

обрести в галантерейном магазине (тройной одеколон, шампунь и т.п.)

глоток, капля, наперсток (ирон.) – доза выпитого; отнюдь не подразумевает малое количество

гонец – тот, кого послали купить АлНап; пользуется определенным расположением участников выпивки, вследствие чего ему и доверяют собранные деньги

готов – см. *туманы*

губастый, гранчик – граненый стакан (0,25 л) с гладкой полосой в верхней части; может означать также дозу вшитого ("приняли по губастенькому")

для дам, как дам – агдам (сорт вина)

доза – количество выпитого, обычно достаточная для опьянения

доктор – см. *лекарь*

доля («принять по дольке») – см. *доза*

жбан – голова ("жбан трещит")

зажевать, заклевать – закусить

заквашенный – выпивший (заквасить = выпить)

закусь, заед(ка) – закуска

залететь – попасть пьяным в милицию, вытрезвитель

замазка – закуска

занюхать – совершить действие, заменяющее закуску

зашииться – перенести операцию по шиванию противоалкогольной спирали

Зося, Золушка – вино марки "Золотая осень"

из горла, из дупла – (пить) не наливая, прямо из бутылки

кабак – питейное заведение (собирательное название)

кайф, Кайф Петрович – удовольствие, испытываемое от процесса выпивки или от состояния опьянения (*ловить кайф*); *кайфолом* – большой кайф; *кейфарик* – тот, кто ловит кайф

кирной – пьяный (от *кирять* = пить – ср. «пошли, кирнём!»).. Соответственно: *кирюха, Кирюша, Кир Иваныч* – пьющий, но не так, как алкаш; *кир* = выпивка; *накирялся* (напился); *недокирит* – недоливший свою дозу и поэтому испытывающий потребность добавить; *перекирит* – тот, кто

перепил, перебрал

клопомор – коньяк

коленвал (или *пьяная*) – сорт водки, имевшей на этикетке надпись:

В Д а

О К

колотун – специфическое физиологическое состояние после сильной выпивки; похмельный синдром

копытник – см. *гонец*

коричневый – коньяк

косорыловка – самогон

краска, краснотуха – красное вино, обычно крепленое и дешевое

красная головка – сорт водки, продававшейся в бутылках с залитым красным сургучом горлышком

кристалл – чистый, незамутненный АлНап (обычно – о водке)

кучер – водка, на этикетке которой нарисована тройка (продавалась при К.У. Черненко)

кущи – кусты, в которых удобно распить АлНап

лачок – напиток, потребляемый после крепкого АлНап, напр., пиво или красное вино после водки ("покрыть лачком")

лекарь – то же, что *похметолог* (см.)

литруха – 1 литр

ломка – плохое самочувствие после выпивки; похмельный синдром

луноход – см. *хмелеуборочная*

Ляля – собирательное название бутылок

мальчик, малец, маленькая, мерзавчик,

мотылек – бутылка маленького размера (0,25 или 0,33 л)

Марусин поясок – гладкая полоска в верхней части граненого стакана ("налить по Марусин поясок", а не полный)

междусобойчик – совместная выпивка, застолье

мокрое – оппозиция к сухому (вину); крепкий или крепленый АлНап

на бровях (быть на бровях) – (быть) пьяным

на бугре – пивная; особенно, если она расположена на высоком месте

нагубениться – сильно выпить, перебрать

напиться в дупель, в кайф, до блева, до остекленения – очень сильно выпить, потерять контроль над собой вследствие выпивки

наркомовские – 100 г водки, даваемые на фронте перед наступлением

на троих, сообразить на троих – (выпить бутылку) втроем; *строить(ся)* – собраться втроем для совместной выпивки

на халяву – не платя денег, даром ("выпить на халяву")

нахрюкаться – сильно выпить, нализаться (*хрюкнуть* = выпить)

нашарпаться – напиться

не просыхать – находиться в состоянии запоя, не трезветь

но́лито – налито (по рюжкам)

одеколоницк – тот, кто в качестве АлНап потребляет одеколон

одинар – пьющий в одиночку

остаканиться – выпить по стакану

остограммиться – выпить по 100 г; вообще выпить

откат, отруб – бесчувственное состояние после выпивки (*быть в откате, быть в отрубe*)

отход – состояние постепенного выхода из опьянения ("быть в отходе")

отходняк – лицо, находящееся в состоянии протрезвления, «в отходе»

отшлюзоваться – разойтись по домам

партейное – портвейн

парфюмерия – см. *галантерея*

Паша Ангелина – см. *бурак* (по имени трактористки, работавшей на свекольных полях)

пережрать, нажраться – чрезмерно напиться, перебрать

перепел – плохое самочувствие вследствие выпивки, синдром похмелья

петля – очередь в магазине

пивец – см. *питок* (преимущ. в среде музыкантов)

пивнуха – пивная, забегаловка (обычно невысокой категории)

пивняк – пиво

пионерчик (устар.) – бутылка емкостью 100 г

питок – пьющий, не абстинент (см.)

пить до упора – пить, пока не вырубись (см.)

плододовыгодное – дешевое плододовыгодное вино

по граммуле – (выпить) по грамму, немного

Поленька, Полина Ивановна – политура, употребляемая в качестве АлНап

политрук – тот, кто пьет в качестве АлНап политуру

полканить – шакалить

понюхать – см. *занюхать*; в последнее время приобретает значение, связанное с наркоманией

портвишок – портвейн

потяжелеть – сильно выпить

похмелька, с похмелючи, с похмелá – похмелье, с похмелья

похметолог – тот, кто деньгами или АлНап обеспечивает возможность опохмелиться; ср. *лекарь*

проскочил – констатация того, что организм хорошо принял выпитую дозу («стакан проскочил»); аналогично: *хорошо пошла*

пугать унитаз – эвфимизм, называющий неблагоприятные физиологические последствия выпивки. Значение ясно из анекдота: «Мама, что с папой? Он стоит на коленях и пугает унитаз.» Синонимичные обороты: *общаться с уником, вызывать ихтиандра, исполнять риголетто, хвалиться щами, метать харч*

пяточок – место выпивки; чаще всего – пивная

пятая – бутылка емкостью 0,5 л

разводящий – стакан, идущий «по кругу»

раскатать губу – предъявить необоснованные претензии на выпивку

реанимация – действия, обеспечивающие возможность опохмелиться

резать банку – открывать бутылку; вообще выпить

резьбовой – см. *винт*

родимая – водка

рыгаловка – то же, что *пивнуха* (см.)

рыковка (устар.) – первая советская водка (1925 г.); Рыков – предсовнаркома в это

время

рысачить – бегать в поисках АлНап

самопляс – самогон

сдаться – явиться в диспансер на лечение (от алкоголизма)

седьмая – бутылка емкостью 0,7 л

сельно (пренебрежит.) – прозвище сельского жителя (ср. "деревня")

сивота, *сивушняк* – сивуха

слезы Мичурина (устар.) – вино марки "Золотая осень"

слезы комсомолки – АлНап, представляющий собой смесь одеколona и газированной воды

сломаться – потерять контроль над собой вследствие сильного опьянения

смур(н)еть – прийти в состояние "туманы" (см.)

сок – пот («сок выступил»)

сообразить – собраться с целью выпить

сотка (устар.) – 100 г

спиртыга – спирт

стаканЫ (мн.ч.) – посуда для распития АлНап; чаще всего граненые стаканы

ствол: 1) выпивка; 2) бутылка); *стволить* – пить

стекляшка – магазин или кафе со стеклянными стенами

Степочка (ласкат.) – стопочка, стопка

стервецкая – водка «Стрелецкая»

стопарь – стопка

стрип – улица (*бухать по стрипу* = пить на улице, не дома)

сучок – водка плохого качества

сушняк, *сухарь*, *Сухэ Батор* – сухое вино

тормозить – сбавлять темп выпивки в ситуации, когда остается мало АлНап, но есть желание растянуть удовольствие

торчок – собутыльник, находящийся в состоянии сильного опьянения (торчать = еще сидеть за столом, но уже пребывать в состоянии невменяемости)

точка – место продажи АлНап (магазин, ларек и т.п.)

тошиловка – см. *пивнуха*

трезвяк – трезвый

три ступеньки – винный магазин или пивная, расположенная в полуподвале

тройной – тройной одеколон, употреб-

ляемый как АлНап

трясун – см. *колотун*

туманы, *мутный* – замутненное (вследствие опьянения) сознание

тю-тю – состояние опьянения с потерей контроля над собой

уксус – плохое вино

У Ну (устар.) – бутылка с жестяной пробкой, имеющей язычок (аналогия с головным убором У Ну – гос. деятеля Бирмы, популярного у нас во времена Н.С. Хрущева)

упиться в сосиску – напиться до бесчувствия

флэт – дом, квартира (*бухать на флэту* = пить дома, не на улице)

флакон – 1) емкость для парфюмерных жидкостей, употребляемых в качестве АлНап; 2) то же, что *банка* (см.)

фурик – см. *одеколончик*

фуфырь, *фанфурик*, *фанфарик* – емкость для АлНап, банка (см.)

ханка, *ханя* – бутылка водки

ханыга – доходяга, очень слабый здоровьем

хвост – тот, кто держится поблизости от пьющих и шакалит (см.) с целью получить дармовое угощение или как минимум пустую бутылку

хмелеуборочная – милицейская машина, подбирающая пьяных

хорош сидим – выражение удовольствия от процесса выпивки, застолья, компании

хронь – хронический алкоголик, *алкаш* (см.)

хрусталь – пустые бутылки, предназначенные к сдаче в качестве стеклотары

хрюкнувши, *хрюкнувши* – сильно выпивши (см. *нахрюкаться*)

хромой – пара бутылки разного размера (напр., пол-литра и четвертинка)

чан – см. *жбан*

чапók (устар.) – место, где АлНап продаются в розлив

чека – бутылка 0,25 л; аббревиатура от *чекушка* (см.)

чекушка – 1) небольшая рюмка; 2) бутылка 0,25 л

четверть – четвертинка, бутылка 0,25 л

шакалить – выпрашивать АлНап на халюву

шалман – см. *кабак*

шампунь – шампанское

шáра – компания (*поставить на шáру* – выставить угощение компании; выпить на шáру – выпить бесплатно, воспользоваться выставленным угощением)

Литература:

Василевич А.П. Специальный язык: статус и методы исследования. Уч. Зап. Тартусск. ун-та. 1988, Вып. 838.

Зализняк А.А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики.

М., МГУ, 1977.

Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983.

Солнышкина М.А. Словарь морского языка. М., 2005.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., Наука, 1971.

Cramer P. Word association. N.Y., Academic Press Inc., 1968.

Hudson K. The jargon of the profession. L., 1979.

Sager J., Dungworth D., McDonald P. English special languages. Wiesbaden, 1980.

Е.И. Горошко

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ)

В настоящее время в эпоху глобальных коммуникаций общение через сеть Интернет становится одним из самых популярных. И это общение соединяет и порождает громадное разнообразие речевых практик, способов и форматов коммуникации. В XXI веке можно говорить уже о появлении виртуальной языковой личности, которая является «непосредственным» речевым порождением высоких технологий. Более того, если мы попытаемся реконструировать или скорее *деконструировать* модель виртуальной языковой личности, то предполагаемая деконструкция может быть проведена по определенным биосоциальным параметрам, составляющих виртуальную личность – *образование, возраст, социальное происхождение* и прочее. Не последнее место, по данным анализа как англоязычной, так и русскоязычной Интернет-коммуникации, здесь занимает и гендерная составляющая этой личности [Компанцева 2004; Горошко 2005а; 2005б; 2005г].

Сразу же подчеркнем, что собственно сама категория *гендер* может приобретать определенную специфичность именно в электронной коммуникации: при опосредо-

вании электронной средой некоторые гендерные особенности коммуникации могут проявляться иначе, или нейтрализовываться, или возникать в новых формах, которые не фиксируются при обычном общении. В плане взаимосвязи гендерного параметра с другими психофизиологическими или социальными факторами была зафиксирована устойчивая корреляция гендера с возрастом и профессиональной деятельностью участников электронной коммуникации. Менее значимыми стали социальный статус и этническая принадлежность, что косвенно может свидетельствовать о большей демократичности в целом всей виртуальной реальности. Однако этот вопрос требует отдельного изучения. Ряд работ, посвященных гендерным аспектам Интернет-обучения с использованием лингвистического аппарата, показал, что Интернет-среда также отнюдь не гендерна нейтральна, а во многих планах более враждебна женщине, чем мужчине [Postmes, Spears 2002]. При этом почти все исследователи признают, что гендерные особенности в электронном общении скорее являются тенденцией и носят вероятностный, а не

инвентарный характер [Herring 2004].

Заметим также, что проявление гендерного параметра в Интернете исследуется с различных дисциплинарных позиций и теоретических парадигм. Изучаются:

- гендерные ресурсы Интернета;
- виртуальные типы и стереотипы;
- особенности в выборе и поиске информации в Интернете;
- способы конструирования и трансформации виртуальной идентичности и некоторые другие проблемы [Barnes 2003; Wallace 1999].

В целом, проведенный теоретический анализ основных подходов к изучению гендерных аспектов виртуальной коммуникации, показал, что на настоящий момент существует пять альтернативных моделей описания мужского и женского вербального поведения в сети:

- *теория гендерных субкультур*;
- *теория сглаживания гендерных различий*;
- *перформативная теория*;
- *теория речевого сообщества*;
- *и теория Киберспик*¹.

В *теории гендерных субкультур* [Tannen 1992] в её приложении к виртуальному общению продолжает развиваться и доказываться *гипотеза о стиле коммуникативного соперничества*, свойственного мужской электронной коммуникации и *коммуникативного сотрудничества*, характерного женскому коммуникативному виртуальному поведению [Blum 1999; Herring 1992 - 2003].

Теория сглаживания гендерных различий признает, что гендер в сети является нестабильным, плавающим параметром, интенсивность проявления которого зависит от целого ряда коммуникативных показателей: коммуникантов, среды, канала передачи информации и многого другого [Rodino 1997]. Так, существуют ситуации, когда

гендерный фактор не оказывает практически никакого влияния на речевое поведение общающихся. Также описан ряд ситуаций в Интернете – где от гендера участников зависят многие дискурсивные характеристики электронного общения [Горошко 2004-2005].

Перформативная модель гендера в сети выстраивается на основе семи допущений:

- женщины не являются однородной группой;
- гендер является динамичным параметром;
- культурная идентичность является достижимой;
- предположение, что пол, гендер и желание – одно и то же является ошибочным;
- гендер можно «исполнить» и без опоры на гендерную идентичность человека;
- исполнение гендера является обязательным, однако форма этого исполнения может видоизменяться;
- выбор различных способов выражения гендера приводит к гендерному беспокойству (gender trouble), и оно, по Дж. Батлер, преследует политическую цель, при которой радикальное распространение гендерных идентичностей вытесняет и подрывает существующие гендерные нормы [Butler 1990; Wolejszo 2003].

В рамках перформативного подхода *гендер* считается разыгрываемой конструктивистской практикой. Ученые, разделяющие перформативные взгляды на гендер, «уводят» это понятие из проблемного поля «мужской/женской идентичности» и собственно из социолингвистики гендера. В перформативных теориях фокус изучения перемещается от того, *как быть мужчиной или женщиной*, к тому, *как выразить, разыграть* гендер: т.е. происходит постепенный переход от анализа категории *идентичности* как некой стабильной данности к изучению практик означивания, когда *гендер* рассматривается как дискурсивный конструкт. «Гендерные» речевые акты показывают, как языковые ресурсы (доступные большому количеству «пользователей») присваиваются и структурируются в

¹ Первые четыре теории работают как в предметном поле реальной, так и виртуальной коммуникации. Теория же *Киберспик* возникла только с появлением Интернет-коммуникаций.

речи. В киберпространстве виртуальный гендер рассматривается только как текстовой перформатив. Никто может и не догадываться о реальной половой принадлежности общающихся. Акт перемены гендера в этой теории рассматривается как губительный, разрушительный, т. к. он кидает вызов и подрывает существующие культурные представления о гендерных основах коммуникации. Авторы этой теории полагают, что смена гендера в сети способствует углублению понимания того, что различия в коммуникации более зависят от фактора власти, нежели гендера.

В *теории Киберспик* утверждается, что сама киберсреда, а не гендер оказывают определяющее влияние на наше общение [Baker 2002; Brown 1998; Quadro 2000]. Эта теория считается базовой для «измерения» и оценивания «гендерного» пространства в Интернете. *Теория Киберспик* возникла именно для описания постоянно меняющейся среды, которую представляет собой Интернет. В сети нет ничего стабильного, постоянного. Здесь в силу смены и совершенствования технологий всё меняется стремительно: коммуникативные стратегии и тактики, сам киберязык, породивший, например, ещё одну форму речи (письменно-устную) [Yates 1996], очертания киберпространства и «текстовые» презентации его участников. Видоизменяется здесь и гендер, и его теоретическое осмысление: от *описания различий* в гендерных коммуникативных стилях постепенно переходят к понятию *восприятия этих различий в зависимости от самого гендера*. В парадигмальных рамках *теории Киберспик* утверждается, что среда и технологии сильнее, нежели гендер влияет на наш виртуальный коммуникативный опыт. Все данные, полученные в рамках других подходов, которые более сосредотачиваются на различиях, рассматриваются с точки зрения восприятия этих различий или нашего ожидания того, что можно предвидеть от мужского или женского виртуального коммуникативного поведения.

В рамках *теории речевого сообщества*

[Eckert, McConnel-Ginet 2003] исследователи исходят из того, что сообщества, занимающиеся одинаковой практикой (в т. ч. и речевой), как бы опосредуют отношения между социальной идентичностью и особенностями речи его представителей. При таком подходе происходит смещение исследовательского акцента с вопроса «Как говорят женщины?» или «Как говорят мужчины?» на вопросы: «Какими лингвистическими средствами могут и пользуются люди для своего представления как мужчины или как женщины?», «Какие лингвистические практики поддерживают определенные гендерные идеологии и нормы?», «Как новые идеи о гендере входят в наше повседневное мышление и жизнь?», «Каким образом и почему люди меняют лингвистические и гендерные практики?» И ... совместная деятельность и устойчивое речевое сообщество влияют больше, нежели гендер или любой другой ситуативный или биосоциальный параметр.

Несмотря на все их концептуальные различия, эти теории позволяют описать практически все существующие речевые «гендерные» практики и проинтерпретировать с позиций гендерной теории особенности Интернет-коммуникации. И эти теории объединяет ряд общих позиций по «видению» гендера в сети:

Во-первых, в основе этих подходов лежит понятие «деятельность».

Во-вторых, они все рассматривают гендер как определенный конструкт, социальный продукт, получаемый или воспроизводимый при некоторых условиях.

В-третьих, все они подчеркивают динамизм, изменчивость и нестабильность гендерного параметра, зависящего от целого ряда факторов.

В-четвертых, они все подходят к осмыслению гендера через опосредованные средой и языком вербальные практики.

Однако их интерпретационной силы не всегда достаточно, чтобы пояснить крайне высокую противоречивость результатов исследований в этой предметной области. Возможно, в скором времени появится и

универсальная теория, описывающая всё многообразие коммуникативных практик Интернета, которая сможет проинтерпретировать все коммуникативные явления сети – время покажет. Но, как мне кажется, неоспоримо то, что именно изучение электронной коммуникации позволяет посмотреть на гендер именно с позиций его множественности, изменчивости, нестабильности и «розыгрыша» и смоделировать целый ряд допущений, которые в реальном общении или достаточно сложно, или практически невозможно «воспроизвести».

Однако в предлагаемом ниже исследовании я решила отойти от существующих гендерных электронных теорий и посмотреть на гендерные особенности в восприятии сетевых технологий с помощью только психолингвистических методов. Методы психолингвистики достаточно надежно рекомендовали себя уже при изучении гендерного фактора в коммуникации: при исследовании образов языкового сознания и гендерных речевых стереотипов [Горошко 2003; Кирилина 1999; 2004]. И здесь достаточно интересной задачей становится посмотреть, как психолингвистический инструментарий можно использовать для изучения вербального пространства Сети.

Наиболее изученной в плане гендерных особенностей стала англоязычная и немецкоязычная электронная коммуникация. Работ по материалам «славяноговорящего» сегмента Сети гораздо меньше [Горошко 2004; 2005; Компанцева 2004], и совсем малоизученным исследовательским объектом являются гендерные особенности в восприятии информационных технологий. На мой взгляд, эта тема может быть проанализирована с нескольких позиций. С одной стороны, тут может быть интересным изучение сетевых мужских и женских персонажей – своеобразных мифологем, представляющих рефлексию нашего сознания на сетевую жизнь (например, образ *Масяни* как символ унисексистского подхода к сетевым технологиям в Рунете) [Жаворонок 2002]. С другой стороны, может быть проведена серия психолингви-

стических экспериментов, позволяющих довольно точно регистрировать и описывать черты коллективного языкового сознания во всем их развитии и разнообразии: например, гендерные стереотипы в восприятии Интернет-технологий и коммуникаций могут быть проанализированы с использованием методики свободного или направленного ассоциирования.

Замечу, что исследований гендерных типажей Рунета немного, но всё же они существуют [Архипова 2003; Жаворонок 2002; Компанцева 2004; Митина, Войскунский 2005; Шерман 2002, 2004]. По результатам опроса, проведенного психологом Ларисой Архиповой, среди мужчин были выявлены наиболее характерные черты, приписываемые образу женщины в Интернете: в этом списке на первое место по положительным качествам попали «*продвинутость*» в коммуникативных и деловых навыках, любознательность, ум. Этот образ демонстрирует относительно молодую, образованную, креативную, независимую от социального окружения женщину-пользователя, имеющую тягу к курению, питью пива и кофе [Архипова 2003: 2]. К сожалению, из текста этой работы не совсем понятна методика эксперимента: то ли предъявлялся список уже готовых черт личности, то ли опрашиваемые сами придумывали черты женского виртуального образа. Не понятен и вопрос о количестве людей, участвующих в опросе.

Ещё ряд работ по женским и мужским образам сети выполнен с лингвокультурологических или литературоведческих позиций [Компанцева 2004; Шерман 2002; 2004]. Их выводы схематически сводятся к тому, что особое место в Рунете занимает *бытование* мужских и женских образов, отражающих реакцию массового сознания на не имеющие аналогов, по мысли Л. Ф. Компанцевой, в прошедшем явления действительности [Компанцева 2004: 294]. Это своеобразные виртуальные образы *сетян*, которые стали не только частью рунетовской, но уже и массовой культуры. Из наиболее значимых женских образов

упоминается *Масяня, Хакерша, Ведьма, Женщина-чайник, Блондинка*, из мужских – *Виртуальный Семьянин, Мачо, Хакер*. Примечательно, что все эти образы строятся по стереотипу *типично женское/мужское* (образы *Блондинки* и *Мачо*) и *женщина/мужчина в сети тоже может быть человек* (без заметной акцентуации половой принадлежности), представленных в образах *Спамера* или *Масяни*. Некоторые из них также подчеркивают, что для определенных личностей компьютер – это часть их жизни и души (образы *Хакера/Хакерши, Чайника/(Чайницы?)* обеих полов и их всевозможных разновидностей, а также примкнувшей к ним *Ведьмы*, которая мстит всей мужской части киберпространства, не оценившей её по достоинству, флудит, спамит, пакостит в гостевых книгах и создает феминистские сайты).

Все женские образы как бы выстроены в наивном сознании сетян из предположения, что женщина в сети – «...явление редкое, нетипичное, возможно, даже аномальное. Степень аномальности явления зависит не только от фантазии очередного автора, но и от заикленности его на патриархальных стереотипах» [Шерман 2002]. Я не буду останавливаться на подробном описании этих образов, отошлю читателя лишь к блестящим работам Елены Шерман [Там же], Светланы Жаворонок [2002] и Ларисы Компанцевой [2004], где эта тема прекрасно раскрывается. Все женские киберобразы, по мнению Е. Шерман, не получили подлинно новаторского отражения, и все типы «кибервумен» собраны из кусочков былых гендерных стереотипов и по давно знакомым схемам. Однако встает вполне оправданный вопрос: насколько эти образы соотносятся с реальной пользовательницей Рунета, показанной нам социальными дисциплинами?

Следует признать, ни один из существующих образов кибервумен не может приблизить нас к пониманию женского сегмента Интернет-аудитории, потому что ничего общего с реальностью не имеет. Эти образы являются своеобразными соци-

ально-культурными мифологемами, типажам, существующими лишь в символическом пространстве. И именно в нем «... где-то там хохочет Блондинка, шипит Ведьма, хлопает глазами Женщина - “чайник”... короче, там чудеса, там леший бродит, и русалка на ветвях сидит, держа новейший лаптоп в зеленоватых ручках и весело размахивая хвостом» [Шерман 2002]. Эта же исследовательница Интернета считает, что создание мифологем – образов сетян – типичная реакция массового сознания на попытку передела социального пространства (вторжение женщин в мужскую сферу влияния), а также попытка противопоставить женское начало агрессивному хаосу изначально мужской киберсреды [Шерман 2004].

А какие же гендерные типаж и образы «вырисовывает» нам реальное наивное сознание людей, которые пользуются сетью каждый день как на уровне пользователя, так и профессионала?

Для того чтобы изучить гендерные аспекты образов сознания пользователей Интернет-технологий мы провели трехступенчатый ассоциативный эксперимент. Наше обращение к методике ассоциативного эксперимента было вызвано тем, что она достаточно четко и адекватно позволяет описать образы группового языкового сознания, функционирующие в интракультурной среде с возможностью выделения и описания дифференцирующих параметров (пол, возраст, уровень образования и прочее) [Горошко 2001; 2003; Кирилина 1999].

Эксперимент был организован следующим образом. Первый этап проходил в 2005 году. Выборка была сформирована из списка адресатов почтовой электронной рассылки автора этой статьи. Всем членам списка была разослана для заполнения специальная анкета с подробной инструкцией, применяемой во всех свободных ассоциативных экспериментах. Анкета содержала 19 стимульных слов, относящихся:

- или к гендерно-маркированной лексике (*женщина, мужчина, гендер*);
- или Интернет-реалиям (*виртуальный,*

Интернет, компьютер, электронный, гипертекст, чат, ник, аватар, блог, киберпространство, общаться в Интернете, e-мэйл, форум);

- или к двум областям одновременно (я в сети, женщина в Интернете, мужчина в Интернете).

Всего было прислано 150 анкет, из них для анализа было выбрано присланных первых 50 мужских и женских анкет. Средний возраст респондентов колебался от 25 до 55 лет, уровень образования – высшее гуманитарное или техническое. Все опрошенные владели компьютерными технологиями на уровне пользователей и были достаточно частыми «посетителями» Интернета¹. Форма проведения – *письменно-письменная*, т. е. на письменно предъявленный стимул респонденты записывали реакции.

Полученные результаты показали, что гендерная компонента зримо присутствует в наивном сознании Интернет-пользователей. Так, на словосочетание «Женщина в Интернете» опрошенные информанты-мужчины выдали самые разнообразные реакции, начиная с *Ой!*, *обезьяна*, *находка* и *дура*, и заканчивая риторическим вопросом *А что-то не так?* Для женщин самыми типичными же ответами стали *сильная*, *подруга*, *надежно* и *общение*. Правда, при проведении этого эксперимента меня поразило и количество полученных отказов отвечать на это словосочетание именно среди женщин. Создается впечатление, что из наивного сознания женский образ в Интернете сами же женщины хотят и убрать, не желая себя видеть или осознавать в электронной среде?!!

Примечателен и тот результат, что словосочетание «Мужчина в Интернете» уже у мужчин вызвал самое большое количество отказов², и он может быть и *глупым*, и *то-*

варищем, и *ковбоем*, и простым смертным, *то бишь пользователем* и *блин!* Вот так!

Женщины мужской образ в Интернете видят инструментально: он – *пользователь*, *программист*, *системщик*. В тоже время он – *мачо* и *агрессивный*, а иногда может быть и *виртуальным фантомом*. И это *обыденно*.

Можно заметить, что приведенные результаты относятся к пилотному эксперименту. Но даже при опросе всего 100 лиц мгновенно просвечивают определенные стереотипы и некоторые патриархатные установки нашего наивного сознания. Поэтому по результатам первого эксперимента, я решила провести ещё два контрольных «замера».

Второй эксперимент проходил в 2006 году в два этапа. Первый этап был также проведен с помощью метода свободных ассоциаций. Группе информантов (121 мужчине и 124 женщинам – носителям русского или украинского языков (35% отмечались случаи украинско-русского двуязычия) в возрасте от 18 до 23 лет с высшим неоконченным компьютерным или экономическим образованием) предлагалось ответить первым пришедшим в голову словом на список стимулов, предъявляемом в пилотном эксперименте 2005 года. Форма проведения эксперимента – устно-письменная, т. е. стимулы зачитывались устно экспериментатором, а реакции давались в письменном виде.

Таким образом, было собрано 38 ассоциативных полей.

Анализ ядер ассоциативных полей реакций показал следующую картину: на стимул «Женщина в Интернете» самые частотные женские реакции стали следующие слова: *«информация – 14, пользователь – 11, сеть – 9, знакомства – 6, всемирная сеть – 4, общение – 4, интересно – 4, связь – 3, USER – 2, знания – 2»*. Аналогичный мужской ассоциативный ряд выглядел та-

¹ Дополнительно респондентам предлагалось заполнить анкету с указанием их биографических данных и отношений с Интернет-технологиями (см. Приложение №1).

² Мне кажется, что анализ подобного количества отказов на *рефлексию мужского и женского в сети* требует самостоятельного изучения, и в настоящий момент я не берусь

проинтерпретировать полученный результат: тут требуются более углубленные исследования.

ким образом: «знакомство – 6, пользователь – 6, обезьяна с гранатой – 5, порносайт – 4, красота – 3, ламер – 3, общение – 3, картинка – 2, лузер – 2, ну и что? – 2, радость – 2, собеседник – 2, супер – 2, фото – 2, бот – 2, информация – 2». На качественном уровне анализа сразу же можно увидеть коммуникативную окраску этого образа как мужчинами, так и женщинами, при этом только мужское поле имеет определенный эротический оттенок. Мужские реакции также на этот образ были более разнообразны, чем женские.

А вот «Мужчина в Интернете» для самих мужчин мыслится прежде всего как: «хакер – 12, пользователь – 9, работа – 7, общение – 4, уалец – 4, извращенец – 3, поиск – 3, программист – 3, собеседник – 3, чувак – 3, знакомство – 2, чат – 2, я – 2», а для женщин – «пользователь – 12, хакер – 10, работа – 7, знакомства – 6, игра – 4, общение – 4, деловой – 3, программист – 3, солидный – 2, любопытство – 2, поиск – 2, профессионал – 2, спорт – 2, умный – 2, ученый – 2». По приведенным реакциям мы видим, что гендерные особенности в восприятии мужского образа практически отсутствуют.

Стимул «Я в сети» для женщин определяется как «общение – 11, поиск – 7, ищу информацию – 7, я общаюсь – 6, пользователь – 5, онлайн – 5, работа – 3, всегда – 2, виртуальный мир – 2, Интернет – 2, пишу – 2, знакомство – 2, обмен информацией – 2, обучение – 2, ура – 2, подключилась – 2, чат – 2, занятость – 2», а для мужчин: «on-line – 24, пользователь – 7, работаю – 6, игры – 5, хорошо – 3, слова на электронной воле – 2», что ещё раз косвенно подтверждает тот факт, что интересное общение, доступ к важному источнику знаний и рабочая необходимость – вот основные мотивы интереса женщин к Интернету. Это становится вполне понятно при сопоставлении этих результатов с данными, например, социальных психологов: только у женщин понятие *общение* коррелирует с понятием *счастье* [Ильин 2002: 178; Johnson, Termal 1940], и, кстати, по данным

тех же психологов, объем общения у мужчин в полтора раза меньше, чем у женщин [Бодалев 1983].

Образ собственно Интернета для женщин связан с *миром – 17, информацией – 16, компьютером – 7, общением – 7*. Он – *нереальный – 5, недостижимый – 4, не настоящий – 3*. Это – *сеть – 5, игра – 4, Интернет – 3, реальность – 3*. Для мужчин «Интернет» видится как «*мир – 24, секс – 8, ненастоящий – 8, игра – 6, нереальный – 6, общение – 6, компьютер – 5, интернет – 3, информация – 3, несуществующий – 3*». По приведенным реакциям видно, что только для мужчин он также эротически окрашен, как и стимул «Женщина в Интернете».

По каждому ассоциативному полю высчитывались также показатели разнообразия и стереотипности реакций, описанные подробно в работах автора этой статьи [Горюшко 2001; 2003].

Третий этап проходил с этой же группой информантов: им предлагалось написать пять любых слов, наиболее четко характеризующих Интернет, упорядочив их по значимости, т. е. был использован модифицированный метод цепных ассоциаций, позволяющий более четко структурировать личностные смыслы, вкладываемые информантами в данное понятие. Таким способом было получено по пять ранжированных женских и мужских полей.

Мужчины определили Интернет следующим образом: на первое место вышли такие слова как: *информация – 19, быстро – 6, быстрота и быстрый – 2, сеть – 5, развлечение – 3, удобно – 3, общение – 2*. На второе место вышли такие составляющие Интернета, как: *развлечение – 5, удобно, удобство и удобный – 2, связь – 2, на третье – скорость, связь и удобный*.

Женщины проранжировали Интернет как: *информация – 22, сеть – 9, общение – 6, скорость – 6, удобно – 4, доступно – 4, быстрота – 3, быстрый – 2* заняли первое место. Второе место по значимости занял такой ассоциативный ряд: «*общение – 14, доступность 8, доступно, доступный – 3,*

доступ к информации – 2, информация – 7, быстро – 5, связь – 3, способ связи – 2». На третье место были поставлены такие реакции: «общение – 7, скорость – 4, доступно, доступность – 4, дорого – 3, весело – 2, вирусы – 2, знакомства – 2, мир – 2, удобный – 2, сеть – 2». По этим результатам также видна заведомо большая значимость общения в сети именно для женщин. При этом женщины дали гораздо больше разнообразных реакций по всем пяти позициям в отличие от мужчин, что косвенно может свидетельствовать о большем интересе и значимости этого явления именно для женской аудитории.

Итак, проведенный качественный и количественный анализ всех 38 полученных свободных ассоциативных полей, а также 10 полей, полученных методом цепных ранжированных ассоциаций, выявил следующее:

- Женские реакции более разнообразны.
 - Стереотипность мужских реакций на стимулы, описывающие реалии Интернет-технологий (*ник, аватар, блог*), выше.
 - Мужские ассоциативные поля содержат также больше терминологической компьютерной лексики и сетевых жаргонизмов (*клава, аська, мыло* и прочее).
 - В женских ассоциативных полях стереотипность в ассоциировании четко коррелирует с количеством отказов от реагирования на стимул, особенно ярко это проявляется в ассоциативных полях, собранных от существительных *аватар* и *блог*.
 - Эксперимент четко выявил, что для женского языкового сознания категория общения в сети более значима, чем для мужчины.
 - В мужском языковом сознании более прослеживается инструментальный подход к высоким технологиям, что подтверждается и изучением гендерных особенностей мотивации пользователей Интернетом [Горошко 2005в].
- Проведенная серия психолингвистических экспериментов по выявлению особенностей в восприятии информационных

технологий четко продемонстрировала, что можно говорить о гендерных аспектах этого восприятия как на качественном, так и на количественном уровнях анализа. Более того, на мой взгляд, в рамках психолингвистического подхода может быть реализована ещё одна модель изучения гендерных отношений сети, выстраиваемая из нескольких допущений:

- Женщины более ориентированы на экспрессивный, а мужчины – на инструментальный подход к переработке и подаче информации, что подтверждает, например, теорию *гендерной схемы* Сандры Бем [Bem 1981] и что следует учитывать при создании, например, рекламной продукции в Интернете.

- В основу этой модели также может быть положено понятие «деятельность».

- И тот факт, что гендер может одновременно зависеть от среды, технологий, социума и пола информантов. В силу такой многосторонней и достаточно неоднозначной зависимости этот параметр в принципе не может быть стабильно фиксируемым и однозначно проявляемым. Более того, Сеть предоставляет возможность развиваться именно таким гендерным схемам и тактикам поведения, которые в реальной коммуникации в принципе происходить не могут, что позволяет посмотреть на гендер во всей *его множественности, нестабильности, коллажности и перформативности*. И сделать это можно только в виртуальной коммуникации, предоставляющей практически неограниченные возможности для гендерных экспериментов.

Литература:

Архипова Л. Образ женщины в виртуальной реальности. Интернет-публикация: (<http://www.isn.ruprop.index/62/shtml>), 2003, проверено 03.06.2006г.

Бодалев А. А. Личность и общение, М., 1983.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента, М. -Харьков, 2001.

Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма, М.-Харьков, 2003.

Горошко Е. И. Гендерные особенности русскоязычного Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.5, Т.3, Луганськ, 2004.

Горошко Е. И. Гендерный анализ электронной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2005а, №1.

Горошко Е. И. Гендерные особенности электронной коммуникации в Интернете // Право і безпека, Харків, 2005б, №4/6.

Горошко Е. И. Гендерные аспекты мотивации пользователей Интернет-ресурсами // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Зб. Наук. праць, Харків, 2005в.

Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. М., 2005г.

Жаворонок С. Масяня Куваева: Будни и праздники Интернет-девицы. Интернет-публикация: (<http://www.folk.ru/propp/new/gender.html>), 2002, проверено 03.06.2006г.

Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб., 2002.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты, М., 1999.

Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004.

Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет – коммуникации в постсоветском пространстве. Луганск, 2004.

Митина О. В., Войскунский А. Е. Интернет в гендерном измерении // Введение в гендерные исследования. М., 2005.

Шерман Е. Портрет кибервумен или миф женщине в сети. Интернет-публикация: (http://www.russ.ru/netcult/20030902_sher.html), 2002, проверено 03.06.2006г.

Шерман Е. Женский Интернет. Интернет-публикация: (http://www.russ.ru/culture/network/20040212_sherman.html), 2004, проверено 03.06.2006г.

Baker J. 2002. The Use of Emotional Markers as Visual Cues in Online Emotional Discourse. MA Thesis, SAN JOSE STATE UNIVERSITY.

Barnes S. B. 2003. Computer-Mediated Communication: Human-to-Human Communication Across the Internet, New York.

Bem S. L. 1981. Gender Schema Theory: A cognitive account of sex typing // Psychological Review, №8.

Blum K. D. 1999. Gender differences in asynchronous learning in higher education: Learning styles, participation barriers and communication patterns // JALN, vol.3, N1.

Brown N. J. 1998. Women gender switching on the Internet: a comparison of gendered communication style, PhD Thesis, Bowling Green State University.

Butler J. 1990. Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. New York.

Eckert P., McConnel-Ginet S. 2003. Communities of Practice: Where Language, Gender and Power All Live // Language and Society (Reader), UK (Firstly published in 1992).

Herring S. 1992. Gender and Participation in Computer-Mediated Linguistic Discourse. Washington.

Herring S. 1994. Gender Differences in Computer-Mediated Communication: Bringing Familiar Baggage to the New Frontier. Available at: <http://www.cpsr.org/>. проверено 03.06.2006г.

Herring S. 1996. Two Variants of an Electronic Message Schema // Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam.

Herring S. 1998. Virtual Gender Performances. Invited talk, English Department, Texas A&M University, College Station, TX, September 25.

Herring S. 2000. Gender Differences in CMC: Findings and Implications. In: CPSR Newsletter, 18, 1.

Herring S. 2001. Computer-mediated discourse // The Handbook of Discourse Analysis, Oxford: Blackwell Publishing.

Herring S. 2003. Gender and Power in Online Communication // The Handbook of Language and Gender Research, London: Blackwell Publishing.

Herring S. 2004. Slouching toward the or-

dinary: current trends in computer-mediated communication // *New Media and Society*, London: Sage Publications.

Herring S., Johnson D. A., DiBenedetto T. 1992. Participation in Electronic Discourse in Feminist Field // *Locating Power. Proceedings of the 2nd Berkley Women and Language Conference*, Berkley.

Johnson, W. B., Ternal L. V. 1940. Some highlights in the literature of psychological sex differences published since 1920 // *Journal of Psychology*, v.9.

Postmes T., Spears R., 2002. Behavior on-line: Does anonymous computer communication reduce gender inequality? // *Personality and Social Psychology Bulletin*, N28.

Quadro Del, J. A. 2000. Traditional vs. nontraditional gendered roles in Instant Relay Chat, MA Thesis, UNIVERSITY OF NEVADA, LAS VEGAS.

Rodino M. 1997. Breaking out of Binaries: Reconceptualizing Gender and its Relationship to Language in Computer-Mediated Communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol.3, N3.

Tannen D. 1992. *You just don't understand: Women and Men in Conversation*, London - New York.

Wallace P. 1999. *The Psychology of the Internet*, Cambridge.

Wolejsz, S. 2003. Gender trouble and the construction of gender identity on Internet chat sites MA Thesis, UNIVERSITY OF MANITOBA (CANADA).

Yates S. T. 1996. *Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study // Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspective*. Amsterdam.

А.А. Григорьев, Б.Н. Измалков, М.Ф. Казакова
**К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ
И АРТЕФАКТОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Примерно со второй половины 1980-х годов в специальной литературе стали появляться публикации, в которых сообщались довольно неожиданные результаты. Из этих результатов следовало, что механизмы, лежащие в основе психических операций со словами, принадлежащими к разным лексико-семантическим классам, различны. В одной из первых таких работ [Warrington, Shallice, 1984] были опубликованы результаты исследования 4-х пациентов, выздоровевших от herpes simplex encephalitis. Их просили либо идентифицировать предъявляемые изображения, называя их или описывая, либо давать определения названиям объектов, предъявлявшимся на слух, либо выбрать из набора картинку, соответствующую произнесенному слову. Эти действия больные выполняли лучше со словами, обозначающими неживые объекты, чем со словами, обозначающими живые объекты.

В работе [Farah, McClelland, 1991] содержится небольшой обзор результатов

подобных исследований в клинике. Из него явствует, что диссоциация имен живых и неживых объектов фиксируется достаточно устойчиво при различных поражениях головного мозга, однако, относительно направления диссоциации в полученных результатах имеется разноречие – были получены, хотя и в меньшем числе, данные о «преимущество» слов, обозначающих живые объекты, над словами, обозначающими неживые объекты.

К этому времени (начало 1990-х) выделилось 2 подхода к объяснению диссоциации названий живых и неживых объектов. Согласно первому, разные категории хранятся в разных отделах семантической памяти, по крайней мере, это имеет место для таких глобальных классов, как «живое» и «неживое». Иногда даже утверждается, что информация об этих двух классах хранится в разных отделах головного мозга. Согласно второму подходу, информация о категориях «живое» и «неживое» кодируется по-разному: живые объекты различаются пре-

имушественно перцептивными признаками, неживые – функциональными.

Позднее появился еще один подход к объяснению, согласно которому живые и неживые объекты представлены в семантической памяти однородными признаками, однако есть разница в организации признаков, в частности, у живых объектов признаки чаще появляются совместно. Мы еще вернемся к этому вопросу.

В дальнейшем поток работ, посвященных диссоциации имен живых и неживых объектов, по крайней мере, не сужался. Основные направления и результаты работ можно подытожить следующим образом.

Во-первых, в некоторых исследованиях члены двух категорий, «музыкальные инструменты» и «части тела», вели себя не так, как ожидали от них исследователи: первые – сходно с живыми предметами, вторые – с неживыми. Это было объяснено тем, что музыкальные инструменты репрезентированы перцептивными признаками, как живые объекты, а части тела – функциональными, как неживые (цит. по Coorens, Frisinger, 2005, 62). В дальнейшем были получены отличающиеся данные (там же). На наш взгляд, однако, этот факт требует более внимательного взгляда на классификацию *живое/неживое*.

Во-вторых, немало внимания было уделено тому, не является ли диссоциация живых и неживых объектов результатом действия других факторов (уделено возможности действия других факторов на выявленную диссоциацию живых и неживых объектов): утверждалось (цит. по Coorens, Frisinger, 2005, 62), что первые, преимущественно, менее частотны, менее известны и визуально более сложны. Результаты проверок, в общем, противоречивы. В цитируемой работе приводятся ссылки на 4 исследования, в которых «эффект категории» (имеется в виду категоризация *живое/неживое*) исчезал, когда другие возможные его источники были проконтролированы (контролировались), и 7 ссылок на исследования, в которых он сохранялся, хотя (несмотря на то что) стимульный ма-

териал по «подозреваемым» переменным был уравнен. В совокупности полученные данные, утверждают цитируемые авторы, убедили исследователей в существовании эффекта категории.

В-третьих, исследователи направили свои усилия на то, чтобы выяснить, имеет ли место диссоциация имен живых и неживых объектов не только в клинике, но и в норме. Этот вопрос интересовал, в частности, авторов цитированной работы. В их исследовании здоровым испытуемым разного возраста предъявляли изображения живых и неживых объектов и просили назвать эти объекты. Изображения неживых объектов правильно назывались чаще; у молодых испытуемых эта разница была крайне незначительной, у пожилых – весьма заметной. Со здоровыми испытуемыми имели дело и исследователи, к рассмотрению работ которых мы сейчас перейдем.

В-четвертых, расширился круг методик выявления диссоциации имен живых и неживых объектов. Так, в исследовании [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005], «инициировавшем», надо признать, настоящую работу, испытуемым предъявляли слова (таким образом, что соответствующая информация попадала либо в левое, либо в правое полушарие головного мозга) и просили как можно скорее решить, живой или неживой объект обозначает данное слово. Мы остановимся на высказанных в их работе положениях ниже.

Наконец, в-пятых, проводились исследования с использованием нейровизуальных методов. С помощью специальных приборов эти методы позволяют фиксировать, интенсивность работы тех или иных участков головного мозга при выполнении испытуемым различных задач. В исследовании [Vitali и др., 2005] испытуемые должны были «генерировать» про себя либо существительные, принадлежащие к категории «Животные», либо существительные, принадлежащие к категории «Инструменты». Обсуждая полученные результаты, авторы пишут, что наблюдалось различие в активности мозга при генерировании

членов этих двух категорий: при генерировании членов категории «Инструменты» имела место более интенсивная активация некоторых зон мозга, чем при генерировании членов категории «Животные», с другой стороны, при генерировании членов категории «Животные» не наблюдалось активации, значимо отличающейся от активации при генерировании членов категории «Инструменты» (Там же, 41).

Полученные в исследованиях результаты достаточно убедительно говорят о психологическом различии семантически разных классах лексики. Однако при уточнении того, в чем это психологическое различие заключается, возникают вопросы. Начнем с одного, возможно, внешнего противоречия, которому цитировавшиеся последними авторы пытаются дать объяснение. Это противоречие заключается в том, что при использовании разных методик направление диссоциации имен живых и неживых объектов меняется. При опознании рисунков живых и неживых объектов чаще правильно опознаются неживые объекты (хотя, как уже упоминалось, есть и противоположные данные). В то же время, в исследовании [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005] испытуемые быстрее осуществляли категоризацию имен живых объектов. Также в исследовании [Vitali и др., 2005] перечисление членов категории «Животные» вовлекло дополнительные области мозга по сравнению с категорией «Инструменты». Эти результаты расходятся с данными, полученными другими исследователями. Как можно понять из упомянутой выше работы, это объясняется тем, что в экспериментах других исследователей использовались изображения (Там же, 41). Объяснение связанным с использованием изображения фактором визуальной сложности уже было предметом проверки (см. выше). Есть и данные, полученные, правда, только на одном пациенте с поражением головного мозга, согласно которым успешность опознания рисунков объектов повышают «способность объекта вызывать действие, которое позволяет его однозначно опознать» и

«степень, в которой форма объекта определяет, как он должен быть использован» (см. Wolk, Coslett, Glosser, 2005). Как бы то ни было, использование в качестве стимульного материала рисунков привносит дополнительные требования к (вставить: организации, планированию) психической деятельности испытуемых.

Следующим является вопрос о целесообразности разделения имен объектов в связи с обнаруженными психологическими различиями на классы «Живое» и «Неживое». Не будет ли оправданной другая, возможно, более дробная классификация, не будут ли более подходящими другие названия классов? Насколько список контролировавшихся побочных переменных является исчерпывающим для исключения альтернативных объяснений? Кроме того, имеется ли значительная индивидуальная вариация внутри категорий, не объясняемая этими переменными? Эти вопросы мы обсудим, рассматривая подход к объяснению диссоциации имен живых и неживых объектов, основывающийся на разнице в организации признаков, которыми представлены в семантической памяти эти классы объектов. Глашатаями этого подхода являются авторы одной из цитированных работ [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005].

Подход этот, в общем, вызывает у нас благожелательный интерес. Действительно, многие живые объекты (или, если угодно, объекты из разных субординатных категорий) вроде бы схожи между собой, исследователи констатируют у них много общих и часто встречающихся вместе признаков. А вот у неживых объектов, преимущественно, общих признаков немного, зато признаки, которые их различают, четко соотносятся между собой (форма таких объектов соответствует их функции). Задача, которую использовали эти авторы в своем эксперименте – относить предъявляемые слова к классам «Живое» и «Неживое» – требует, по их утверждению, активизации только общих признаков (там же, 91). И отнесение имен живых объектов к своему классу будет происходить быстрее: многие

встречающиеся вместе признаки активизируют друг друга. Неживые объекты, таким образом, будут категоризоваться медленнее, и это, предположили авторы, будет особенно проявляться тогда, когда категоризацию будет осуществлять правое полушарие головного мозга. Последнее они основывают на том, что, как утверждают специалисты, «правое полушарие слабо активизирует широкие семантические поля» (там же, 88), и меньшее количество реже встречающихся вместе признаков будет активироваться хуже. При экспериментальной же задаче, требующей обращения к различающим признакам, диссоциация имен живых и неживых объектов «должна исчезнуть (и может даже обратиться)» (там же, 91).

Таковы, возможно, в упрощенном виде, положения данных авторов. При достаточно внимательном изучении их работы появляется желание подвергнуть ее более подробному критическому разбору. Мы, однако, предпочтем лишь высказать свои соображения по рассматриваемым вопросам.

Крайне маловероятно, что все данные, говорящие о психологической действительности членства в разных лексико-семантических категориях, являются артефактами. А даже если бы это было так, мы все равно были бы поставлены перед вопросом, почему члены одной категории более частотны и т.д. Когда же мы знакомимся с упомянутыми выше объяснениями наблюдаемых различий, сомнение вызывают два связанных момента: во-первых, оправданность глобальной категоризации *живое – неживое* и, во-вторых, упрощенный, на наш взгляд, подход к описанию структуры репрезентации категорий. Посмотрев на стимулы, обычно фигурирующие в классе «Неживое», легко увидеть, что это, за редкими исключениями, объекты, сделанные людьми, направляемыми «логикой» деятельности, воплощающими в них строй своего мышления и т.д. Вполне можно ожидать, что эти объекты будут отличаться от естественных если и не так, как языки программирования отличаются от естест-

венного языка, то, во всяком случае, весьма значительно. Просто странно, что цитированные выше исследователи не воспользовались достаточно распространенным противопоставлением «природные (натуральные) объекты – изделия (артефакты)». Придав значение указанным факторам, можно предположить, что в разных категориях изделий и даже в отдельных членах этих категорий они проявляются в разной степени и по-разному. Это ставит задачу сопоставления на более низких уровнях категоризации. Что же касается описаний структуры репрезентации категорий, то в них она предстает как неупорядоченное множество некоторых компонентов («узлов», признаков и т.д.), анализ которых ограничивается классификацией (на перцептивные и функциональные) и общими предположениями об их распределении среди членов разных категорий и степени связанности (также по отношению к разным категориям). То, что разные категории могут представлять собой различные «системы отношений», и то, что это может иметь последствия для их репрезентации в известных нам исследованиях психологической диссоциации категорий, игнорируется. Эти отношения разнообразны. Члены категорий могут вступать в отношение противопоставления (руки – ноги), в отношение взаимодополнительности (молоток – гвоздь), образовывать «коллекцию» и т.д. И разве с этой точки зрения неживые предметы одежды не представляются довольно близкими «живым» частям тела, а музыкальные инструменты не отличаются от других, более систематизированных категорий изделий? Сказанное не составляет никакого секрета для лексиколога, но указанные моменты должны учитываться и в психологических исследованиях.

Несколько слов (к сожалению, пока только как пожелание на будущее) скажем о попытках контроля побочных переменных. Есть основания для опасения, что такой контроль не может быть полностью исчерпывающим. Например, в исследовании [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005] сопостав-

ляемые стимулы (слова) уравнены по количеству слов, отличающихся от них одной буквой. Однако есть данные [Bowers, Davis, Hanley, 2005], что воздействие оказывают самые разные слова, являющиеся «подмножеством» стимульного слова (в «комар» «ком») и слова, «подмножеством» которых стимульное слово является («кол» в «колос» и «колесо»). К исследованию же [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005] (да и не только) можно предъявить претензию, что (в конце предложения) степень типичности членов используемых категорий не учитывается. Так что мотивированный критик почти всегда найдет, к чему прицепиться, благо вербальный материал, используемый в качестве стимулов, предоставляет для этого богатые возможности.

Последнее, что хочется сказать в связи с возможными действиями побочных переменных, относится специально к исследованию [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005]. В нем класс неживых предметов был выражен негативом (испытываемые относили слова к категориям *living* и *nonliving*). Было показано, однако, что, по крайней мере, в части случаев, действия с негативами требуют больше времени, чем те же действия с соответствующими позитивами (см. об этом, напр. Clark, 1976). Нам показалось это весьма вероятным источником зафиксированного в данном исследовании различия во времени категоризации. Это, наряду с вопросом о различии между более дробными категориями (такими как «Предмет мебели», «Предмет одежды» и т.д.) и между словами-стимулами внутри таких категорий, побудило нас предпринять настоящее исследование. Первоначально мы намеривались, повторив в первой серии эксперимента результаты [Pilgrim, Moss, Tyler, 2005], переформулировать во второй серии инструкцию так, чтобы она не предлагала испытуемому оппозицию «позитив-негатив» (т.е., испытываемые относили бы слова не к категориям живых и неживых объектов, а к категориям «Животные» и «Предметы»). Результаты первой серии,

однако, заставили нас полностью изменить планы. Но все по порядку.

Эксперимент 1

Метод

Испытуемые. В Эксперименте 1 были использованы данные 20 испытуемых. Число испытуемых, участвовавших в Эксперименте 1, было большим, но данные некоторых из них были забракованы по разным причинам. Большинство испытуемых были студентами вузов, некоторые уже имели высшее образование. Из 20 испытуемых, чьи данные были использованы, 8 – лица мужского пола, 12 – женского; средний возраст испытуемых – 21,8 года.

Материал. В качестве стимульного материала использовались 20 слов, обозначающих живые объекты (10 названий млекопитающих и 10 названий птиц), и 20 слов, обозначающих неживые объекты (7 названий предметов мебели и 13 названий предметов одежды). Список стимулов приведен в Приложении. Единственным ограничением, наложенным на стимулы, было то, что длина стимула не должна превышать 6 знаков. Ни по одной из переменных, признаваемых важными в подобных экспериментах, сопоставляемые стимулы уравнены не были.

Процедура. Использованная нами процедура представляла собой, по сути дела, упрощенный вариант процедуры из исследования [Pilgrim и др., 2005]. Эксперимент проводился индивидуально. Перед испытуемым помещался ноутбук, на экране которого высвечивалась инструкция. В инструкции говорилось, что будут предъявляться слова, обозначающие живые и неживые объекты. От испытуемого требовалось как можно быстрее и точнее определить, обозначает предъявляемое слово живой или неживой объект и сообщать свое решение, нажимая одну из двух указанных клавиш на клавиатуре указательным или средним пальцем правой руки. После каждого ответа будет даваться «обратная связь». Если испытуемому все было ясно, предъявлялись 14 тренировочных стиму-

лов. Этими стимулами были 7 имен живых и 7 имен неживых объектов. Стимулы высвечивались в центре экрана, перед каждым стимулом в течение примерно 0,5 сек. высвечивался значок «+». После каждого ответа на месте предъявления стимула высвечивалось «правильно» или «неправильно». Если было нужно, экспериментатор давал пояснения. По завершении тренировочной части переходили к основной. Высвечивалась инструкция, сообщавшая об этом испытуемому и информировавшая его о том, что обратной связи даваться не будет. Обычно экспериментатор устно просил здесь испытуемого не прерывать работу, если ему покажется, что он допустил ошибку. Если у испытуемого вопросов не было, начиналось предъявление. Интервал между реакцией испытуемого и предъявлением предупреждающего значка составлял 2,5 сек. Первыми предъявлялись шесть «пустых» стимулов, реакции на которые не учитывались. Затем предъявлялись 40 экспериментальных стимулов в псевдослучайном порядке, меняющемся от испытуемого к испытуемому. Время ответа измерялось в 1/20 сек. – это был явный недостаток использовавшегося программного обеспечения. Половина испытуемых должны были реагировать нажатием указательного пальца при предъявлении имен неживых объектов и среднего при предъявлении имен живых объектов, половина наоборот, нажатием указательного на имена живых и среднего на имена неживых объектов. Данная манипуляция не оказала принципиального влияния.

Результаты

Среднее время правильных ответов, без взвешивания количеством правильных отнесений, для имен живых объектов составило 0,801 сек. (0,784 для млекопитающих и 0,819 для птиц), для имен неживых – 0,778 сек. (0,773 для мебели и 0,781 для одежды). Различие времени правильных ответов между живыми и неживыми объектами не является значимым ($t=1,16$). Общее количество ошибок для живых объек-

тов – 23, из которых одна была преждевременным нажатием, а 22 – ошибочными отнесениями (8 у млекопитающих и 14 у птиц), для неживых – 10 (все ошибочные отнесения: 1 у мебели, 9 у одежды при 7-и и 13-и стимулах соответственно). Среднее время и количество ошибочных отнесений для каждого стимула приведены в Приложении. Различие в количестве ошибок представляется большим. Однако если обратиться к данным по отдельным стимулам, можно видеть, что 6 ошибочных отнесений приходится на стимул «Иволга», а реплики некоторых испытуемых наводят на мысль, что данное слово некоторым современным молодым носителям русского языка попросту неизвестно. Еще три ошибочных отнесения приходятся на стимул с нулевой частотностью («Цапля»). С учетом этого, различие по количеству ошибок между именами живых и неживых объектов не кажется столь уж разительным. Заслуживает внимания различие по ошибкам между предметами мебели и предметами одежды, которое требует специальной проверки и исследования, однако с учетом того, что один из стимулов – названий предметов одежды («Шарф») выделяется из числа остальных использованных членов своей категории и по времени реакции, и по числу ошибок.

Обсуждение

Таким образом, результаты, полученные в исследовании [Pilgrim и др., 2005], не повторились. Среднее время реагирования на имена живых и неживых объектов значимо не различалось (и более того, соотношение времени противоположно ожидаемому), и количество ошибок при реагировании на имена живых объектов было больше. Вполне возможно, что, «упрощая» использованную в исследовании [Pilgrim и др., 2005] методику, мы изменили ее в некоторых важных аспектах. При этом наиболее вероятными источниками расхождения результатов представляются не уравнивание списков слов-стимулов и уменьшение количества промежуточных категорий, в ко-

торые входили слова-стимулы. Рассмотрим эти факторы.

Как уже было сказано, списки слов-стимулов – имен живых и неживых объектов – не были уравнены по могущим оказать влияние на результаты переменным, в том числе по частотности). Между тем, нормативные материалы для русского языка по частотности имеются. Так как они не были учтены заранее, пришлось их учитывать *post factum*. В Приложении вместе со средним временем ответа на стимулы Эксперимента 1 и количеством их ошибочных отнесений приведены их частотности из Частотного словаря русского языка под ред. Л.Н. Засориной. Здесь необходимо сказать несколько слов о возможном влиянии частотности. То, что она связана со временем «обработки» слова человеком, продемонстрировано и признано. Так, в исследовании [Howes, Solomon, 1951] было показано, что с ней связано минимальное время, необходимое для опознания слова. Проблематичным является, однако, вопрос о характере этой связи. В учебниках (см. Solso, 1988), со ссылкой на данных авторов, эта связь представляется как прямолинейная. Обращение к источнику, однако, дает повод сомневаться в ее прямолинейности. Исследователи, действительно, рассчитывают и приводят коэффициенты прямолинейной корреляции, говоря, что их использование оправдывает характер расположения точек на диаграммах рассеяния. Нам, однако, представляется, что характер расположения точек на приведенных ими диаграммах рассеяния говорит скорее о нелинейности связи, тем более что переменная, отложенная на оси абсцисс, – частотность – была прологарифмирована. Поэтому характер связи между порогом опознания слова и его частотностью представляется нам таким: низкочастотные слова, действительно, имеют более высокий порог опознания, т.е. для их опознания требуется больше времени, но с дальнейшим повышением частотности порог опознания меняется мало. В наших данных прослеживается такой же характер связи частотности,

но уже со временем категоризации: три самых низкочастотных слова (*цапля, иволга, шакал* – все имена живых объектов) характеризуются и самым большим временем категоризации, а при более высоких частотностях особой связи не наблюдается. Таким образом, сопоставляемые слова-стимулы, целесообразно уравнивать не столько по частотности, сколько по отсутствию низкочастотных слов. Мы, однако, стремясь приблизить свою методику к использованной в исследовании [Pilgrim и др., 2005], в Эксперименте 2 (см. ниже) уравнивали списки слов по частотности.

Слова-стимулы, использованные в исследовании [Pilgrim и др., 2005], входили, как пишут эти авторы, в следующие промежуточные категории: живые объекты в категории *животные, птицы, фрукты, овощи, цветы и деревья*; неживые – в категории *транспортные средства, инструменты, мебель и одежда*. В Эксперименте 1 нашего исследования слова-стимулы входили всего в 4 промежуточные категории. Может быть, это побудило испытуемых действовать по модели Коллинза и Квиллиана («Кресло – предмет мебели, значит – неживое») и облегчило использование этой стратегии? Изменятся ли результаты, если число промежуточных категорий будет больше? Последний вопрос мы и попытались выяснить в Эксперименте 2. Таким образом, отрицательные результаты Эксперимента 1 изменили наши первоначальные планы: целью исследования стала оценка влияния количества промежуточных категорий.

Эксперимент 2

Метод

Испытуемые. В Эксперименте 2 были использованы результаты 10 испытуемых (4 мужчины и 6 женщин, студенты вузов, средний возраст – 22,8 года). Так же как и в Эксперименте 1, число участвовавших испытуемых было больше, но не все данные были учтены при основной обработке.

Материал. В качестве стимульного материала использовались 40 слов, обозначающих живые и 40 – неживые объекты.

Эти слова входили примерно в те же категории, что и стимулы в исследовании [Pilgrim и др., 2005]: живые объекты были представлены, помимо млекопитающих и птиц, другими животными, а также растениями; неживые, помимо предметов мебели и одежды, инструментами, посудой и транспортными средствами. Более того, мы постарались, чтобы число представителей от категорий примерно соответствовало таковому в исследовании [Pilgrim и др.]. Частотности слов-стимулов, обозначающих живые и неживые объекты, были примерно уравнены: средняя частотность имен живых объектов составляла 13,1, имен неживых объектов – 13,525.

Процедура. За исключением числа предъявлявшихся экспериментальных стимулов и того, что все испытуемые должны были реагировать нажатием указательного пальца на имена живых объектов и нажатием среднего на имена неживых объектов, процедура Эксперимента 2 была идентична процедуре Эксперимента 1. В эксперименте 2 предъявлялось 80 экспериментальных стимулов.

Результаты

Среднее время правильных ответов, без взвешивания количеством правильных отнесений, для имен живых объектов составило 0,846 сек, для имен неживых – 0,914 сек. Различие значимо ($t=2,51$; $p<0,02$). Количество ошибочных отнесений для живых объектов – 13, для неживых – 6 (из которых 4 пришлось на один стимул – «Клещи», который, мог восприниматься как мн.ч. от названия неприятного насекомого (мы этого не учли). Среднее время и количество ошибочных отнесений (вместе с частотностью) для каждого стимула приведены в Приложении.

Обсуждение

Что касается времени ответов, результаты Эксперимента 2 согласуются с результатами исследования [Pilgrim и др., 2005]. Однако не является ли значимое различие времени реакции на имена живых и неживых

объектов в Эксперименте 2 эффектом привнесенных влияний? Ведь возможно, что, стремясь сравнить частотность имен живых и неживых объектов (а имена неживых объектов более частотны), мы взяли имена неживых объектов с «ненормально низкой» для названий предметов частотностью, что могло сказаться на ответах испытуемых. Чтобы выяснить это, надо обратиться к данным по отдельным стимулам. Просмотрев эти данные, можно увидеть, что наиболее велико время ответа на омоним «Клещи» и на все три названия транспортных средств. Это может вызвать сомнения в справедливости утверждения о большем времени реакции для имен неживых объектов вообще. Однако сопоставление времени ответа на остальные имена неживых объектов со временем ответа на имена живых объектов позволяет эти сомнения отклонить. Действительно, из стимулов со временем реакции не ниже 0,800 сек. 16 – имена живых объектов (с минимальным значением 0,663 сек.) и только 6 – неживых (с минимальным значением 0,785 сек. при двух значениях 0,800 сек.). Так что есть основания утверждать, что в Эксперименте 2 «эффект категории» был продемонстрирован на времени реакции.

Что касается различия в числе ошибочных отнесений, то здесь необходимо принять во внимание, что почти все ошибочные отнесения имен, кроме одного (довольно низкочастотного «Выдра»), приходятся на названия растений. Это говорит, на наш взгляд, о неоднородности класса природных объектов относительно категоризации *живое-неживое*.

Общее обсуждение

Итак, в двух экспериментах мы получили различные результаты. Чем это может быть обусловлено? Мы меняли, во-первых, соотношение средних частотностей и, во-вторых, число промежуточных категорий. То, что эффект могло оказать изменение частотностей, представляется сомнительным по следующим соображениям. Когда мы заменяем часть стимулов в наборе на

стимулы с другой частотностью, это вряд ли приведет к изменению характера деятельности испытуемых и к изменениям показателей реагирования на оставленные стимулы. Между тем, время ответа на стимулы, общие для двух экспериментов, изменилось, и весьма характерным образом. В общем, время ответа увеличилось. Но если в случае имен живых объектов это увеличение сомнительно (из 11 имен живых объектов оно увеличилось у 6, а то, что «увеличения» в среднем более значительны, чем «уменьшения», может объясняться тем, что некоторые значения в Эксперименте 1 были малы и заметно уменьшиться не могли), то в случае имен неживых объектов мы наблюдаем достаточно стабильное увеличение времени реакции (из 8 стимулов оно увеличилось у 7). Это позволяет считать более вероятным источником различия результатов в двух экспериментах изменение числа промежуточных категорий – фактор, который, как представляется, мог привести к преобразованию осуществляющих категоризацию психических процессов и вызвать изменение показателей реагирования на одни и те же стимулы.

Таким образом, мы полагаем, что некоторые психические механизмы категоризации от первого ко второму эксперименту изменились. Как можно увязать эти гипотетические изменения с основным вопросом настоящей работы – характером различия репрезентации имен живых и неживых объектов? Рассмотрим изменение показателей от первого ко второму эксперименту.

Соотношение времен ответа в двух экспериментах обратное: в Эксперименте 1 оно было больше у живых объектов, в Эксперименте 2 – значимо больше у неживых. От первого эксперимента ко второму время ответа и у живых, и у неживых объектов увеличилось, но его увеличение у неживых объектов было гораздо большим (от 0,801 сек. до 0,846 сек. у живых и от 0,778 сек. до 0,914 сек. у неживых объектов). Соотношение количества ошибок в двух экспериментах одно и то же, но вероятность ошибки от первого ко второму эксперименту

обнаруживает тенденцию к падению: за вычетом двузначного стимула «Клещи» число ошибочных отнесений имен неживых объектов равно двум, и почти все ошибочные отнесения имен живых объектов связаны с названиями растений, отсутствовавшими в Эксперименте 1. Таким образом, «работа» испытуемых с именами неживых объектов, в том числе и с теми, которые фигурировали и в Эксперименте 1, характеризуется большей длительностью, но меньшим числом ошибок, чем «работа» с живыми. Стимулы же – имена живых объектов различаются: если на «типично живые» объекты – названия млекопитающих и птиц – время реакции от первого ко второму эксперименту изменилось мало, в то время как ошибочные отнесения почти исчезли, то «условно живые» объекты (растения) характеризуются большим временем реакции и наличием определенного числа ошибок.

Это позволяет сделать некоторые утверждения и предположения о психических процессах, лежащих в основе категоризации *живое-неживое* и об актуализирующихся при этих процессах репрезентациях. Во-первых, данные нашего исследования свидетельствуют о различии в обработке/репрезентации имен живых и неживых объектов. Это подтверждается и разницей во времени категоризации в Эксперименте 2, и меньшим количеством ошибочных отнесений (категоризаций) в обоих экспериментах, и тем, что эти два класса имен по-разному отзываются на одну и ту же манипуляцию – изменение числа промежуточных категорий. Последнее можно сформулировать по-другому: оппозиция *живое-неживое* взаимодействует с числом промежуточных категорий. Данные о том, что различие живых и неживых объектов (точнее – природных объектов и артефактов), проявляется на уровне взаимодействий, уже сообщались [Kiefer, 2001]. Во-вторых, «картина» этого различия представляется довольно сложной: классы «Живое» и «Неживое» не являются в этом отношении однородными группами – об этом говорят

различия времени реакции внутри этих классов. В чем может заключаться различие? Исходя из полученных нами данных можно предположить, что процесс категоризации на *живое-неживое* протекает следующим образом. При достаточно большом числе промежуточных категорий, когда возможность использования стратегии («Шкаф – это мебель, значит, неживое»), затруднена, сначала происходит оценка того, является ли предъявленное слово «типично живым» объектом. Эта оценка является «естественной» в том смысле, что она не требует эксплицитных, произвольных, сознательных умственных действий, построения эксплицитных репрезентаций. При отсутствии положительного решения происходит построение такой репрезентации и здесь возможны два случая. Если предъявляется название неживого объекта, то это, в большинстве случаев, имя артефакта, изделия, и тогда, благодаря особенностям артефактов, упомянутым во введении, чаще всего строится репрезентация, позволяющая принять решение с меньшей вероятностью ошибки. Если же предъявляется имя живого, «но не типично» объекта, такую репрезентацию создать невозможно, и применяется стратегия принятия решения *via* промежуточную категорию, использование которой мы подозреваем в Эксперименте 1. Разумеется, в обоих случаях для принятия решения требуется дополнительное время. В Эксперименте же 1 «контаминация» упомянутой стратегией привела к нивелировке времени ответа.

Литература:

- Bowers J.S., Davis C.J., Hanley D.A.* (2005). Automatic semantic activation of embedded words: Is there a “hat” in “that”? // *Journal of Memory and Language*, 52, 131-143.
- Clark H.* (1976). *Semantics and Comprehension*. The Hague Paris.
- Coopens, P., Frisinger, D.* (2005). Category-specific naming effect in non-brain-damaged individuals // *Brain and Language*, 94, 61-71.
- Farah M.J., McClelland J.L.* (1991). A computational model of semantic memory impairment: modality specificity and emergent category specificity // *Journal of experimental psychology. General*, 120, 339-357.
- Howes D.H., Solomon R.L.* (1951). Visual duration threshold as a function of word-probability // *Journal of Experimental Psychology*, 41, 401-410.
- Kiefer M.* (2001). Perceptual and semantic sources of category-specific effects: Event-related potentials during picture and word categorization // *Memory & Cognition*, 29, 100-116.
- Pilgrim L.K., Moss H.E., Tyler L.K.* (2005). Semantic processing of living and nonliving concepts across the cerebral hemispheres // *Brain and Language*, 94, 86-93.
- Solso R.* (1988). *Cognitive Psychology*. Boston etc.
- Vitali P., Abutalebi J., Tettamanti M., Rowe J., Scifo P., Fazio F., Cappa S.F., Perani D.* (2005). Generating animal and tool names: An fMRI study of effective connectivity // *Brain and Language*, 93, 32-45.
- Warrington, E.K., Shallice T.* (1984). Category specific semantic impairment // *Brain*, 107, 829-854.
- Wolk D.A., Coslett H.B., Glosser G.* (2005). The role of sensory-motor information in object recognition. Evidence from category-specific visual agnosia // *Brain and Language*, 94, 131-146.

*Среднее время ответа, количество ошибочных отнесений
и частотность стимулов в Эксперименте 1*

<i>Стимул</i>	<i>Время отв. (сек.)</i>	<i>Количество ошибочных отнесений</i>	<i>Частотность</i>
Комод	0,778	0	10
Кресло	0,775	0	84
Стол	0,807	0	616
Стул	0,750	0	98
Буфет	0,791	1	37
Диван	0,763	0	94
Шкаф	0,745	0	42
Пиджак	0,749	0	46
Шарф	0,907	4	7
Платок	0,795	1	114
Плащ	0,724	1	13
Юбка	0,862	1	21
Шляпа	0,782	0	49
Пальто	0,716	0	71
Куртка	0,850	1	28
Блузка	0,791	1	6
Шуба	0,709	0	29
Брюки	0,802	0	26
Шапка	0,752	0	77
Носки	0,715	0	18 (в словаре «носок»)
Слон	0,732	2	13
Овца	0,743	1	33
Тигр	0,737	0	9
Лиса	0,738	0	8
Лось	0,749	0	5
Волк	0,714	1	35
Собака	0,750	0	109
Выдра	0,917	2	3
Шакал	1,050	2	2
Корова	0,707	0	75
Голубь	0,705	0	15
Дятел	0,774	1	2
Сорока	0,765	0	8
Синица	0,787	0	7
Орел	0,764	0	12
Иволга	1,010	6	1
Ястреб	0,766	1	21
Цапля	0,972	3	0
Утка	0,843	1	20
Грач	0,806	2	5

*Среднее время ответа, количество ошибочных отнесений
и частотность стимулов в Эксперименте 2*

<i>Стимул</i>	<i>Время отв. (сек.)</i>	<i>Количество ошибочных отнесений</i>	<i>Частотность</i>
Скамья	0,854	0	32
Шарф	0,960	0	7
Кружка	0,903	0	17
Пила	0,887	0	14
Таз	0,785	0	6
Ремень	0,838	0	23
Кофта	0,816	0	12
Плащ	0,794	0	13
Носки	0,789	0	18
Комод	0,800	0	10
Парта	0,916	0	10
Ковер	1,036	0	31
Брошка	0,938	0	10
Лопата	0,800	0	33
Метла	0,921	0	12
Кепка	0,895	1	15
Кинжал	0,902	0	9
Грабли	0,871	1	3
Миска	0,976	0	6
Каска	1,004	0	16
Юбка	0,876	0	21
Вилка	0,907	0	7
Жилет	0,794	0	5
Жакет	0,828	0	4
Шуба	0,811	0	29
Тумба	0,859	0	10
Туфли	0,843	0	16
Паром	1,263	0	9
Блузка	0,922	0	6
Берет	0,953	0	9
Фартук	0,883	0	6
Камин	0,898	0	17
Куртка	0,810	0	28
Прицеп	1,178	0	7
Лом	0,888	0	6
Шляпка	1,119	0	35
Блюдце	0,844	0	6
Шаль	1,063	0	7
Люстра	0,898	0	14
Клещи	1,252	4	2
Овца	0,734	0	33
Сирень	0,925	1	10

Дыня	0,826	1	4
Волк	0,818	0	35
Улитка	0,959	0	4
Карась	0,894	0	3
Астра	1,066	0	3
Синица	0,793	0	7
Лось	0,771	0	5
Крыса	0,702	0	34
Свекла	0,859	1	9
Горох	0,870	2	18
Ландыш	0,827	0	3
Паук	0,870	0	3
Краб	0,824	0	9
Ворона	0,741	0	8
Лиса	0,712	0	8
Коза	0,663	0	10
Слива	0,780	1	11
Репка	0,761	1	3
Щука	0,858	0	5
Лимон	0,956	2	8
Береза	0,865	0	36
Коршун	0,975	0	9
Голубь	0,779	0	15
Щавель	1,230	1	4
Тигр	0,721	0	9
Дуб	0,965	0	33
Жук	0,730	0	11
Муха	0,830	0	48
Вол	1,157	0	8
Вишня	0,890	2	10
Грач	0,712	0	5
Выдра	1,005	1	3
Мышь	0,696	0	38
Лилия	0,942	0	3
Комар	0,739	0	10
Орел	0,741	0	12
Слон	0,822	0	13
Сосна	0,812	0	24

А.А. Боронин
**ФЕНОМЕН НЕПОНИМАНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Симметричная художественная коммуникация бифокальна. Раскрывая этот тезис, следует отметить, что художественное сообщение – текст – зарождается как некий

«сгусток», как предельно сжатая «смысловая структура» [Паули 2006: 214], претерпевающая многочисленные метаморфозы и возвращающаяся к изоморфному состоя-

нию сингулярности (ср.: «понимание и есть своего рода сокращение, редукция» [Лукин 1999: 84]), которое выражается в том, что заданный писателем «смысловый узел» [Кошевая 1983: 113] привносится в сознание реципиента в неискажённом виде. В этом случае имеет смысл говорить об абсолютном/идеальном понимании.

Однако на практике идеальная коммуникация неосуществима [Портнов, Смирнов 2004: 31-32] потому, что в общении нет «прямолинейного понимания» [Демьянков 2005: 28] – для подтверждения последнего обстоятельства достаточно хотя бы вспомнить такое явление, как инференция [Макаров 2003: 124-127; Asher, Lascarides 2003. P. 1]. На практике идеальная коммуникация неосуществима также потому, что, как тонко подметил в одном из своих выступлений Е.Ф. Тарасов, при оречевлении мысли происходит наложение знаний, производящее негативный эффект: мысль овнешняется неточно. Таким образом, интерференция когнитивных структур ведёт к появлению деструктем, «зашумливающих» процесс понимания сообщения [Сорокин 2005: 339]. Кроме того, индивид воспринимает сообщение избирательно [Brown, Yule 1984. P.11], тяготея к преломлению получаемой информации «с позиций “для меня – здесь – и сейчас”» [Залевская 2004: 64, 70].

Объективным фактором, затрудняющим общение, можно признать то обстоятельство, что язык не всегда проявляет себя как совершенная система передачи информации, что отражается в недостаточно четком соотношении высказывания с миром, в лексической и синтаксической «двузначности» высказываний (ambiguity) [Foss, Hakes, 1978. P. 120-121; Hurford, Heasley, 1983. P. 121, 122, 128; Akmajian, Demers, Harnish, 1985. P. 402-403; Devitt, Sterelny, 1987. P. 22-23; Gamut, 1991. P. 25-26, Aoun, Li, 1993. P. 7; Ferris, 1993. P. 167-168; Gibson, Broihier, 1998. P. 158-159; Carpenter, 1997. P. 14; Asher, 1999. P. 248; Chierchia, McConnell-Ginet, 2000. P. 38; Asudeh, 2001. P. 260; Fricker, 2003. P. 349].

Причиной непонимания могут стать так называемые «аномальные» высказывания. К аномальным относят высказывания, содержащие тавтологические дефиниции типа ‘Leben ist Leben’, ‘Boys will be boys’ [Эйхбаум 1986: 29]; высказывания, в которых происходит «нарушение семантической ограничений на сочетаемость слов» /‘человек-медведь’, ‘honest worm’/; противоречивые высказывания /«Серж подошёл к своей чужой жене Марише». Л. Петрушевская./ [Бочкарёв 2003: 15, 77, 85], «самофальсифицируемые» высказывания /«Все критяне лжецы». Эти слова принадлежат *критскому* философу и поэту Эпимениду./ [Шмелёв 1990: 87].

А.А. Дживанян подразделяет аномальные («алогические») образования на три класса: 1) алогические образования, компоненты которых демонстрируют отсутствие лексико-грамматических значений; 2) образования, алогичность которых связана с отсутствием у их компонентов лексических значений; 3) образования, логическая дефектность которых объясняется аномальными отношениями между конституентами, «полноценными» в плане проявления лексических и грамматических значений [Дживанян 1991: 4-5].

Отклонения от правил могут быть ненамеренными (речевые огрехи, ляпсусы) и намеренными [Булыгина, Шмелёв 1990: 98, 99; Дживанян 1991: 2]. К аномалиям второго типа можно отнести такие проявления когнитивной игры, как остроты [Шмелёв 1990: 92]. Различные разновидности языковой шутки являются «неопасными» аномалиями, внушающими чувство превосходства или «довольство по поводу исправности <...> интеллекта» [Санников 2005: 3-4].

Н.Д. Арутюнова указывает на диалектическую связь таких явлений, как норма и аномалия. Она отмечает, что условием существования последнего феномена является его необъяснимость [Арутюнова 1987: 5]. Аномалия представляет собой рефлексивную трудность (Л.В. Короткова говорит о текстовых аномалиях как об акцентированных рецептивных трудностях [Коротко-

ва 2001: 1]): чтобы погасить чувство страха, возникающее у человека тогда, когда он сталкивается с неизведанным, неизвестным, не укладывающемся в рамки привычных представлений, мышление «нормализует» девиацию*. Аномалии в художественном тексте весьма своеобразны из-за того, что они являются предзаданными, они сознательно «программируются» креатором текста. В отличие от стихийных аномалий (или, точнее, считающихся таковыми до их объяснения) аномалии в художественном тексте примечательны упорядоченностью и преднамеренностью генезиса.

Итак, аномальность есть сущностный признак художественного текста, придающий литературному произведению оригинальность (которая, в свою очередь, есть не что иное, как атрибут любого творческого акта) и противопоставляющий художественный текст другим типам текстов. Аномалии присущи альтернативным мирам, находящим своё воплощение в художественном произведении. Аномалия (в широком смысле слова), наделённая триадой основных качеств, – «программируемость», «условность» (близость к норме, дозированность введения в текст), «функциональность», – есть конструктивный элемент художественного текста. Интерпретация аномалий, заключённых в художественном тексте (ведь почти каждый «литературный текст, рассмотренный на содержательном уровне, в каком-то смысле <...> предполагает аномальность» своих персонажей, а также сюжета, фабулы [Радбиль 2005: 56]), требует значительных интеллектуальных усилий. Недостаток интеллектуальных усилий со стороны читателя неизбежно влечёт за собой непонимание текста.

Нельзя говорить и об «идеальном» непонимании: по всей видимости, абсолютное непонимание находится вне границ человеческого сознания. Так, даже тогда, когда реципиент не владеет языковым кодом,

с помощью которого создан текст, не приходится говорить об абсолютном непонимании; в качестве вероятных причин, предотвращающих полное непонимание, будут выступать графическая образность (в случае рецепции письменного текста) либо фоносемантический потенциал текста (при восприятии устного сообщения).

Термин «непонимание» можно трактовать с позиций «лично ориентированной деятельностной лингвистики» – прагмалингвистики, составляющей основу функционального языкознания, которое в фокус своего внимания помещает «взаимосвязи языка и среды его функционирования» [Сусов 1988: 9]. В этом случае непонимание есть несоответствие речевого/неречевого поведения реципиента целевому потенциалу воспринятого им речевого действия.

Ещё один способ описания термина «непонимание» заключается в обращении к другому термину – «информация», который прочно вошел в обиход лингвистической науки. Вытекающий из этого обращения вариант описания исследуемого термина заключается в следующем: непонимание есть состояние отчуждённости субъекта от некоторых сведений, получивших языковое кодирование; непонимание есть такое состояние индивида, при котором остаётся невоспринятой/частично воспринятой «семантика речи» – информация [Блох 2005: 51, 52, 207; Ушакова 2000: 17]. В рамках стилистики декодирования о непонимании/недопонимании говорят тогда, когда читатель не может обнаружить зашифрованную в художественном тексте информацию – подтекст [Кайда 2004: 56].

На понятие «непонимание» можно взглянуть сквозь призму теории языкового сознания. В этом ракурсе непонимание предстаёт перед нами как нереализованная возможность определения через речь «состояния сознания» говорящего, как нереализованная возможность восприятия «психологического содержания внутреннего мира» [Ушакова 2000: 13] адресанта. Причиной неосуществления указанных воз-

* - Ср. у Н.Д. Арутюновой: «Аномалия часто <...> опасна. Она, поэтому, заставляет думать (творит мысль) /подчёркнуто нами – А.Б./ и действовать (творит жизнь)» [Арутюнова 1987: 4].

можностей может быть «неполная общность» языковых сознаний коммуникантов – именно она приводит к неудачам в общении [Тарасов 1998: 30].

Кардинальным фактором, обуславливающим возникновение асимметрии в художественной коммуникации, является «полисемантическая» текста [Задорнова 1976: 3; Есо 1984. Р. 24; Богин 1993: 4; Corgiveau 1995. Р. 9; Пешкова 2006: 219]. По словам В.Н. Топорова, «сама процедура формирования *целого* текста обеспечивает множественность приписываемых ему смыслов (а теоретически – их несчётность)» (Цит. по: [Лукин 1999: 103]). Существует точка зрения, в соответствии с которой различают два вида коммуникации: сильную и слабую. Сильная коммуникация (*strong communication*) обеспечивается адресантом, который ставит перед собой цель ограничить число возможных интерпретаций создаваемого сообщения. Когда же роль реципиента в процессе декодирования сообщения существенно возрастает, то следует говорить о «слабой» (*weak*) коммуникации [Blakemore 1993. Р. 156-157]. Интерпретация художественного сообщения относится, таким образом, ко второму типу коммуникации.

Возможности адресатной эвристики не ограничиваются теми или иными рамками во многом благодаря открытости словесно-художественного произведения для множества потенциальных реципиентов, благодаря неконкретной адресованности литературного текста [Долинин 1989: 26; Масленникова 2002: 18]. Следует, однако, сделать важное замечание: постулат о полисемантической художественного произведения нужно воспринимать *cum grano salis*, то есть не абсолютизировать эту многозначность, а помнить об её относительности [Колодина 2001: 160, 154].

Неполнота понимания есть неизбежность интерпретационного процесса, что даёт основания говорить о наличии в ментальной проекции текста (в образе текста в сознании реципиента) зоны предельной разреженности смысла, которая существует

наряду с зоной смыслового максимума. Зона предельной разреженности смысла отчасти сравнима с состоянием сознания поэта в момент, который предшествует возникновению стихотворного произведения [Баженова 2003: 297-298].

Продолжая традицию использования эколингвистических понятий (см., в частности, [Боронин, 2006]), мы называем зону смыслового максимума трансгрессивной ментальной конструкцией.

Попутно заметим: противоположность трансгрессивной ментальной конструкции составляет иное ментальное образование (регрессивная ментальная конструкция, возможно, граничащая с зоной предельной разреженности смысла), возникающее в результате нейтрализации семантического признака, основанной на введении в интекст смысловой оппозиции (следует помнить, что противоположение объектов, явлений, признаков, процессов лежит в основе создания художественного текста).

In the town they tell the story of the great pearl – how it was **found** and how it was **lost** again. They tell of Kino, the fisherman, and of his wife, Juana, and of the baby, Coyotito. And because the story has been told so often, it has taken root in every man's mind. And, as with all retold tales that are in people's hearts, there are only **good** and **bad** things and **black** and **white** things and **good** and **evil** things and no in-between anywhere. <...> [Steinbeck 2004. Р. 110]

В процессе понимания текста, то есть в ходе создания рецептивной проекции художественного произведения, есть вероятность того, что оппозиции, представленные в данном интексте, будут сняты, и передаваемая в нём ситуация будет репрезентована в сознании более «компактно», так как понимание связывается с процедурой редукции.

Необходимо сделать существенное замечание – зона предельной разреженности смысла может создаваться произвольно, по воле интерпретатора. Речь идёт об особой интерпретативной тактике, предполагающей «лакунизацию» [Сорокин 2003: 3], ко-

торая заключается в признании существования «неосвоенной» смысловой зоны как неотъемлемой, органической компоненты понимаемого [Пузырей 2005: 180 и след.]. Здесь возможно провести параллели с тем процессом восприятия некоего «чужого» объекта, когда минимальное количество «информации является релевантным для формирования системы отношений к объекту» [Балясникова 2003: 6].

Роль непонимания в процессе рецепции художественного текста может быть положительной. Подтвердим этот тезис, проанализировав конкретный пример. Ниже даны эпиграф (1) и персонажные субтексты (2, 3, 4, 5), взятые из романа Колина Уилсона «Паразиты сознания» [Wilson 2001. P. 13, 16-17].

I *must*, before I die, find *some* way to say the essential thing that is in me, that I have never said yet – a thing that is not love or hate or pity or scorn, but the very breath of life, fierce and coming from far away, bringing into human life the vastness and the fearful passionless force of non-human things ...

BERTRAND RUSSELL

My Philosophical Development p. 261 (1)

“Dr. Weissman is dead.” (2)

<...> “He committed suicide.” (3)

“He took poison. There is almost nothing else I can tell you. But his letter says we should contact you immediately. So please come. We are all very tired.” (4)

<...> The moment we were alone, I asked him: “Could it be murder?” He replied: “It is not impossible, of course, but there is no reason to think so. He retired to his room at three this afternoon to write a paper, telling me that he was not to be disturbed. His window was locked, and I was sitting at a desk in the ante-room during the next two hours. At five, his wife brought tea, and found him dead. He left a letter in his own handwriting, and had washed down the poison with a glass of water from the toilet.” (5)

Заглавие (“The Mind Parasites”), эпиграф и приведённые персонажные субтексты создают единую тематическую ось, в связи

с которой возникает психолингвистическое явление семантической напряжённости, или, что то же самое, рецептивное непонимание. Дело в том, что на промежуточном этапе восприятия художественного произведения реципиент не может провести полноценное логическое соотнесение денотатов, содержащихся в персонажных субтекстах, с денотатами, представленными в позиционно маркированных текстовых модулях – заглавии и эпиграфе. Корректное логическое соотнесение единиц денотативной информации всех текстовых модулей весьма затруднено из-за разного статуса денотатов. Статусную неоднородность информации можно увязать с разными способами лингвистического кодирования. В заголовке основная «текстовая» ситуация (или главное событие) представлена в метонимически-конденсированном виде, в эпиграфе – в виде матрицы, а в персонажных субтекстах, как явствует из примеров, базовая ситуация текста находит предельно конкретизированное отражение. На промежуточных этапах интерпретации словесно-художественного произведения наличие денотатов разного ранга провоцирует читательское непонимание, служащее, вместе с тем, стимулом к дальнейшей рецепции, смысловой «переработке» текста.

Непонимание, свидетельствующее о сбое в художественной коммуникации, возникает тогда, когда реципиент выбирает неуместную установку по истолкованию текста. Так, установка на инвариантность значения языковых единиц, используемая при интерпретации короткого радиоповещения в общественном транспорте, является неадекватной при анализе художественного произведения. Ещё один пример. Существует интерпретативная установка, в соответствии с которой главное событие (а также, добавим, события низшего ранга) представлено центром и фоном [Гварджаладзе 1983: 8-9], где центр создаётся сложным денотатом, а фон – «периферийными» денотатами, которые «группируются в плане пространственно-временной характери-

зации отрезков действительности, вычленившихся в соответствии с последовательностью действий» [Сосаре 1984: 9]. Исключительная ориентация на эту интерпретативную установку (своеобразная интерпретационная ригидность) сыграет роковую роль при толковании нижеприведённого отрывка – повлечёт его непонимание. Очевидно, что «периферийные» денотаты составляют логический стержень сегмента поэтического текста, становясь *главными* элементами микроситуации:

Я помню, как в детстве, не зная забот,
Я часто ходила на каменный брод,
Туда, где в песке возле дремлющих вод,
Лежал полусгнивший заброшенный
плот.

Там ноги ласкал мне душистый чабрец,
Туда пастухи пригоняли овец,

Оттуда сквозь робкую дымку тумана
Любила смотреть я на шапки курганов –
Творенья навеки ушедших эпох,
Которые помнил, наверно, лишь Бог.

[И.Г. Кошечкина, 2002. С. 23-24]

Итак, рассматривая непонимание (под ним, напомним, имеется в виду различная степень *неполноты* понимания) как важнейший категориальный признак общения, нельзя не рассчитывать на то, что этот признак найдёт своё выражение на уровне фикциональной коммуникации. В связи с этим уместно поставить вопрос об исследовании лингвистических средств выражения непонимания при описании коммуникативного взаимодействия фикциональных субъектов.

Автор художественного произведения вынужден считаться с перспективой непонимания его творения, и это побуждает его вырабатывать механизм защиты против возможного непонимания. Этот механизм предусматривает создание системы интекстов (наиболее распространенный вариант – создание системы персонажных субтекстов), а также использование стратегии ин-

формационного «дублирования» при описании сверхсложного текстового денотата.

Литература:

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – №3. – С.3-19.

Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 296-301.

Балясникова О.В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культуры: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 22 с.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – 4-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2005. – 239 с.

Богин Г.И. Субстанционная сторона понимания текста: Учебное пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – 137 с.

Боронин А.А. Семантическая аура персонального субтекста // Объединённый научный журнал. – 2006. – №7. – С. 39-42.

Бочкарёв А.Е. Семантический словарь. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 200 с.

Булыгина Т.А., Шмелёв А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка. Сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 94-106.

Гварджаладзе В.Ф. Языковые маркеры как план выражения категории партитурности текста: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1983. – 23 с.

Демьянков В.З. Кооперированность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 28-36.

Дживанян А.А. Лингвистические и логико-когнитивные параметры алогических образований в художественном тексте (на материале английского языка): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 20 с.

Долинин К. А. Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста (французский язык):

Автореферат дис. ... доктора филол. наук. – М., 1989. – 46 с.

Задорнова В.Я. Филологические основы перевода поэтического произведения: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 19 с.

Залевская А.А. Понимание и интерпретация: вопросы теории // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Ин-т языкознания РАН / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М., Барнаул: изд-во Алт. Ун-та, 2004. – С. 64-70.

Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 208 с.

Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. – Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. – 184 с.

Короткова Л.В. Семантико-когнитивный и функциональный аспекты текстовых аномалий в современной англоязычной художественной прозе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 2001. – 20 с.

Кошевская И.Г. Скифия – Русь моя – Россия. – М.: изд-во МПУ «Народный учитель», 2002. – 272 с.

Кошевская И.Г. Textoобразующие структуры языка и речи. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 169 с.

Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Масленникова Е.М. «Обретение» смысла текста: культурологическая глухота // Текст и комментарий – 2: материалы круглого стола / Под ред. В.Н. Базылева. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – С. 18-21.

Паули Ю.С. Об анафорическом способе развёртывания личностного замысла // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Ред. Е.Ф.

Тарасов. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). – С. 214-215.

Пешкова Н.П. Многозначность семантики текста: языковое сознание – текст – смысл // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Ред. Е.Ф. Тарасов. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). – С. 219-221.

Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов проблемы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Ин-т языкознания РАН / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М., Барнаул: изд-во Алт. Ун-та, 2004. – С. 28-35.

Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Методология: вчера, сегодня, завтра. – т. 3. – М.: [изд-во Шк. Культ. Полит.], 2005. – С. 167-204.

Радбиль Т.Б. Норма и аномалия в парадигме «реальность – текст» // Филологические науки. – 2005. – №1. – С. 53-63.

Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. – 2005. – №4. – С. 3-20.

Сорокин Ю.А. Лакуны: ещё один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи. Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 3-11.

Сорокин Ю.А. Текстовые поступки: прессинг антропоморфизма или организмическое свойство? // Язык. Сознание. Культура. Сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания, Ин-т психологии / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. – С. 335-340.

Сосаре М.В. Лингвистические основы делимитации текста (к проблеме описания структуры текста): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.

Сусов И.П. Деятельность, сознание,

дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1988. – С. 7-13.

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. ст. – М., 1998. – С. 30-35.

Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. /Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 13-23.

Шмелёв А.Д. Парадокс самофальсификации // Логический анализ языка. Сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 83-93.

Эйхбаум Г.Н. Экспонентная и содержательная тавтология в коммуникативно-речевом акте // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 28-39.

Akmajian A., Demers R. A., Harnish R. M. Linguistics: An Introduction to Language and Communication. – 2nd edition. – Cambridge, Massachusetts. London, England: MIT Press, 1985. – 547 p.

Aoun J., Li Y.A. Syntax of Scope. – Cambridge, Massachusetts. London, England: MIT Press, 1993. – 225 p.

Asher N. Discourse and the Focus/Background distinction // Focus. Linguistic, cognitive and Computational Perspectives / Ed. by P. Bosch and R. van der Sandt. – Cambridge – New-York – Melbourne: Cambridge University Press, 1999. – P. 247-267.

Asher N., Lascardes A. Logics of Conversation. – Cambridge – New-York – Port Melbourne – Madrid – Cape Town: Cambridge University Press, 2003. – 526 p.

Asudeh A. Linking, Optionality, and Ambiguity in Marathi // Formal and Empirical Issues in Optimality Theoretic Syntax / Ed. by P. Sells. – Stanford, California: CSLI Publications, 2001. – P. 257-312.

Blakemore D. Understanding Utterances: An Introduction to Pragmatics. – Oxford – Cambridge, Massachusetts: Blackwell, 1993. – 191 p.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. – Cambridge – London – New-York – New

Rochelle – Melbourne – Sydney: Cambridge University Press, 1984. – 288 p.

Carpenter B. Type-logical Semantics. – Cambridge (Massachusetts) – London (England): A Bradford Book/The MIT Press, 1997. – 575 p.

Chierchia G., McConnell-Ginet Meaning and Grammar. An Introduction to Semantics. – 2nd edition. – Cambridge (Massachusetts) – London (England): The MIT Press, 2000. – 573 p.

Corriveau J.-P. Time-constraint Memory. A Reader based Approach to Text Comprehension. – Mahwah, New-Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995. – 408 p.

Devitt, M., Sterelny K. Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language. – A Bradford Book/The MIT Press, 1987. – 274 p.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – 242 p.

Foss D.J., Hakes D.T. Psycholinguistics: An Introduction to the Psychology of Language. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1978. – 434 p.

Ferris C. The Meaning of Syntax: A Study in the Adjectives of English. – London – New-York: Longman, 1993. – 235 p.

Fricker E. Understanding and knowledge of what is said // Epistemology of Language / Ed. by A. Barber. – Oxford – New-York et al. – Oxford University Press, 2003. – P. 325-366.

Gamut L.T.F. Logic, Language, and Meaning. – V. 1. Introduction to Logic. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991. – 282 p.

Gibson E., Broihier K. Optimality Theory and Human Theory Processing // Is the Best Good Enough? Optimality and Competition in Syntax / Ed. by P. Barbosa, D. Fox, P. Hagstrom et al. – Cambridge (Massachusetts) – London (England): The MIT Press /MIT Working Papers in Linguistics/, 1998. – P. 157-191.

Hurford J.R., Heasley B. Semantics: A Coursebook. – Cambridge – London – New-

York – New Rochelle – Melbourne – Sydney: Cambridge University Press, 1983. – 291 p.
Maugham W.S. Up at the Villa / *Steinbeck J.* The Pearl. – Moscow: Jupiter-Inter, 2004. –

196 p.

Wilson C. The Mind Parasites. – Moscow: TSITADEL, 2001. – 240 p.

Н.А. Лемякина

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Введение

В последние десятилетия объектом изучения целого ряда научных направлений становится *языковая личность* (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов, С.А. Сухих). В ряде работ прослеживается коммуникативный подход к изучению языковой личности (Г.Н. Иванова-Лукьянова, Н.В. Орлова, И.В. Сентенберг).

В некоторых случаях понятия *языковая личность*, *коммуникативная личность* исследователями не разграничиваются [напр., Карасик 2002: 26]. На наш взгляд, языковая личность в ее традиционном понимании (Ю.Н. Караулов) в процессе общения выступает как *коммуникативная личность*, отражающая проявления коммуникативного сознания человека, и обнаруживается в результате использования определенного репертуара средств (лингвистических и экстралингвистических), с помощью определенных стратегий и тактик. Языковая личность включена в нее как составной, ядерный компонент.

Проведенное нами исследование показывает, что выявление особенностей коммуникативной личности возможно путем анализа ее речевого и, шире, *коммуникативного поведения* в различных условиях общения. В процессе исследования мы также обратились к рассмотрению языкового и коммуникативного сознания личности, так как в особенностях коммуникативного сознания кроются проблемы различий в коммуникативном поведении [Гудков 2003, Уфимцева 2003]. Под *коммуникативным сознанием* понимается совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспе-

чивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека [Попова, Стернин 2002: 29].

Следует отметить, что в последние годы исследователи *детской речи* также все более пристальное внимание уделяют не вопросам формирования языковой структуры, а развитию коммуникативных навыков личности ребенка (В.В. Казаковская, С.Н. Цейтлин, Н.М. Юрьева). Но большинство исследователей интересуется *дошкольный* этап развития, а период *школьного* возраста, который, по нашему мнению, является наиболее важным с точки зрения развития коммуникативной личности, наименее изучен в современной науке о языке. Именно этим объясняется наше обращение к исследованию коммуникативной личности *младшего школьника* (от 1 к 4 классу).

В результате проведенного нами исследования:

- определены общие понятия и принципы исследования и описания коммуникативной личности;
- предложен комплекс методов изучения коммуникативной личности;
- разработана аспектная модель описания коммуникативной личности;
- проведено исследование и описание особенностей развития коммуникативной личности младшего школьника (1-4 классов) по разработанной модели, что позволило выделить и рассмотреть основные коммуникативные категории и концепты и выявить особенности развития коммуникативного сознания младшего школьника (от 1 к 4 классу).

Теоретический аппарат и принципы исследования коммуникативной личности.

По нашему мнению, представляется вполне правомерным подход к исследованию и описанию коммуникативной личности (языковой личности в общении) с точки зрения концепции коммуникативного поведения (И.А. Стернин) с использованием теоретического аппарата и принципов исследования данной концепции.

Основные теоретические понятия, необходимые для комплексного описания коммуникативной личности (коммуникативное поведение человека, коммуникативные нормы, коммуникативные традиции, коммуникативный фактор, коммуникативный признак, коммуникативные табу, коммуникативный идеал, коммуникативные категории и др.), а также принципы (принцип системности, принцип контрастивности, использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка, разграничение и учет общественной нормы и общественной практики) рассматриваются в монографии [Лемякина, Стернин 2000: 9-17].

Кроме того, для описания коммуникативной личности нами используются термины и понятия, определяемые в рамках других направлений лингвистики (социолингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и др.), такие как роль, статус, речевой жанр, стратегия, дискурс, сознание, языковое сознание, концепт и др., так как исследование коммуникативной личности является *комплексным* [подр. см.: Лемякина 2004].

Методы исследования коммуникативной личности.

Изучение научной литературы, пилотажные эксперименты показали, что лингвистика речи, коммуникативная лингвистика, психология, психолингвистика обладают фрагментарными знаниями о коммуникативной личности младшего школьника. К тому же имеющиеся сведения часто противоречат друг другу: теоретические сведения противоречат реальной коммуникативной практике ребенка, наблюдения

родителей противоречат наблюдениям учителей, реальное коммуникативное поведение учащихся отличается от их мнения о своем поведении и т.д.

В связи с этим нами был подобран (и использован в процессе исследования) комплекс методов, направленных на максимально объективное и системное изучение и описание коммуникативной личности младшего школьника: прямое, включенное, скрытое, опосредованное наблюдение, интервьюирование, анкетирование, метод субъективных дефиниций и направленный ассоциативный эксперимент.

Нам было важно узнать мнение не только детей о своей коммуникативной практике, но и мнение об этом взрослых, сопоставить их, определить, насколько взрослые знают и адекватно оценивают коммуникативные интересы детей, их коммуникативные потребности и ожидания, совпадают ли эти данные с тем, что имеется в реальной коммуникации.

Предложенные методы в своей совокупности позволяют достаточно полно описать релевантные черты коммуникативной личности младшего школьника и выявить особенности коммуникативного сознания.

Модель описания коммуникативной личности.

Эффективным инструментом описания коммуникативной личности младшего школьника является разработанная аспектная модель, которая может быть применена для описания и выявления особенностей коммуникативной личности любой возрастной (гендерной, профессиональной и т.п.) группы и отдельной личности.

В предложенной ниже модели разграничиваются аспекты, параметры и признаки. В модель вошли те из них, которые были выявлены в ходе экспериментального исследования и оказались релевантными на фоне, прежде всего, коммуникативного поведения взрослого. Поэтому модель не носит исчерпывающего характера и включает те параметры и признаки, которые определяются как существенные, доминантные для коммуникативной личности младшего

школьника, хотя, безусловно, являются важными и при описании коллективной коммуникативной личности или отдельной личности.

Модель описания коммуникативной личности

I. Психофизиологические особенности личности

I.1. Интеллектуальное развитие

I.1.1. Восприятие и запоминание

I.1.2. Внимание, потребности, эмоции

I.1.3. Память

I.1.4. Речь и мышление

I.2. Ведущая деятельность

I.3. Личностное развитие

I.3.1. Самооценка

I.3.2. Мотивационная сфера

I.4. Лексикон

II. Аспект говорящего

II.1. Общительность

II.1.1. Стремление к общению

II.1.2. Степень общительности

II.1.2.1. Вступление в коммуникацию

II.1.2.2. Приветливость при вступлении в общение

II.1.2.3. Настойчивость при вступлении в контакт

II.1.2.4. Подключение к идущему разговору

II.1.2.5. Поддержание контакта

II.1.2.6. Слушание собеседника

II.1.2.7. Коммуникативное доминирование

II.1.2.8. Выход из коммуникации

II.1.2.9. Доступность для общения

II.2. Невербальные средства общения

II.2.1. Жестикуляция

II.2.1.1. Степень интенсивности

II.2.1.2. Ситуации использования

II.2.2. Звуковые жесты

II.2.3. Мимика

II.2.3.1. Степень интенсивности

II.2.3.2. Частота использования мимических масок

II.2.3.3. Улыбка в общении

II.2.4. Зрительный контакт

II.2.5. Громкость

II.2.5.1. Степень громкости

II.2.6. Темп

II.2.6.1. Преобладающий темп в общении

II.2.6.2. Изменение темпа общения в зависимости от темы общения, типа собеседника

II.2.7. Паузация

II.2.7.1. Функции пауз

II.2.7.2. Длительность пауз

II.2.8. Коммуникативно значимое молчание

II.2.9. Коммуникативная дистанция

II.2.9.1. Выбор зоны общения в зависимости от типа собеседника

II.2.9.2. Приоритетная дистанция общения

II.2.10. Физический контакт

II.2.10.1. Частота использования с разными типами собеседников

II.2.11. Невербальные табу

III. Коммуникативная реакция

III.1. Реакции на позитивные речевые акты

III.1.1. Реакции на просьбы

III.1.2. Реакции на похвалу

III.1.3. Реакции на ласковые слова

III.2. Реакции на негативные речевые акты

III.2.1. Реакции на замечания

III.2.2. Реакции на «грубые» слова

III.2.3. Реакции на приказания

III.2.4. Реакции на наказание

III.3. Реакции на определенную тему общения

III.3.1. Реакции на интересную для ребенка тему

III.3.2. Реакции на отвергаемую им тему

IV. Объем общения

III. Аспект адресата

III.1. Количество собеседников

III.2. Тип собеседников

III.3. Общение с незнакомым

III.3.1. Вступление в контакт с незнакомым взрослым

III.3.2. Вступление в контакт с незнакомыми детьми

III.4. Дефицит общения с определенным типом собеседника

III.5. Расширение круга общения

IV. Аспект сообщения

IV.1. Пространственная локализация общения

IV.2. Тематика общения

IV.2.1. Тематика общения с разными типами собеседников

IV.2.1.1. Тематика общения с мамой

IV.2.1.2. Тематика общения с папой

IV.2.1.3. Тематика общения с учителем

IV.2.1.4. Тематика общения со сверстниками

IV.2.1.5. Тематика общения с незнакомым взрослым

IV.2.2. Тематика шуток, веселых историй (юмора) в общении

IV.2.3. Тематические табу

IV.3. Коммуникативные цели общения

IV.3.1. Фатическая цель

IV.3.2. Информативная цель

IV.3.2.1. Потребность в получении информации

IV.3.2.2. Настойчивость в получении информации

IV.4. Речевые жанры

IV.4.1. Рассказ

IV.4.2. Болтовня

IV.4.3. Разговор по душам

IV.4.4. Compliment

IV.4.5. Похвала

IV.4.6. Шутка

IV.4.6.1. Доля шуток в общении

IV.4.6.2. Назначение шуток в общении

IV.5. Дискурс

IV.5.1. Бытовой дискурс

IV.5.2. Школьный дискурс

IV.6. Тональность общения

IV.6.1. Преобладающий вид общения

IV.7. Коммуникативные стратегии

IV.7.1. Самопрезентация

IV.7.2. Вежливость

IV.7.2.1. Вежливость отдаления

IV.7.2.1.1. Просьба

IV.7.2.1.2. Совет

IV.7.2.1.3. Директивы

IV.7.2.2. Вежливость сближения

IV.7.2.2.1. Благодарность

IV.7.2.2.2. Извинение

IV.7.2.2.3. Прощение

IV.7.2.2.4. Обращение

IV.7.2.2.5. Приветствие

IV.7.3. Дискредитация

IV.7.4. Спор

IV.7.4.1. Склонность к спорам

IV.7.4.2. Категоричность в споре

IV.7.4.3. Стремление к победе в споре

IV.7.4.4. Отношение к компромиссу

IV.7.4.5. Склонность к конфликтам

IV.7.4.6. Терпимость в конфликте

IV.7.4.7. Разрешение конфликта

IV.8. Эмоциональность

IV.8.1. Интенсивность демонстрации эмоций

IV.8.2. Свобода выражения эмоций

IV.8.3. Эмоционально-оценочные языковые средства в общении

IV.9. Оценочность

IV.9.1. Частотность оценки в структуре общения

IV.10. Нормативность общения

IV.10.1. Языковые нормы

IV.10.1.1. Знание и соблюдение норм

IV.10.1.2. Типичные ошибки в речи

IV.10.1.3. Речевые табу

IV.10.2. Коммуникативные нормы

IV.10.2.1. Знание норм

IV.10.2.2. Соблюдение этикетных норм с различными типами собеседников

IV.10.2.3. Соответствие «взрослым» нормам

IV.10.3. Коммуникативные трудности

IV.10.4. Коммуникативные неудачи

V. Метакоммуникативный аспект

V.1. Языковая рефлексия

V.1.1. Понимание значения слова

V.2. Речевая рефлексия

V.2.1. Оценка собственной речи

V.2.2. Фиксация собственных ошибок

V.2.3. Контроль над лексикой

V.2.4. Фиксация ошибок в речи окружающих

V.2.5. Отношение к родному языку

V.3. Лингвокреативность

V.3.1. «Сочинительство»

V.3.2. Языковая игра

V.4. Коммуникативная рефлексия

V.5. Удовлетворенность процессом и результатом общения

VI. Коммуникативный идеал

VI.1. Предпочитаемое место общения

VI.2.Предпочитаемое количество собеседников

VI.3.Предпочитаемый круг общения

VI.4.Предпочитаемая тематика общения

VI.5.Предпочитаемая зона общения

VI.6.Предпочитаемая тональность и тип общения

VI.7.Предпочитаемый вид речевой деятельности

VI.8.Предпочитаемые жанры

VI.9.Предпочитаемые коммуникативные стратегии

VI.10.«Хорошая речь» в представлении младшего школьника

VI.11.Хороший собеседник

VI.12.Эталонное поведение

VII.Коммуникативные ожидания

VII.1.Осуществление коммуникативных ожиданий

VIII. Когнитивный аспект

Выделенные в модели аспекты, параметры и признаки позволяют описать не только адресанта (аспект говорящего) и указать на партнера по общению (аспект адресата), но и дают возможность увидеть, каковы содержание и форма (языковое выражение) их общения (аспект сообщения), в какой мере адресант проявляет при этом самостоятельность (метакоммуникативный аспект), к какой речи, общению (и собеседнику) он стремится (аспект коммуникативного идеала), оправдываются ли его коммуникативные ожидания, получает ли он удовлетворение от общения, каковы основные составляющие его коммуникативного сознания (когнитивный аспект), то есть описание осуществляется *комплексно*. Предложенная последовательность описания коммуникативной личности младшего школьника продиктована стремлением идти от внешних показателей (проявляющихся в коммуникативном поведении ребенка) к выявлению особенностей поэтапного развития его сознания, т.е. рассмотрение данного процесса в динамике.

Модель дает возможность достаточно полно описать доминантные черты коммуникативной личности младшего школьни-

ка, что осуществлено нами на материале коммуникативного поведения младшего школьника с 1 по 4 класс (проанализировано 468 детских текстов монологического характера и 540 диалогов, а также опросные листы взрослых (4354 шт.) и детей (9380 шт.) [подр. см.: Лемяскина 2004].

Предлагаемая нами модель описания коммуникативной личности может выступать как «своего рода общая формула для подстановки индивидуальных случаев, за каждым из которых стоит индивидуальная языковая личность» [Богин 1984: 312], а также использоваться для описания коллективной коммуникативной личности. Но как справедливо замечает В.И. Карасик, выделение сторон и компонентов коммуникативной личности - это исследовательское рассечение целого [Карасик 2002: 29], в то время как в действительности коммуникативная личность проявляет себя в общении целостно, в совокупности всех ее составляющих.

Проведенное исследование показывает, что коммуникативное поведение школьника регулируется его коммуникативным сознанием. Важнейшей характеристикой коммуникативного сознания является его категориальная структура. Формирующиеся коммуникативные категории имеют яркие возрастные особенности. В качестве категорий, присущих коммуникативному сознанию младшего школьника, могут быть выделены такие как *общение, вежливость, нормативность, оценочность, речевой идеал, коммуникативный идеал*, их развитие идет достаточно интенсивно. Мы сосредоточились на описании наиболее важных коммуникативных категорий с точки зрения их раннего формирования, универсального характера, интенсивности изменения в рамках возрастного сознания, важности для социализации и инкультурации ребенка, формирования национального коммуникативного сознания. Нами также исследовано содержание концептов *спор, ссора, иностранный язык, родной язык, диалог, монолог, прощение, извинение* и др. Для детей характерна эмоциональная ок-

рашенность большинства категорий и концептов.

Основными коммуникативными категориями (гиперкатегориями), которые образуют ядро коммуникативного сознания младшего школьника, являются *общение* и *вежливость*. Следует отметить, что если первая сформирована уже в 1 классе, то вторая претерпевает изменения от 1 к 4 классу, идет уточнение понятий и представлений, лежащих в основе категории «вежливость», и все большую часть занимают те из них, которые относятся к коммуникативной вежливости. В 4 классе появляется составляющая «*бесконфликтность*», и значительно уменьшается доля составляющих, характеризующих моральные и интеллектуальные качества собеседника. Ядром коммуникативной категории «*вежливость*» у учащихся 4 класса является «*вежливая речь*» и «*приветливость, приятность в общении*».

Исследование коммуникативных категорий и концептов показывает развитие коммуникативного сознания ребенка, позволяет выявить их возрастную специфику, знание которой поможет правильно построить процесс обучения, адекватно сформировать те или иные концепты в детском сознании.

Заключение

В данной статье предпринята попытка представить теоретические аспекты комплексного исследования коммуникативной личности младшего школьника.

Языковая личность в процессе общения рассматривается нами как *коммуникативная личность*. В процессе исследования и описания коммуникативной личности нами использован теоретический аппарат и принципы исследования концепции коммуникативного поведения, а также термины и понятия, определяемые в рамках других направлений лингвистики (социолингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и др.).

Изучение и описание коммуникативной личности ребенка возможно с применением комплекса методов: прямого, включен-

ного, скрытого, опосредованного наблюдения, интервьюирования, анкетирования, метода субъективных дефиниций и направленного ассоциативного эксперимента.

Доминантные черты коммуникативной личности младшего школьника можно достаточно полно описать по разработанной модели в рамках следующих аспектов: аспект говорящего, аспект адресата, аспект сообщения, метакоммуникативный аспект, аспект коммуникативного идеала, аспект коммуникативных ожиданий личности и когнитивный аспект. Модель может быть применена для описания коллективной коммуникативной личности (возрастной, гендерной, профессиональной и др.) и отдельной личности.

Комплексное исследование, описание и выявление особенностей развития *коммуникативной личности* младшего школьника возможно путем анализа коммуникативного поведения ребенка в различных условиях общения, а также коммуникативных категорий и концептов как ментальных единиц сознания. На их основе возможно выявление особенностей развития коммуникативного сознания личности, что и осуществлено нами на примере коммуникативной личности младшего школьника.

Обращение к рассмотрению коммуникативной личности ребенка младшего школьного возраста обусловлено, во-первых, отсутствием комплексного исследования коммуникативной личности младшего школьника, во-вторых, тем, что данный возрастной период является, на наш взгляд, основополагающим периодом в развитии коммуникативной личности и имеет специфические возрастные черты, значительно отличающие его от дошкольного периода развития.

Литература:

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.

Иванова-Лукьянова Г.Н. Коммуникативная грамматика и развитие языковой лич-

ности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – №6. – М., 2000.

Казаковская В.В. Модус и авторство в структуре коммуникативной компетенции ребенка: к постановке вопроса // Коммуникативные исследования 2003. – Воронеж, 2003.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Лемякина Н.А. Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. – Воронеж, 2000.

Лемякина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. – Воронеж, 2004.

Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность: (На материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. – Вып.2. – Саратов, 1999.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999.

Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994.

Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагматическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар, 1998.

Уфимцева Н.В. Глобализация и языковое сознание // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. – М., 2003.

Цейтлин С.Н. Некоторые особенности диалога «взрослый–ребенок»: функции реплик-повторов. – СПб., 2001.

Юрьева Н.М. Экспериментальное исследование диалогического взаимодействия детей-сверстников в совместной деятельности // Ребенок как партнер в диалоге. – СПб., 2001.

В.Е. Гольдин

РУССКАЯ АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ДИНАМИКИ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

Во вступительной статье к «Словарю ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) А.А. Леонтьев утверждал, что «исследование ассоциаций является необходимой предпосылкой создания теории и речевой деятельности, или, если смотреть на дело с точки зрения обучения языку, – теории владения языком» [Леонтьев 1977: 10]. Подчеркивая особую теоретическую и практическую важность владения объективными данными о типичных ассоциативных связях слов русского языка, А.А. Леонтьев замечал при этом: «Остановка за одним: располагаем ли мы в настоящее время этими объективными данными? От-

вет будет совершенно определенный и неутожительный: пока не располагаем. Не случайно примеры на ассоциации мы приводим из английского, а не русского языка» [Леонтьев 1977: 11].

С того времени положение существенно изменилось: созданы и вышли из печати «Ассоциативный тезаурус современного русского языка» (РАС), пермский «Лексикон младшего школьника» [Береснева и др. 1995; Овчинникова и др. 2000], омский «Ассоциативный словарь подростка» [Гуц 2004], ряд включающих русский материал двуязычных ассоциативных словарей, четырехязычный «Славянский ассоциативный словарь» (САС), опубликованы результаты многих ассоциативных исследований, выполненных в Твери, Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Уфе и других

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04142а).

научных центрах, разрабатываются электронные ассоциативные словари (материал одного из них, «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области», рассматривается в настоящей статье). Можно констатировать, что уже складывается особая отрасль словарного дела, русская ассоциативная лексикография, и открываются возможности использовать в исследовательских целях совокупности соотнесенных между собой данных различных ассоциативных словарей.

Правда, объединение их материалов осложняется тем, что одни из словарей – региональные (пермский, омский, саратовский), а другие нет; в одних сосредоточены данные письменно-письменных ассоциативных экспериментов, а в других – устно-письменных; велики различия в объеме и составе стимульного ряда словарей; большая часть сосредоточенного в словарях ассоциативного материала получена от студентов, меньше представлены в словарях ассоциации школьников разного возраста, а ассоциации людей старше 30 лет почти не представлены; одни словари (прежде всего электронные) сохраняют сведения о поле и возрасте испытуемых, об их месте жительства, о датах проведения экспериментов и даже открывают доступ к каждой из анкет, заполненных испытуемыми, другие всей этой информации не дают; наконец, не все словари содержат обратные словарные статьи. Вместе с тем некоторые из указанных трудностей имеют скорее теоретический, чем практический характер. Так, сопоставление саратовских ассоциативных материалов со словесными ассоциациями пермских и омских школьников соответствующих возрастных групп приводит к выводу о том, что региональные особенности представлены в ассоциациях в целом незначительно и в основном на периферии ассоциативных полей, а главные характеристики ассоциативных полей у русскоговорящих школьников разных регионов совпадают.

Свободные ассоциативные эксперимен-

ты, в ходе которых собираются материалы для «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» (АСШС), стали проводиться с 1998 г., то есть спустя двенадцать лет после начала первого этапа и через два года после завершения третьего этапа анкетирования для РАС. Расхождение словарей во времени, безусловно, значительное. Но насколько сильно оно сказывается в лексическом наполнении ассоциативных полей и на общей их конфигурации? В равной ли мере охватываются изменениями различные ассоциативные поля? Известно, что в ряде ассоциативных полей, например в поле «деньги», сильные социокультурные сдвиги последнего времени получили яркое отражение (см. [Гольдин 2003]), а в других полях почти не проявились. Какова скорость изменений центральных и периферийных ассоциативных связей? Действие какого из факторов, общих социокультурных изменений в обществе за десятилетие или смены роли школьника-старшеклассника на роль студента, и в каких случаях приводит к более сильным расхождениям в ассоциациях старшеклассников и студентов? Ответы на эти вопросы только предстоит получить.

Хотя студенческий материал РАС был получен раньше, чем материалы АСШС, примерно на десятилетие, на данном этапе исследований мы считаем возможным и целесообразным рассматривать представленные в РАС ассоциации в целом как типологически последующую ступень развития ассоциативных связей по отношению к зафиксированным в АСШС ассоциациям старшеклассников и делаем попытку оценить материалы АСШС и РАС как расположенные на одной шкале возрастных групп испытуемых.

Собрать ассоциативный материал для словаря, как показывает практика, легче, чем осмыслить различные аспекты представленных этим материалом ассоциативных связей, соотнести их специфику с социокультурными условиями проведения экспериментов и с конкретными характеристиками испытуемых, в том числе с их

возрастом. Хотя в науке уже накоплена значительная информация о возрастных особенностях ассоциаций, динамические процессы, протекающие в ассоциативно-вербальной сети русскоговорящих испытуемых, изучены пока недостаточно; это, в частности, относится и к изучению динамических процессов ассоциативно-вербальной сети детей школьного возраста – возраста, в котором, как можно предполагать, происходят наиболее значительные изменения словесных ассоциативных связей. Материалы АСШС дают дополнительные возможности для разысканий в данном направлении (об АСШС см. [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2004а, Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2004б]), особенно при их сопоставлении с данными РАС.

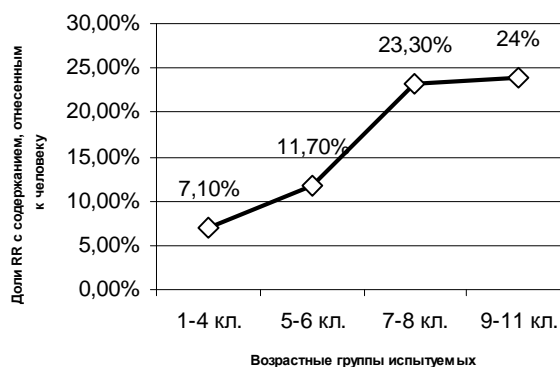
Различного рода изменения совершаются в ассоциативных полях непрерывно. Какие из них можно рассматривать как возрастную динамику поля? Для многих изменений не удастся (по крайней мере в настоящее время) определить ведущие тенденции и установить связь с переходом испытуемых из младших возрастных групп в старшие. Для других изменений это оказывается возможным, и в этих случаях есть смысл говорить о возрастной динамике поля. Она проявляется в таких изменениях, которые могут быть описаны одной моделью для последовательных возрастных состояний ассоциативного поля одного стимула или для последовательных возрастных состояний различных ассоциативных полей.

Частный случай возрастной динамики поля – ассоциативные явления, образующие непрерывную линию изменений, идущих в одном направлении. Так, в возрастных изменениях ряда ассоциативных полей прослеживается постепенное увеличение доли реакций, метафорически связывающих свойства предметного мира с ментальными, акциональными, этическими и другими атрибутами личности. В ответах школьников на стимул *открытый* в направлении от младшей возрастной группы к старшей последовательно возрастает доля

реакций, предизирующих признак «открытости» не предметам или событиям, как это имеет место в случае реакций *вход, дверь, окно, зал, класс, чемодан, настешь, замок, путь, дорога, проход, зайти, простор, космос, перелом, урок, магазин, закрыто* и под., а характеру и коммуникативным особенностям человека: реакции *человек, характер, честный, душа, душевный, простой, доверчивый* и под. на тот же стимул. Реакции второго типа могут быть, по видимому, оценены как связанные с общим смыслом выражения «открытый человек». Количественная сторона динамики реализации смысла 'открытый человек' в ассоциациях четырех возрастных групп школьников представлена на Рис. 1.

Рисунок 1

Выражение смысла 'открытый человек' в возрастной динамике поля «открытый»

Как видно на диаграмме (см. Рис. 1), ответы учеников 5-6 кл. уже отличаются по рассматриваемому признаку от ответов младших школьников, ответы же учеников 7-8 кл. демонстрируют значительно большую актуализацию смысла 'открытый человек' и содержат почти ту же долю интересующих нас реакций, что и ответы старшеклассников, так что могли бы быть объединены с последними в одну группу.

Существенно, что корпус реакций на стимул *открытый*, представленный в РАС, основная часть материала которого получена от студентов, характеризуется уровнем репрезентации смысла 'открытый человек', близким к достигнутому в ответах старшеклассников, хотя лексический со-

став соответствующих групп реакций в РАС и в АСШС заметно различаются. Одна из особенностей состава реакций группы 'открытый человек' в РАС – наличие в ассоциативном поле «открытый» значительного количества реакций *взгляд*. Реакция *взгляд* (27 ответов) в материалах РАС по полю «открытый» стоит по частоте на третьем месте (более частые реакции – *закрытый* и *урок*), тогда как в 526 ответах школьников всех классов на стимул *открытый* такая реакция вообще не была зафиксирована¹. Однако это различие не только не противоречит утверждению об общем возрастании доли реакций, предцирующих признак «открытость» характеру и коммуникативным особенностям человека, но даже подкрепляет его. Если учесть, что выражение *открытый взгляд* выражает впечатление искренности, прямоты человека, присущую ему «чуждость скрытности» (см. статью *открытый* в МАС), или, другими словами, – открытость человека коммуникантам, доступность его внутреннего мира, то ответы *взгляд* должны быть включены в ряд интересующих нас реакций. Тогда в материалах РАС доля реакций, предцирующих признак «открытости» характеру и коммуникативным особенностям человека, оказывается равной примерно 21%, то есть близка представленной в АСШС ответами старшеклассников.

Постепенное увеличение доли реакций, метафорически связывающих свойства предметного мира с ментальными, акциональными, этическими и другими атрибутами личности, прослеживается и в возрастных последовательностях ряда других полей (например в полях стимулов *глубокий, мягкий, твердый*), но не обязательно так ярко, как это имеет место в поле *открытый*². Так, по данным АСШС, совокупные

доли реакций *человек* и *характер* на стимул *тяжелый* составляют 0,63% у младших школьников, 1,26% – в 5-6 классах, 1,3% – в 7-8 классах и 2,4% – у старшеклассников. Количественные различия в данном случае невелики, но они имеют последовательный характер и соответствуют отмеченной выше тенденции; при этом важно, что, как и в предыдущем случае, обнаруживается сходство между данными АСШС об ответах старшеклассников и материалами РАС: в прямой статье РАС на стимул *тяжелый* доля ответов *человек* и *характер* почти такая же, как в ответах старшеклассников – 2,24% (в САНРЯ – 2,63%).

В ряду ответов на стимул *тяжелый* обращают на себя внимание реакции *день* и значительно более редкие реакции *год, век*. Они не отсылают к атрибутам личности, но связаны с переживанием того, чем наполнены, озаменованы для человека или коллектива соответствующие отрезки времени. В этом смысле данные реакции имеют гораздо более субъективный, более личностный характер, чем реакции типа *груз, гиря, камень, кирпич, портфель, багаж* и подобные на тот же стимул. На 323 предъявления стимула *тяжелый* младшие школьники ни разу не дали реакции *день*³, у учеников 5-6 кл. доля реакций *день* на стимул *тяжелый* равна 1,32%, у семиклассников и восьмиклассников – уже 4,61%, у старшеклассников реакции *день* и однотипная с ней реакция *год* составляют вместе 4,3% полученных реакций. Возрастная динамика поля «тяжелый» включает, как мы видим, постепенное увеличение доли реакций, отмечающих негативное переживание лично-

большом расстоянии', затем – 'отделенный небольшим промежутком времени'. Ассоциациями школьников этот смысл почти не представлен, основными реакциями на стимул *близкий* у всех возрастных групп школьников выступают *друг, человек, родной*. То же и в материалах РАС. Таким образом, в данном случае ассоциациями представлен не процесс постепенной актуализации метафорической связи физических и социальных характеристик явлений, а уже его результат.

³ В словаре пермских школьников 1-3 кл. [Береснева и др. 1995] реакция *день* на стимул *тяжелый* представлена, но ее доля – всего 0,5%.

¹ На другие стимулы (более всего на стимулы *смотреть, внимание, увидеть*) реакция *взгляд* в АСШС фиксируется и составляет в 1-4 кл. 0,011%, в 5-6 кл. – 0,014%, в 7-8 кл. – 0,014% и в 9-11 кл. – 0,027% всех реакций.

² Первым значением слова *близкий* толковые словари традиционно указывают 'находящийся неподалеку, на не-

стью или коллективом событий дня (и/или года), и сходна с рассмотренными выше. Неслучайность данного распределения долей подтверждается материалами РАС: у молодых людей послешкольного возраста *день* – уже самая частая реакция на стимул *тяжелый* (97 ответов из 536), и ее доля вместе с 4 реакциями *год* и 1 реакцией *век* равна 19%. Столь резкое возрастание доли реакций типа *день* на рубеже «школа – вуз, работа», возможно, обусловлено связанными с этим рубежом значительными изменениями условий жизни, социальной роли и самосознания испытуемых, тогда как на актуальность оценки открытости или закрытости характера человека эти изменения существенного влияния не оказывают¹.

Если описанные выше особенности динамики полей «открытый» и «тяжелый» сравнить с данными о динамике поля «дом» (в этом поле в направлении от младших возрастных групп к старшим постепенно снижается актуальность собственно физических признаков дома-строения, дома-квартиры (реакции *большой*, *квартира*, *крыша*, *дверь*, *окно*, *кирпичный* и под.) и возрастает актуальность связей 'дом' – 'семья' (реакции *семья*, *родной*, *мама*, *очаг*, *родители* и под.) [Гольдин, Сдобнова 2006]), то в результате можно выдвинуть предположение об общем усилении «человеческого начала» в ассоциациях школьников в период их развития с 6-7 до 16-17 лет. Но это только предположение, требующее дополнительной проверки и не отменяющее возможности связывать отмеченную динамику также и с рядом других факторов (с освоением школьниками более сложных текстовых форм, с более активным использованием прецедентных текстов, с общим усилением стандартности ассоциирования и др.).

Возрастание доли одних типов реакций сопровождается уменьшением доли дру-

гих, и эти процессы могут быть содержательно связаны. Примеры динамики этого типа можно обнаружить в возрастных вариантах ассоциативного поля стимула *молчать*. В Таблице 1 отдельно для каждой из четырех возрастных групп школьников представлены ранжированные по частоте реакции, доля которых в соответствующем подкорпусе ответов превышает 1%. Сравнивая фрагменты четырех возрастных вариантов поля, можно отметить, что в реакциях учеников 1-4 кл. *молчать* противопоставлено глагольным номинациям *говорить*, *кричать*, *орать*, *болтать* как обозначениям действий, нарушающих *тишину*. Однако в ответах школьников других возрастных групп доли реакций *говорить*, *кричать*, *орать*, *болтать* последовательно уменьшаются. Если в 1-4 кл. реакции *говорить* и *не говорить* составляли вместе более 26% ответов, то в 5-6 и 7-8 кл. этот показатель снижается почти до 19%, а в реакциях старшеклассников до 12,5%. Доли реакций *кричать* в ответах школьников четырех возрастных групп выстраиваются в такой последовательности: 5,88% – 4,40% – 1,24% – 1,35%. Для *орать* возрастная последовательность выглядит следующим образом: 3,41% – 1,89% – 0% – 1,35%; для реакций *болтать* так: 2,17% – 2,52% – 0% – 0,9%. Зато от одной возрастной группы к другой увеличивается доля реакций *тишина*: 4,33% – 8,18% – 13,66% – 16,59%. У старшеклассников реакция *тишина* является уже наиболее частотной. В возрастной последовательности полей «молчать» заметно возрастает и доля реакций со значением 'думать': у младших школьников (1-4 кл.) совокупная доля реакций *думать* и *задумался* – 0,9%, в 5-6 кл. – более 2,5%, в 7-8 кл. доля реакций *думать*, *не думать*, и *не думать* – 11,2%.

¹ В САНРЯ доля реакции *день* на стимул *тяжелый* – 6,09%.

Таблица 1

Возрастная динамика поля «молчать»

1-4 кл.	5-6 кл.	7-8 кл.	9-11 кл.
<i>говорить</i> - 22,60%	<i>тихо</i> - 12,58%	<i>говорить</i> - 14,29%	<i>тишина</i> -16,59%
(отказ от ответа) 8,36%	(отказ от ответа) 11,32%	<i>тишина</i> - 13,66%	(отказ от ответа) 8,97%
<i>кричать</i> - 5,88%	<i>говорить</i> - 8,18%	(отказ от ответа) 11,80%	<i>говорить</i> -8,52%
<i>тихо</i> - 4,64%	<i>тишина</i> - 8,18%	<i>думать</i> - 9,94%	<i>не говорить</i> -4,04%
<i>не говорить</i> - 4,33%	<i>не говорить</i> - 6,92%	<i>тихо</i> - 6,21%	<i>думать</i> -3,59%
<i>тишина</i> - 4,33%	<i>кричать</i> - 4,40%	<i>не говорить</i> - 4,97%	<i>тихо</i> -3,59%
<i>орать</i> - 3,41%	<i>не разговаривать</i> - 3,14%	<i>не разговаривать</i> - 2,48%	<i>немой</i> -3,14%
<i>болтать</i> - 2,17%	<i>болтать</i> - 2,52%	<i>не отвечать</i> - 1,86%	<i>заткнись</i> - 2,69%
<i>молча</i> - 1,55%	<i>думать</i> - 2,52%	<i>слушать</i> - 1,86%	<i>золото</i> - 1,79%
<i>играть</i> - 1,24%	<i>заткнуться</i> - 1,89%	<i>голос</i> - 1,24%	<i>кричать</i> - 1,35%
<i>не молчать</i> - 1,24%	<i>орать</i> - 1,89%	<i>долго</i> - 1,24%	<i>нельзя</i> - 1,35%
<i>разговор</i> - 1,24%	<i>в тряпочку</i> - 1,26%	<i>игра</i> -1,24%	<i>орать</i> - 1,35%
	<i>заткнись</i> - 1,26%	<i>кричать</i> -1,24%	<i>приказ</i> - 1,35%
	<i>ничего не говорить</i> - 1,26%	<i>мертвый</i> - 1,24%	<i>рыба</i> - 1,35%
	<i>разговаривать</i> - 1,26%		<i>урок</i> - 1,35%
	<i>сидеть тихо</i> - 1,26%		
	<i>урок</i> - 1,26%		

В ответах учащихся 9-11 кл. доля реакций *думать*, *думать о своем*, *думать о чем-то*, *думать про себя*, *не думать*, *размышлять* составила в совокупности 6,3%. Это значительно больше, чем в ответах учеников 1-4 и 5-6 классов, но меньше, чем в ответах школьников 7-8 кл., и, возможно, связано с заметно возросшим у старшеклассников общим разнообразием ответов на стимул «молчать»: у старшеклассников показатель стандартности реакций на этот стимул – самый низкий.

Обратимся к статье МОЛЧАТЬ в РАС. Первые 11 реакций в этой статье, включающей 501 ответ, – *долго* 58; *говорить* 27; *кричать* 25; *в тряпочку, как рыба* 21; *всегда* 19; *думать* 10; *нельзя, тихо* 9; *золото, упорно* 8. Этот словесный ряд, как вначале кажется, имеет мало общего с ответами старшеклассников. Однако, во-первых, нужно учесть, что у всех возрастных групп школьников самые частые реакции на стимул *молчать* – не синтагматические (*говорить*, *тихо* и *тишина*), а наиболее частая студенческая реакция (*долго*) – синтагма-

тическая, и это различие, по-видимому, отчасти объясняется несовпадением форматов проведенных ассоциативных экспериментов, устно-письменного (АСШС) и письменно-письменного (РАС), то есть обусловлено не только разницей в возрасте испытуемых. Во-вторых, у студентов доля реакций *говорить* (27 ответов) вместе с *не говорить* (5 ответов) составляет 6,4% всех реакций, что соответствует выявленной уже у школьников тенденции уменьшения доли этих реакций в ответах на стимул *молчать*. Уменьшение доли реакции *думать* также отмечено уже у старшеклассников (см. табл. 1). В ответах студентов заметно усиление связей стимула с прецедентными единицами (*в тряпочку* 21, *как рыба* 21, *золото* 8), что, с одной стороны, соответствует общей тенденции возрастных изменений ассоциирования и, с другой стороны, обнаруживается уже в ответах школьников (см. реакции старшеклассников *золото*, *рыба*). Ответы студентов на стимул *молчать* еще менее стандартны, чем ответы старшеклассников, и это также продолжает линию развития, наметившуюся

ся в ответах школьников.

Реакция *тишина*, выдвинувшаяся у старшекласников на первое по частоте место (16,59%) в ряду ответов на стимул *молчать*, связана с собственно звуковой, физической стороной молчания: молчать – не издавать звуков, не нарушать тишины (призывы к тишине и связанные с ними просьбы молчать, не болтать, не разговаривать обычны на школьных уроках). В реакциях же студентов, как следует из материалов РАС, актуальнее становится другой аспект молчания, аспект коммуникативный: молчать – не говорить о чем-то, хранить что-то в тайне, не высказываться, не вступать в общение, не проявлять себя или быть лишенным возможности проявлять себя высказываниями (см. реакции *в тряпку, лучше, надо уметь, не могу, не надо, и терпеть, обида, обидеться, постоянно, всегда, всю жизнь, упорно, до гроба, о чем-то, о многом, о себе, скрывать, тайна, секрет, как партизан, застой, кляп, как могила* и др. на стимул *молчать*). В ряд реакций, подчеркивающих постоянство или длительность молчания (*постоянно, всегда, всю жизнь, упорно, стойко, до гроба*), хорошо вписывается и самая частотная у студентов реакция *долго*. Рассмотренная в этом ряду, она также может расцениваться как проявление возросшей актуальности социально-коммуникативных смыслов, возбуждаемых стимулом *молчать*, и ее высокая частота в ответах студентов объясняется, таким образом, содержательно, а не только форматом экспериментов.

В последовательности возрастных вариантов поля «молчать» наблюдаются, как можно видеть, признаки динамического типа «усложнения ассоциативного поля» (о динамических типах «стандартизации», «усложнения поля», типов «вхождения в словарь» и «периферийного развития» см. [Гольдин 2005]): с переходом школьников из младших классов в старшие доля наиболее частой словесной реакции в ответах не возрастает, а уменьшается (в поле «молчать» с 22,6% у младших школьников она снижается до 16,59% у старшекласников

и далее до 11,57% у студентов), растет или по крайней мере не уменьшается разброс реакций (доля единичных реакций в поле «молчать» составляет 24,62% в 1-4 кл., 28,05% в 5-6 кл., 25,44% в 7-8 кл., 27,35% в 9-11 кл. и 32,13% у студентов), количество отказов от реагирования невелико уже у младших школьников и не обнаруживает заметного снижения в последующих возрастных группах (доли отказов от реагирования в поле «молчать»: 8,51% в 1-4 кл., 11,59% в 5-6 кл., 11,80% в 7-8 кл., 8,97% в 9-11 кл., и только в ответах студентов на предъявленные в письменной форме стимулы доля отказов падает до 1%). Содержательная сторона усложнения поля в данном случае заключается в охарактеризованном выше обогащении собственно звукового, физического осмысления молчания разнообразными социально-коммуникативными компонентами, включая оценочные.

«Длина» динамических тенденций, измеренная на шкале возрастных групп, может быть различной. Действие одних тенденций, проявившихся в школьные годы, продолжается и в последующем, и материалы РАС фиксируют это продолжение (см., например, возрастную последовательность полей «открытый»). В других случаях на этапе перехода от состояния школьника к состоянию студента происходит значительное изменение или даже смена тенденции (как в поле «молчать»), и в этом случае сопоставление с данными РАС помогает установить начало нового этапа.

Конечно, методика анализа объединенного материала различных ассоциативных словарей еще требует разработки, но уже сейчас на примере изучения объединенного материала АСШС и РАС по нескольким полям видно, что использование в анализе данных нескольких русских ассоциативных словарей стало возможным и целесообразным, и в этом мы видим подтверждение высказанной в начале статьи мысли о том, что в наши дни происходит становление русской ассоциативной лексикографии как особой отрасли словарного дела.

Литература:

Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь, 1995.

Гольдин В.Е. Проблема варьирования культурных концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Ч. 1. Волгоград: Перемена, 2003

Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. Москва – Калуга, 2005.

Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Компьютерная версия Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004а.

Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Москва, Барнаул, 2004б.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Дом» в ассоциациях школьников (динамический ас-

пект) // Вестник Пермского университета, 2006, Вып. 3(3). Пермь, 2006.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.

Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

РАС – Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1-6. М., 1994-1998.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.

Е. И. Беляева-Станден

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛИМЕНТА РОССИЯН

Предисловие

Комплимент не раз являлся предметом рассмотрения в работах, посвященных нормам речевого общения и проблемам межкультурной коммуникации. В западной и в американской лингвистике основное внимание уделялось эмпирическому описанию комплимента: формам выражения и социальным нормам его употребления в разговорной речи американцев [Manes & Wolfson 1980, Wolfson & Manes 1980, Manes 1983, Wolfson 1983], новозеландцев [Homes 1988a] и в сопоставлении американских речевых привычек с нормами носителей иных коммуникативных культур [Herbert 1989, 1991, Wolfson 1981].

В российской лингвистике в фокусе внимания оказывались проблемы семантики комплимента, его структурной и функциональной типологии [Формановская 1982, Иссерс 2003]. В диссертационных исследованиях последних лет более углубленно анализировались отдельные аспекты комплимента: прагматические [Агаркова 2004], речеактные [Леонтьев 1999, Мосолова 2005], интерактивные [Мурашкина 2004, Колегаева 2003]. Комплимент рассматривался и в сопоставительном плане на материале русского и английского языков [Серебрякова 2002], русского и французского [Мосолова 2005] и в британской и американской лингвокультурах [Сальникова 2006].

Задача данной работы - провести гендерный анализ реализации комплиментарных речевых актов носителями современной российской лингвокультуры на материале данных, полученных в ходе психолингвистических экспериментов, респондентами которых были студенты московских и воронежских университетов. Для получения данных о том, как российские молодые мужчины и женщины представляют свое поведение в речевой ситуации комплимента, было проведено два психолингвистических эксперимента, осуществленного путем анкетирования студентов московских и воронежских вузов в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст опрошенных 21.7). Психолингвистический эксперимент №1 (Анкета №1, Приложение №1) преследовал цель определить общее представление мужчин и женщин о своем поведении в комплиментарных ситуациях, в частности: частотность выражения и получения комплимента в зависимости от характеристик адресата и адресанта (возрастная и психологическая дистанция); предмета\объекта комплимента, тип реакции на комплимент, а также понимание самого акта комплимента и мотивации его осуществления. Психолингвистический эксперимент №2 (Анкета №2, Приложение №2) направлен на выявление диапазона и характера конкретных средств выражения К и типов ответных реакций на К в заданных ситуациях. В данной статье приводятся сопоставительные данные о реакциях М и Ж на вопросы анкеты №1 и № 2, обсуждение полученных результатов и общие выводы, вытекающие из данных проведенных экспериментов.

Предварительные замечания о комплименте

Комплимент (К) представляет собою положительное высказывание, в котором говорящий отмечает что-либо хорошее/ позитивное в собеседнике с целью сделать ему приятное, показать ему своё расположение и тем самым расположить его к себе. К относится к той категории речевых актов, с помощью которых говорящий стре-

мится установить контакт с коммуникативным партнером. Как и в других контакто-устанавливающих РА (приветствие, обращение), коммуникативная цель говорящего - установить или поддержать доброжелательные отношения с собеседником. В силу этого отличительная черта К - эксплицитность, незавуалированность, узнаваемость речевого намерения говорящего. Более того, говорящий старается сделать это с наибольшей очевидностью, всячески демонстрирует, усиливает и подчеркивает свою доброжелательность. К относится к разряду социально позитивных, «кооперативных» речевых актов (cooperative speech act Leech 1983), которые регулярно используется при реализации принципа вежливости в речевом общении с целью поддержания хороших межличностных отношений и создания атмосферы взаимного расположения.

Однако, несмотря на свой позитивный характер, в коммуникативном плане К не является симметричным РА. Говорящий, тот, кто делает комплимент, занимает контролирующую позицию, потому что, давая оценку (в данном случае положительную), говорящий берет на себя роль судьи по отношению к слушающему, от которого ожидается ответный речевой акт, чаще всего выражение благодарности. Элемент контроля в ролевой позиции делающего комплимент дает возможность его использования в тех ситуациях, когда у говорящего нет иного способа расположить к себе другого человека [Иссерс 2003:178].

Во многих лингвокультурах К имеет характер ритуального речевого действия, хотя и не так строго фиксированного относительно ситуаций употребления, как выражение благодарности или приветствия. Условия успешности осуществления К обусловлены культурно-специфическими социальными и коммуникативными нормами данного социума, что также создает определенные социальные экспектации для членов данного языкового сообщества.

Когнитивная структура К включает в себя три основных компонента: субъект – тот, кто делает комплимент, объект – тот,

кому делается комплимент, и предмет, по поводу которого делается комплимент. Выбор форм реализации К определяется прагматическим контекстом, включающим социальную и психологическую дистанцию между коммуникантами, а также время и место реализации комплимента. Культурологический аспект включает значимость К в данной лингвокультуре, предмет К и гендерный фактор, которые во многом определяют частотность и формы реализации К. В большинстве опубликованных исследований формы выражения К квалифицируются как стереотипные, клишированные высказывания, что позволяет

легко адаптировать их к любой реальной ситуации, позволяющей выражение доброжелательных отношений.

Ниже приводятся данные о том, как молодые российские женщины и мужчины понимают назначение К и как они определяют диапазон и частотность его употребления в современной жизни. В таблицах обобщены данные ответов на 100 анкет, полученных от респондентов-женщин (Ж), и ста анкет, полученных от респондентов-мужчин (М). Основные цифровые данные приводятся в процентном исчислении, что соответствует и абсолютному количеству реакций респондентов.

Часть 1. Понимание комплимента и частотность выражения

(Психоллингвистический эксперимент №1)

Анкета № 1 Комплимент (К): кто, кому, когда и почему выражает К (М и Ж до 30 в сравнении)

1. Как часто Вы делаете К?

М	Часто 55	Иногда 30	Редко 10	Кажд.день 5
Ж	Часто 50	Иногда 35	Редко 0	Кажд.день 15

2. Как часто Вам делают К?

М	Часто 30	Иногда 60	Редко 5	Кажд.день 5
Ж	Часто 55	Иногда 35	Редко 0	Кажд.день 10

3а. Кому Вы делаете К?

М	Коллегам 10	Друзьям 55	Родным 15	М 10	Ж 65
Ж	Коллегам 25	Друзьям 75	Родным 75	М 35	Ж 50

3б. Вы делаете комплименты младшим по возрасту:

Коллегам	М	Да 30	Нет 20	Иногда 50
	Ж	60	10	30
Чл.семьи	М	Да 40	Нет 20	Иногда 40
	Ж	90	5	5

3в. Вы делаете комплименты супругу? М Да 65 Нет 25 Иногда 10
Ж 25 45 30

Детям? М Да 40 Нет 25 Иногда 10
Ж 20 20 60

4. Кто Вам делает К? М Коллеги 20 Друзья 40 Родные 20 М 25 Ж 40
Ж Коллеги 25 Друзья 70 Родные 35 М 45 Ж 30

5. По какому поводу Вы чаще всего делаете комплименты?

		одежда	внешность	дети	кв-ра	машина	действия	
Коллегам	М	20	40	5	0	0	45	М 110
	Ж	30	45	10	10	0	40	Ж 135
Друзьям	М	40	45	10	15	20	60	М 190
	Ж	55	75	0	5	15	50	Ж 200
Родным	М	30	30	20	10	5	60	М 155
	Ж	30	40	10	15	0	50	Ж 145

Муж-м	М	30	20	0	10	45	55	М 160
	Ж	10	50	0	5	25	50	Ж 140
Жен-м	М	60	100	10	5	5	40	М 220
	Ж	55	65	10	5	5	40	Ж 180
Всего	М	180	235	45	40	75	290	М 835
	Ж	180	275	30	40	45	230	Ж 800
		360	510	75	80	120	490	1635

6. Что Вы чувствуете, когда Вы делаете К?

М удовольствие/удовлетворение (35%), воодушевление, восхищение, радость (15%, положительные эмоции (25%), неловкость (5%), ничего (20%)

Ж радость (40%), удовольствие (20%), восторг/восхищение (15%), подъем настроения (15%), симпатию (10%)

7. Что Вы чувствуете, когда Вам делают К?

М радость/ удовольствие/ удовлетворение/ положительные эмоции, приятно (60%), смущение/неловкость/стеснение/ не по себе (25%), благодарность(10%), уверенность и силу(5%)

Ж радость (40%), удовольствие/ приятно (25%), неловкость/смущение (15%), благодарность (10%), подъем настроения/счастье (10%).

8. Что Вы чаще всего говорите, когда Вам делают комплимент?

М Спасибо 50% Да что вы! 40% Даете пояснения 5% Ничего 5%

Ж Спасибо 90% Да что вы! 10% Даете пояснения 0% Ничего 0%

9. Что Вы чаще всего слышите в ответ на Ваш комплимент?

М Спасибо 80% Да что вы! 20% Даете пояснения 0% Ничего 0%

Ж Спасибо 75% Да что вы! 10% Даете пояснения 15% Ничего 0%

10. Что вы понимаете под К? **Комплимент – это**

М выражение доброжелательности (30%), положительная оценка/ указание на достоинства (20%), выражение восхищения (10%), проявление симпатии (10%), доставить удовольствие (5%), набор слов, разделение хорошего настроения, способ расположить к себе, красивые слова, показатель воспитанности (25%)

Ж повышение настроения (25%), положительная оценка, одобрение (20%), выражение внимания (15%), установление контакта(15%), выражение доброжелательности (15%), выражение восхищения (10%)

11. Какова ваша мотивация, когда Вы делаете комплимент?

М дать одобрительную оценку (30%), подчеркнуть доброжелательность (20%), сделать приятное (10%), наладить контакт (20%), добиться расположения (10%), расслабиться, разрядить обстановку (10%),

Ж повысить настроение (40%), сделать приятное (20%), выразить симпатию, одобрение, расположение (20%), подбодрить (15%), расположить к себе (15%).

Обсуждение результатов

Психолингвистический эксперимент №1 позволил выявить существенные характеристики речевого поведения М и Ж в ситуации комплиментарных речевых актов по всем параметрам, представленным в анкете №1.

Частотность К.

Как часто Вы делаете К?

М Часто 55 Иногда 30 Редко 10 Кажд. день 5

Ж Часто 50 Иногда 35 Редко 0 Кажд. день 15

$\chi^2 = 2.286$, р блш 1 н.з.

Как часто Вам делают К?

М Часто 30 Иногда 60 Редко 5 Кажд. день 5
Ж Часто 55 Иногда 35 Редко 0 Кажд. день 10

$X^2=4.116$, р блш .02 н.з.

Половина опрошенных М и Ж отмечают, что часто делают К (М 55%, Ж 50%), однако 10% М делают К редко. Почти вдвое больше Ж считают, что они получают К часто или каждый день (Ж 65%, М 35%), но почти вдвое больше М считают, что они получают К лишь иногда (М 60% Ж 35%). Однако X^2 тест показал, что отмеченные различия между частотностью получения К М и Ж в целом статистически не существенны.

Адресат К

Кому Вы делаете К? М Коллегам 10% Друзьям 55% Родным 15% М 10% Ж 65%
Ж Коллегам 25% Друзьям 75% Родным 75% М 35% Ж 50%
($X^2=8.287$ р блш 0.1 н.з.)

В целом между М и Ж нет значимых различий в выборе типа адресата К, за исключением К родным (Ж 75%, М 15%). Надо также отметить, что Ж чаще, чем М, делают К друзьям (Ж 75%, М 55%), а М вдвое чаще делают К женщинам, чем Ж мужчинам (М – Ж 65%, Ж-М 35%).

Вы делаете К младшим по возрасту?

Коллегам М Да 30% Нет 20% Иногда 50% ($X^2=3.666$, р блш 0.2, н.з.)
Ж 60% 10% 30%
Чл.семьи М Да 40% Нет 20% Иногда 40%
Ж 90% 5% 5% ($X^2=7.786$, р блш 0.02, з.)

При общении с младшими по возрасту коллегами между М и Ж нет существенных различий (М 80%, Ж 95%), однако X^2 тест указывает на наличие значимой разницы при общении с младшими по возрасту членами семьи.

Вы делаете К супругу? М Да 65% Нет 25% Иногда 10%
Ж 25% 45% 30%

Детям? М Да 20 Нет 37 Иногда 43
Ж 31 13 56

При общении с детьми и супругами есть некоторые значимые различия - Ж чаще, чем М делают К детям в семье (Ж 80% М 50%), тогда как М чаще, чем Ж, делают К супруге (М 75% Ж 55%).

Адресант К

Кто Вам делает К? М Коллеги 20% Друзья 40% Родные 20% М 25% Ж 40%
Ж Коллеги 25% Друзья 70% Родные 35% М 45% Ж 30%
($X^2=1.996$, р блш 1. н.з.)

В целом между М и Ж нет статистически значимых различий в том, от кого они получают К. Заметная разница отмечена лишь при общении с друзьями: Ж почти вдвое чаще, чем М, получают К от друзей (Ж 70%, М 40%) и немного чаще от родных (Ж 35%, М 20%), что согласуется с более высокой частотностью К, которые Ж делают друзьям и родным. М чаще получают К от Ж (40%), чем от М (25%), а Ж чаще от М (45%), чем от других Ж (30%).

Предмет К

По какому поводу Вы чаще всего делает комплименты?

		одежда	внешность	дети	кв-ра	машина	действия	всего
Коллегам	М	20	40	5	0	0	45	М 110
	Ж	30	45	10	10	0	40	Ж 135
Друзьям	М	40	45	10	15	20	60	М 190
	Ж	55	75	0	5	15	50	Ж 200
Родным	М	30	30	20	10	5	60	М 155
	Ж	30	40	10	15	0	50	Ж 145
Муж-м	М	30	20	0	10	45	55	М 160
	Ж	10	50	0	5	25	50	Ж 140
Жен-м	М	60	100	10	5	5	40	М 220
	Ж	55	65	10	5	5	40	Ж 180
Всего	М	180	235	45	40	75	260	М 835
	Ж	180	275	30	40	45	230	Ж 800
Все		360	510	75	80	120	490	1635

Ж значительно чаще делает К друзьям по поводу внешнего вида (Ж 75%, М 45%) и одежды (Ж 55%, М 40%), тогда как М чаще делает К по поводу квартиры и машины. При общении с родными у М и Ж нет значимой разницы в частотности выражения К. С другой стороны, отмечены значительные различия в выборе предмета К в зависимости от гендерной принадлежности адресата. Так, М в общении с М значительно чаще, чем в общении с Ж, делают К по поводу одежды (с М 30%, с Ж 10%) и машины (с М 45%, с Ж 25%), но в два с половиной раза реже по поводу внешнего вида (с М 20%, с Ж 50%). В ситуации К по поводу действий значимой разницы не наблюдается.

Что касается гендерной характеристики адресата, то здесь отмечена следующая корреляция: Ж и М с почти одинаковой частотностью делают К женщинам по поводу одежды (М 60%, Ж 55%), детей, квартиры, машины и действий, но не по поводу внешнего вида: все М (100%) считают внешний вид подходящим предметом для К при общении с Ж, тогда как лишь у 65% Ж внешность служит предметом К при общении с другими Ж.

Что Вы чувствуете, когда Вы делаете К?

При выражении К и у Ж и у М преобладают положительные эмоции - у Ж радость, удовольствие (60%), восторг/восхищение (15%), у М удовлетво-

ние (35%), воодушевление, восхищение, радость (15%), положительные эмоции (15%).

Что Вы чувствуете, когда Вам делают К?

Чувства, который вызывает К у М и у Ж в основном совпадают - большей частью это положительные ощущения, такие как радость, удовольствие, подъем настроения, счастье (М 60%, Ж 65%), однако 25% М и 15% Ж в этой ситуации испытывают неловкость, смущение, стеснение или чувствуют, что им не по себе.

Определение К.

Для российских молодых Ж суть К составляет стремление доставить удовольствие собеседнику и установить дружеские отношения, для них К – это повышение настроения (25%), выражение одобрения (20%), внимания (15%), установление контакта (15%). Для М ведущей характеристикой К является выражение своего положительного отношения к адресату: доброжелательности (30%), восхищения (10%), симпатии (10%), а также установление контакта (15%).

Мотивация выражения К

У половины опрошенных М преобладающей мотивацией для К является самовыражение: дать одобрительную оценку (30%), подчеркнуть доброжелательность (20%) и желание наладить контакт (20%), добиться расположения (10%), и лишь четвертая часть опрошенных М ориенти-

ровалась на адресата и руководствовалась стремлением сделать приятное (10%), расслабиться, разрядить обстановку (10%).

В отличие от М для большинства опрошенных Ж (95%) главным мотивом К является ориентация на чувства адресата: стремление повысить настроение (40%), сделать приятное (20%), подбодрить (15%), выразить симпатию, расположение (20%), тогда как некоторыми движет желание расположить к себе (15%) с целью установления контакта. В целом, у большинства женщин К ориентирован на собеседника, тогда как для мужчин К скорее является средством самовыражения.

Ответная реакция на К.

Абсолютное большинство Ж (90%) и половина М (50%) отвечают на К клишированным выражением благодарности *Спасибо*. Вместе с тем, значительная часть М (40%) отрицает К в ответной реплике *не за что*, что у Ж наблюдается значительно реже (10%).

Получаемая реакция на К.

Большинство М (80%) и Ж (75%) в ответ на К слышат выражение благодарности *спасибо*, однако в отличие от М, ответной реакцией на «женский» К нередко служат пояснения (15%) вместо *спасибо*.

Сопоставительный анализ результатов: гендерный аспект

В целом, результаты эксперимента №1 позволяют сделать предположение о наличии в следующих заметных гендерных сходств и различий в речевом поведении между молодыми российскими женщинами и мужчинами в ситуации комплиментарных речевых актов.

Различия

Женщины. Ж значительно чаще, чем М, делают К родным (Ж 75%, М 20%) и друзьям по поводу внешнего вида (Ж 75%, М 45%) и одежды (Ж 55%, М 40%), младшим по возрасту коллегам (Ж 45%, М 25%) и в десять раз чаще младшим членам семьи (Ж 50%, М 5%).

Ж чаще делают К женщинам (50%), чем мужчинам (35%). Ж получают К почти в

два раза чаще, чем М от родных (Ж 40%, М 20%) и от друзей (Ж 70%, М 40%), но частотность от М (50%) и от Ж (40%) почти одинакова. Абсолютное большинство Ж (90%) отвечают на К клишированным выражением благодарности *Спасибо* и редко (10%) отрицают К, однако ответной реакцией на «женский» К нередко вместо *спасибо* служит пояснение (15%).

Для Ж суть К составляет стремление доставить удовольствие собеседнику и установить хороший контакт: повышение настроения (25%), выражение одобрения (20%), внимания (15%), установление контакта (15%). Для большинства опрошенных Ж (95%) главным мотивом К является ориентация на чувства адресата: стремление поднять настроение (40%), сделать приятное (20%), подбодрить (15%), выразить симпатию, расположение (20%), и лишь некоторыми движет желание расположить к себе собеседника (15%) с целью установления контакта.

Мужчины. Абсолютное большинство опрошенных М (85%) считают, что они делают К часто или иногда, 20% М признаются, что редко делают К. Значительное большинство М (65%) делают К женщинам, и лишь некоторые из них делают К другим М (5%). М вдвое чаще (65%) делают К женщинам, чем Ж мужчинам (35%) и соответственно вдвое чаще получают К от Ж (40%), чем от М (20%). М чаще, чем Ж, делают и получают К по поводу квартиры и машины. М в общении с М вдвое реже, чем в общении с Ж, делают К по поводу одежды (с М 30%, с Ж 60%) и по поводу внешнего вида (с М 20%, с Ж 100%), но чаще по поводу машины (с М 45%, с Ж 25%). При общении с Ж все М (100%) считают внешний вид подходящим предметом для К, тогда как лишь у 65% Ж предметом К при общении с Ж является внешность. Половина М (50%) отвечают на К клишированным выражением благодарности *спасибо*. С другой стороны, мужчинам больше, чем женщинам, свойственна тенденция отрицать К (М 40%, Ж 10%).

Для М ведущей характеристикой К является выражение своего положительного отношения к адресату: выражение доброжелательности (30%), восхищения (10%), симпатии (10%). У половины опрошенных М преобладающей мотивацией для высказывания К является самовыражение: дать одобрительную оценку (30%), подчеркнуть доброжелательность (20%). Треть из них мотивирована желанием наладить контакт (20%), или добиться расположения (10%), и лишь четвертая часть опрошенных ориентировалась на адресата и руководствовалась стремлением сделать приятное (10%) или расслабиться, разрядить обстановку (10%).

Сходства

Половина М и Ж часто делают К (М 45%, Ж 50%). Для Ж и для М суть К составляет выражение положительного отношения к адресату, стремление доставить удовольствие собеседнику и установить хороший контакт. Однако у М ведущей мотивацией является самовыражение, тогда как для Ж главное желание - сделать приятное собеседнику. При общении с детьми и супругами 40% М и Ж делают К, но 20% М и 25% Ж их не делают. При общении с родными у М и Ж нет значимой разницы в частоте выражения К - и те и другие чаще делают К по поводу действий (М 60%, Ж 50%), внешности и одежды (М 60%, Ж 70%), реже по поводу квартиры и машины (М 15%, Ж 15%). Приблизительно равное количество опрошенных М и Ж (от 40 до 60%) делают К различным адресатам по поводу действий. Большинство Ж и М делают К женщинам по поводу одежды (М 60%, Ж 55%), и значительно меньше (5-10%) по другим поводам (дети, квартира, машина). Абсолютное большинство Ж (90%) и половина М (50%) отвечают на К

клишированным выражением благодарности *спасибо*, и большинство из них получает такую же реакцию в ответ на К (М 80%, Ж 75%). Для российских М и Ж не свойственно делать К супругам и детям и младшим по возрасту коллегам, а также выражать К по поводу детей, жилища и машины различным собеседникам. Исключение составляет К по поводу машины адресованный М: 45% М и 25% Ж делают К в данной ситуации.

Часть 2. Средства выражения комплимента (Психолингвистический эксперимент №2)

Для выявления характера реакции на комплиментарную ситуацию, способов её осуществления и структурно-семантических моделей, используемых при вербальной реакции мужчинами и женщинами, методом анкетирования был проведен психолингвистический эксперимент №2. Анкета №2 (Приложение №2) содержит три типа наиболее распространенных ситуаций: №1 - «новый свитер», № 2 - «внешний вид», № 3 - «новая мебель». В пределах каждой ситуации были представлены четыре типа прагматических контекстов, варьирующихся по признакам возрастной и психологической дистанции между коммуникантами - близкая/неблизкая, симметричная/ несимметричная:

- а. симметричные близкие отношения (с друзьями)
- б. симметричные неблизкие отношения (со знакомыми)
- в. несимметричные близкие отношения (со старшими по возрасту)
- г. несимметричные близкие отношения (с младшими по возрасту).

Респондентам предлагалось написать свою реакцию на каждый заданный вариант ситуации

Например:

Как бы вы прореагировали в следующих ситуациях:

Ситуация 1. Вы увидели новый свитер на

а. вашем близком друге

Никак ___ Я скажу: _____

б. вашем знакомом

Никак___ Я скажу:_____

в. старшем по возрасту родственнике/знакомом

_____ Никак___ Я скажу: _____

г. младшем по возрасту родственнике/знакомом

Никак___ Я скажу: _____

Анкета №2 была распространена среди студенческой молодежи Москвы и Воронежа (средний возраст 21.7). Ниже приводятся данные, полученные при обработке двухсот анкет, по сто в каждой гендерной группе, и анализируется корреляция между гендерным фактором и частотностью реакций на комплиментарную ситуацию и характером её выражения. Исчисление частотности реакций дается в процентах, выведенных не из относительно общего числа *возможных* реакций, а из соотношения количества *реальных* вербальных реакций на заданную ситуацию. Например, в Ситуации №1 (см. ниже) в соотношении 62/80/77% первая цифра (62) обозначает количество респондентов-женщин, которые прореагировали в вербальной форме, вторая цифра (80) указывает на общее число возможных реакций на данную ситуацию, и третья цифра (77%) означает процентное соотношение между реальным и возможным количеством реакций.

Обсуждение результатов

Ситуация 1: «новый свитер», все контексты.

	Ж	М	Всего
Количество реакций:	62/80/77%	21/60/35%	83/140/59%
Отсутствие реакции:	18/80/23%	39/60/65%	57/140/41%
Тебе идет X/к лицу	24%	24%	24%
Отлично выглядишь	14.5%	24%	16%
Ж хорошо (6), моложе (1), отлично(2)			
М отлично(2), классно(2), замечательно(1)			
Какой красивый X.	16%	3%	13%
Классный X!	3%	19%	5%
Ж прикольный, красивый			
М классный			
У тебя новый X. Отличный. 11%		0%	8%
Ж отличный, классный, супер, красивый, клёвый, обалдеть			
Вопрос	13%	14%	13%
Новый?/ Где купила?/ Кто подарил/купил?/Версачи?и др.			
Разное	14.5%	14%	14.5%
Какая ты красива/Очень симпатично/ Мне очень нравится/Ты сегодня неотразима/ Фирменная вещь/ Поздравляю с обновой, и др.			

Комментарии

Среднее количество вербальных реакций на Ситуацию 1 («новый свитер») составляет 59%, менее половины респондентов (41%) не прореагировали, однако количество реакций Ж вдвое превышает их количество у М (77% и 24% соответственно), и наоборот, втрое больше М, чем Ж, не реагируют на неё (65% и 22% соответственно).

В данной ситуации есть неярко выраженная доминанта форм выражения - клишированное выражение *Тебе идет X/к лицу*. Часто встречаются и две другие модели: *Отлично выглядишь, Какой красивый X*:

Тебе идет X/к лицу	Всего 24%, 24.5%, М 24%.
Отлично выглядишь	Всего 16%, 14.5%, М 24%
Какой красивый X	Всего 13%, Ж 16%, М 3%

Эксперимент позволил выявить некоторые гендерные предпочтения в использовании моделей. Так, восклицательно-усилительная модель *Какой красивый X!* преимущественно употребляется Ж (Ж 16%, М 3%), тогда как М отдают предпочтение синтаксической модели «оценочное прилагательное + имя» *Классный X!* (М 19%, Ж 3%). Гендерно зависимым оказалось и лексическо-семантическое наполнение модели *Отлично выглядишь*. М чаще употребляют прилагательные с завышенной положительной оценкой (отлично(2), классно(2), замечательно(1)), а женщины - прилагательные умеренной оценки (хорошо (6), моложе (1), отлично(2)).

Ситуация 2: «хорошо выглядишь», все контексты.

	Ж	М	Всего
Количество реакций:	54/80/67.5%	23/60/38%	77/140/55%
Отсутствие реакции:	26/80/32.5%	37/60/62%	63/140/45%

(Ты)Хорошо выглядишь	59%	78%	63.6%
----------------------	-----	-----	-------

Ж (14 вариантов): хорошо(10), очень хорошо(2), отлично(4), замечательно(3), здорово(3), прекрасно (1), великолепно (1), прелестно(1), классно(1), просто супер (1), клёво(1), на все сто(1), с каждым днём/годом лучше (2), прямо счастливым(1)

М (8 вариантов): хорошо(8), так хорошо(2), очень хорошо(2), отлично(2), замечательно(1), прекрасно (1), классно(1), потрясающе(1)

Ты(сегодня)(такая) красивая	13%	13%	13%
Какая ты(сегодня) красивая	5.5%	0%-	4%
Вопросы	13%	4%	10%

(А что) У тебя сегодня праздник?/ А по какому поводу нарядилась?/

У тебя сегодня какой-то повод?/Влюбилась?

Разное	11%	0%	8%
--------	-----	----	----

Тебе очень к лицу X/ Как ты хорошо выглядишь сегодня!/Ты сегодня особенно хороша/Расцветает на глазах/ Классно!/Так держать! /Замечательный ребёнок!

Комментарии

В Ситуации 2 («хорошо выглядишь») наиболее частотными оказались три модели:

(Ты) (сегодня) хорошо выглядишь	Всего 65%, Ж 59%, М 78 %
---------------------------------	--------------------------

Ты(сегодня) (такая) красивая	Всего 13%, Ж 37%, М 13%
------------------------------	-------------------------

Какая ты(сегодня) красивая	Всего 4%, Ж 5.5%, М 0%.
----------------------------	-------------------------

В данной ситуации ярко выраженной доминантой выражения К является устойчивая/клишированная модель *(Ты)(сегодня) хорошо выглядишь*, на долю которой приходится 65% всех ответов, из них 54% среди Ж и 78% среди М.

Что касается лексической вариативности, следует отметить, что все 14 наречий, использованных респондентами, выражают положительную оценку внешности адресата. Наиболее частотна нейтральная оценка *хорошо* (36%) и её усиленные варианты *очень хорошо* и *так*

хорошо (общая частотность 48%). В речи М нейтральная оценка употребляется чаще, чем в речи Ж (М 44% и Ж 31%), и наоборот, «женскому» К более чем «мужскому» свойственна повышенная степень положительной оценки: *очень хорошо, отлично, замечательно, здорово, прекрасно, великолепно, прелестно, классно, просто супер, клёво, на все сто, с каждым днём/годом лучше, прямо счастливым* (Ж 69%, М 55%). Регулярная, но не частотная модель *Ты(сегодня)(такая) красивая* (13% всех употреблений) и её восклицательный вариант *Какая ты(сегодня) красивая*, который в нашей базе данных отмечен лишь в «женском» К (5.5%). Остальные модели индивидуальны. Интересно отметить, что довольно типичной реакцией (10%) на хороший внешний вид является уточняющий или иронический вопрос, более свойственный Ж, чем М (Ж 13%, М 4%).

Ситуация 3: «новая мебель», все контексты.

	Ж	М	Всего
Количество реакций:	53/80/66.3%	16/60/26.7%	69/140/49.3%
Отсутствие реакции:	27/80/33.75%	44/60/73.3%	71/140/50.7%
Красиво!	40%	6%	27.5%
Ж: красиво (2), очень красиво (2), класс(2), здорово(1), очень мило (2) прикольно (1), уютно(1), удобно (1), очень уютно(1), очень удобно (1) супер (2), прекрасно(2), поздравляю (1) М: хорошо, уютно(1)			
Х классный/Классный X	4%	19%	7%
Ж: классный(1), великолепный (1), М: классный (1), супер (1), козырный(1)			
Какой красивый X	15%	0%	11%
Ж: классный(3), красивый (5)			
У тебя хороший вкус	13%)	6%	11.6%
У тебя новый X + оценка	11%	0%	8.7%
Ж: красивый (2), супер (1) классно (2)			
У тебя так/стало уютно	5.6%	0%	4%
Ж: уютно(2), здорово(1)			
Вопрос	4%	25%	8.6%
Где/давно/когда/по какому поводу купил X?/ Разбогатели?			
Разное	13%	25%	16%
Хорошо устроился/ Прекрасный выбор, и др.			

Комментарии

Среднее количество вербальных реакций на Ситуацию 3 («новая мебель») составляет лишь 49.3%, половина респондентов (50.7%) предпочли никак не прореагировать. Следует, однако, отметить значительную гендерную диспропорцию – количество реакций Ж более чем вдвое превышает их количество у М (66.25% и 26.7% соответственно), и наоборот, Ж гораздо реже, чем М оставляют данную ситуацию без внимания (33.75% и 73.3% соответственно).

Что касается форм выражения К, заметим, что в данной ситуации нет ярко выраженной доминанты. Наиболее часто встречаются следующие модели:

1. Красиво! Всего 27.5%, Ж 40%, М 6%
2. Какой красивый X Всего 11%, Ж 15%, М 0%
3. У тебя хороший вкус Всего 11%, Ж 13%, М 6%
4. Классный X (диван). Всего 7%, Ж 3%, М 19%.

Эксперимент показал, что М предпочитают краткую модель «оценочное прилагательное + имя» *Класный X* (19%), а Ж – модель «оценочное наречие» *Красиво!* (40%). Восклицательный вариант модели Пр+Имя *Какой красивый X* отмечена лишь в «женском» К (15%).

Сопоставительный анализ результатов: гендерный аспект

Сопоставительный анализ результатов психолингвистического эксперимента №2, проведенного среди российской студенческой молодежи в возрасте до 30 лет, позволил выявить ряд значительных гендерных различий в коммуникативном поведении в заданных ситуациях, в частности в характере общей реакции на комплиментарную ситуацию, выборе моделей К и типах реакций на К.

Частотность выражения К

Наиболее разительное отличие в комплиментарном поведении М и Ж отмечено в общей частотности реализации К. Ж выражают К вдвое чаще, чем М, во всей совокупности ситуаций (Ж 70.4%, М 33.3%), соответственно М вдвое чаще, чем Ж, воздерживаются от его выражения (М 66.7%, Ж 29.6%).

Все ситуации

Количество реакций: Всего 229/420/54.5%, Ж 169/240/70.4%, М 60/180/33.3%

Отсутствие реакции: Всего 191/420/45.5%, Ж 71/240/29.6%, М 120/180/66.7%

Особенно заметна значительная гендерная диспропорция при общении с младшими по возрасту. Приводимые ниже сравнительные данные об общей частотности реализации К во всех ситуациях в целом и в общении с младшими по возрасту показывают, что абсолютное большинство М не реагируют на обмену младшего собеседника (свитер 87%, мебель 93%), в то время как абсолютное большинство Ж делают младшим комплимент по поводу одежды (свитер 85%), но реже по поводу мебели (35%). Такое различие в коммуникативном поведении в какой-то мере определяются гендерными различиями в понимании назначения К, выявленными в ходе психолингвистического эксперимента №1. Так, для большинства Ж (60%) суть К составляет стремление сделать приятное собеседнику - повысить настроение, выразить внимание, одобрение, что, как известно, особенно важно для детей и подростков. Половина же респондентов-мужчин среди главных характеристик К отмечает желание наладить контакт и добиться расположения собеседника, что, вероятно, не распространяется на младших по возрасту коммуникантов.

Ситуация	кол. реакций %		кол. отсутствия реакции %	
	Ж	М	Ж	М
По всем ситуациям	70.4	33.3	29.6	66.7
Сит. 1 «новый свитер»	77	35	22	65
С младшими	85	13	15	87
Сит. 2 «хороший вид»	65	38	32	62
С младшими	67	38	30	64
Сит. 3 «новая мебель»	66	26	43	73
С младшими	35	7	65	93

Выбор моделей для выражения К

Наиболее частотные модели К:	Всего	Ж	М
(Ты)(сегодня) хорошо выглядишь(сит1,2)	27%	23 %	38 %
Красиво! (сит 1, 3)	7%	9%	1%
Какой красивый X. (сит 1, 3)	9.6%	10.6%	6.6%

Эксперименты показали, что гендерные различия в выборе моделей выражения К и в их семантическом наполнении по всем ситуациям выражаются в следующем. Во-первых, Ж используют значительно большую вариативность моделей и их лексического наполнения. М предпочитают клишированные синтаксические конструкции (*хорошо выглядишь* 38%) и нейтральное лексическое наполнение. В речи М нейтральная оценка употребляется чаще, чем в речи Ж (М 44% и Ж 31%), тогда как «женский» К чаще содержит широкий набор слов с положительной оценкой: *очень хорошо, отлично, замечательно, здорово, прекрасно, великолепно, прелестно, классно, просто супер, клёво, на все сто, с каждым днём/годом лучше, прямо счастливым* (Ж 69%, М 35%). Усилительная модель *Ты (сегодня)(такая) красивая* и её восклицательный вариант *Какая ты(сегодня) красивая* в нашей базе данных отмечен лишь в «женском» К. При выражении К М предпочитают лаконичную модель «оценочное прилагательное + имя» *Классный Х* (19%), а Ж – односоставную модель «оценочное наречие» *Красиво!* (40%).

Гендерные различия в форме выражения скорее всего объясняются общей социальной установкой на гендерное поведение: от М ожидается сдержанность в проявлении эмоций, но от Ж проявление эмоций вполне допускается и даже желательно.

Выводы

Обобщив результаты сопоставительного анализа проведенных экспериментов, следует заключить, что в ситуации речевого акта комплимента в коммуникативном поведении российских молодых мужчин и женщин наблюдается больше различий, чем сходств. Сходства отмечены в стандартных ситуациях при общении с коллегами, с представителями другого пола и с членами семьи. Различия прослеживаются в области частотности выражения и получения К от друзей и родных.

Можно предположить, что речевое поведение представителей различных гендерных групп определяется различиями в понимании назначения К и, соответственно, его мотивации. Несмотря на то, что и Ж и М указывают в своем определении К такие характеристики, как выражение положительного отношения к адресату, стремление доставить удовольствие собеседнику и установить хороший контакт, ведущей мотивацией у М оказывается самовыражение, т. е. ориентация на отправителя, тогда как для Ж К мотивирован ориентацией на чувства адресата. Для М комплимент представляет собой возможность выразить свое хорошее отношение к собеседнику, что более естественно проявляется в ситуациях, где требуется установить или поддержать баланс, например в рабочей обстановке с коллегами или в общении с женщинами не в домашней обстановке. Для женщин К – это прежде всего стремление сделать приятное собеседнику, улучшить его настроение. Следствием этого является большая частотность выражения К в каждодневных ситуациях при общении с друзьями, родными, младшими коллегами и членами семьи, с другим женщинам.

Представленные в статье данные ограничены рамками избранной группы респондентов (российская студенческая молодежь), однако методики и результаты могут быть использованы в применении к анализу других субъектов и для межкультурного сопоставления, что составляет перспективу нашего исследования.

Литература:

Агаркова О. А. Прагматические аспекты комплимента как формы речевого акта: Дис. ... канд. филол. наук. - Челябинск, 2004. - 201 с.

Гришаева Л.И. Объект комплимента в гендерном измерении// Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва: Изд. МГЛУ. 2001. – с. 152-161.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М: УРСС, 2003. - 235 с.

Коллегаева И. М. Специфика интерактивного единства «комплимент – реакция» в английском языке (на материале художественных произведений и кинофильмов: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Кемерово, 2003.-16с

Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть», «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 1999. - 26 с. Мосолова И. Ю. Комплиментарные высказывания с позиций теории речевых актов: Дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 2005. - 201 с.

Мурашкина Э. В. Комплимент как регулятивный речевой акт. На материале английского языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2004. - 22 с.

Сальникова И. В. Комплимент в британской и американской лингвокультурах: коммуникативные и лингвокультурологические аспекты: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж. 2006. - 16 с.

Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. - Воронеж. 2002 - 16 с.

Серль Дж. Р. Вандевекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ языка. - М.: Прогресс, 1986. - С. 242-263.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический методический аспект. Изд.2-е переработ. и доп. – М.: Русский язык, 1987. - 158 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. -М.: ИКАР, 2002. - 234 с.

Coulmas, F. Conversational Routines. The Hague; Mouton. 1980.

Herbert, R. The sociology of compliment work: an ethnographic study of Polish and English compliments. *Multilingua* 10-4, 1991. - P. 381-402.

Herbert, R. Sex-based differences in compliment behavior. *Language in Society* 19. 1990 -P.201-224.

Herbert, R. The ethnography of English compliments and compliment responses: a contrastive sketch. In Oleksy, W. (ed.). *Contrastive Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins. 1989-P.3-35.

Homes, J. Compliments and compliment responses in New Zealand English. *Anthropological Linguistics* 28. 1988a. - P.845-508.

Homes, J. Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy. *Journal of Pragmatics* 12. 1988b -P. 445-465.

Leech, Geffery. Principles of pragmatics. London: Longman. 1983.-P. 254

Manes, J. Compliments: a mirror of cultural values. In Wolfson, N. and E. Judd (eds.) *Sociolinguistics and Language Acquisition*. Rowley, Mass.: Newbury House. 1983.-P. 96-102.

Manes, J. and Wolfson, N. The compliment formula. In Coulmas, F. (ed.) *Conversational Routines*. 1980.-P. 115-132.

Pomerantz A. Complement responses: notes on the co-operation of multiple constraints. In Schenkein, J. (ed.) *Studies in the organization of conversational interaction*. New-York: Academic Press. 1978. - P. 78-112.

Wolfson, N. An empirically based analysis of complimenting in American English. In Wolfson, N. and E. Judd (eds.) *Sociolinguistics and Language Acquisition*. Rowley, Mass.: Newbury House. 1983. - P. 82-95.

Wolfson, N. Compliments in cross-cultural perspective. *TESOL Quarterly* 15 .1981. -P. 117-124.

Wolfson, N. and Manes, J. The compliment as a social strategy. *Papers in Linguistics* 13. 1980. - P.391-410.

Сноски

1. Я выражаю огромную признательность всем преподавателям и студентам, проводившим и участвовавшим в опросе. Опрос проводили:

Е. Ф. Тарасов (Российский Новый университет), Н. В. Уфимцева (Московский государственный лингвистический университет), Е. Ю. Соколова (Институт гуманитарного образования Московской области), О.В. Балясникова (Московский гуманитарно-экономический институт), О. В. Загорев

ская (Воронежский педагогический университет), Л. В. Цурикова, Л. Н. Гришаева, С. Н. Трухина (Воронежский государственный университет).

Особая благодарность директору Института языкознания Российской Академии Наук проф. В. А. Виноградову, заведующему сектором психолингвистики Института

языкознания проф. Е. Ф. Тарасову, ведущему научному сотруднику сектора проф. Н. В. Уфимцевой и преподавателю кафедры психологии Московского государственного университета А. А. Нистратову за ценные советы и предложения, высказанные в ходе проведения эксперимента и систематизации полученных данных.

Приложение №1

Анкета № 1. Комплимент (К): кто, кому, когда и почему выражает К.

Ваш возраст _____ Пол ___М___Ж Образование _____

1. Как часто Вы делаете К? Часто___ Иногда___ Редко___ Каждый день___
2. Как часто Вам делают К? Часто___ Иногда___ Редко___ Каждый день___
- 3а. Кому Вы чаще всего делаете К? Коллегам___ Друзьям___ Родным___
Мужчинам___ Женщинам___
- 3б. Вы делаете К младшим по возрасту:
Коллегам Да ___ Нет___ Иногда___
Членам семьи Да ___ Нет___ Иногда___
- 3в. Вы делаете К супругу? Да ___ Нет___ Иногда___
детям? Да ___ Нет___ Иногда___
4. Кто Вам чаще всего делает К? Коллеги ___ Близкие ___ Родные ___
Мужчины___ Женщины___

По какому поводу Вы чаще всего делает комплименты?

	Одежда	Внешн.вид	дети	квартира	машина	действия
Коллегам	_____	_____	_____	_____	_____	_____
Друзьям	_____	_____	_____	_____	_____	_____
Родным	_____	_____	_____	_____	_____	_____
Мужчинам	_____	_____	_____	_____	_____	_____
Женщинам	_____	_____	_____	_____	_____	_____

Что Вы чувствуете, когда Вы делаете К? _____

Что Вы чувствуете, когда Вам делают комплимент? _____

Что Вы чаще всего говорите, когда Вам делают комплимент?

Спасибо _____ Да что вы! _____ Даете пояснения _____ Ничего _____

9. Что Вы чаще всего слышите в ответ на Ваш комплимент?

Спасибо _____ Да что вы! _____ Дают пояснения _____ Ничего _____

Как бы Вы определили комплимент? Комплимент – это

Какова ваша мотивация, когда Вы делаете комплимент?

Приложение №2

Анкета № 2 Способы выражения комплимента

Ваш возраст: _____ Пол: Ж___М___ Образование: _____

Как бы вы прореагировали в следующих ситуациях:

Ситуация 1. Вы увидели новый свитер на

а. вашей близкой подруге/друге

Никак___ Я скажу: _____

б. вашей знакомой/ом

Никак__ Я скажу: _____

в. старшем по возрасту родственнике/знакомом

Никак__ Я скажу: _____

г. младшем по возрасту родственнике/знакомом

Никак__ Я скажу: _____

Ситуация 2. Вы заметили, как хорошо выглядит

а. ваша близкая подруга/друг

Никак__ Я скажу: _____

б. ваша знакомая/ый

Никак__ Я скажу: _____

в. старшие по возрасту родственники/знакомые

Никак__ Я скажу: _____

г. младшие по возрасту родственники/знакомые

Никак__ Я скажу: _____

Ситуация 3. Вы обратили внимание на новую мебель в квартире

а. вашей близкой подруги/друга

Никак__ Я скажу: _____

б. вашей знакомой/ого

Никак__ Я скажу: _____

в. старшего по возрасту родственника/знакомого

Никак__ Я скажу: _____

г. младшего по возрасту родственника/знакомого

Никак__ Я скажу: _____

ДИСКУССИИ

И.А. Стернин

ЗНАЧЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ

Для современной философии, психологии, психолингвистики, нейрофизиологии и ряда других наук очевидным является неоднородность сознания, что проявляется в сосуществовании разных видов сознания. Для рассмотрения поставленной нами проблемы существенным является разграничение *когнитивного сознания* (сознания, представляющего собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность) и *языкового сознания* (закрепленного языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных значений языковых знаков). Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычленяемые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании и образующих само содержание этих видов сознания, а также выделить разные типы как концептов, так и значений.

Для современных исследований в области когнитивной лингвистики концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения действительности. При этом значение выступает как часть концепта, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая собой коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее

и глубже, чем его представление в словарях. В связи с этим целесообразно разграничить два типа значений.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный редукционизм. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

Получаемое в результате применения принципа редукционизма при составлении словарной дефиниции значение можно условно назвать *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и любые наблюдения над текстовым употреблением слова, а также повседневная практика разговорного сло-

воупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные, дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца, собаки, яблока, березы, моркови, лужи, окурка, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих эти предметы, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических

переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слово дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального значения* слова. Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости. Психологически реальное значение – это значение в том виде, в котором оно представлено в языковом сознании носителя языка.

Психологически реальное значение может быть выявлено и описано в результате исчерпывающего анализа все зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, мало реально технически и все равно оставляет возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психологически реальное значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психологически

реального значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи. Эти знания представлены и упорядочены в концепте в виде компонентов - когнитивных признаков и когнитивных классификаторов.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами – совокупностью слов, образующих лексическое поле, фразеологическими единицами, паремиями, текстами, в которых толкуется соответствующий концепт и его отдельные компоненты и т.д. Эти компоненты также могут быть выявлены экспериментальными методами – методом субъективных дефиниций, анкетированием, интервьюированием и др.

Собрав по возможности максимальный объем *языковых средств*, объективирующих концепт, исследователь получает материал для *когнитивной интерпретации* результатов лингвистических исследований: значения всех выявленных языковых средств отражают отдельные стороны концепта. Обобщив и упорядочив их, а также обобщив результаты экспериментального исследования и описания психологически реального значения слова и собственно концепта, исследователь получает некоторую модель структуры и содержания концепта.

Значение слова (семема) представляет собой совокупность семантических компонентов – сем. Вычлняя и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные (парадигматические) отношения между семемами по семам в рамках семантемы (совокупности семем одного слова), лингвист должен понимать, что это еще не сами концепты из концептосферы, это лишь отдельные их составляющие, *репрезентированные* той или языковой семемой или семой. Выявление психологиче-

ски реального значения более приближает исследователя к описанию содержания концепта, но и оно не исчерпывает концепт. Чем больше описано значений лексем, объективирующих концепт, и чем больше из них описано на уровне психологически реального значения, тем ближе мы к моделированию реального содержания и структуры концепта.

Но даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе.

Современная семасиология представляет смысловое содержание слова как систему семем и сем (семантических признаков), имеющих полевую структуру - с ядром, ближней, дальней и крайней периферией. Есть основания думать, что и концепт имеет полевую организацию. По крайней мере, наличие в нем ядра (перцептивного образа универсального предметного кода), более конкретных и более абстрактных компонентов и слоев представляется очевидным.

Очевидно, знак УПК как наиболее яркий образ, кодирующий концепт, входит в ядро концепта; он носит *индивидуальный* чувственный характер и как таковой может выявляться и описываться преимущественно экспериментальными методами. Этот образ может быть выявлен в ходе лингвистического интервью: «Опишите наиболее яркий образ, который у вас связан с понятием (словом) X», «X – внешне какой?», «X - что делает?» и т.д.

Отметим, что обработанного, стандартного образа в сознании отдельной личности может не быть, либо он будет иметь большую существенную или даже решающую личную составляющую, поскольку образ всегда формируется из опыта личной перцептивной деятельности человека.

Концепт в сознании отдельного человека может быть вообще полностью личностным по содержанию. В таком случае говорят – «у него свое понятие о...», «у него

свое представление о...». Это может обнаружиться и в словоупотреблении такого человека – он будет употреблять для экспликации своего концепта общеизвестные слова, но в таком смысле, который не является общепринятым, либо окажется вообще неспособным словесно вербализовать индивидуальный концепт.

Из сказанного следует, что нельзя смешивать значение и концепт: концепт – единица концептосферы, значение – единица семантической системы (семантического пространства языка).

Значение – как лексикографическое, так и психологически реальное, своими системными семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения, а также дополнительные экспериментальные и иные исследования содержания концепта, которые дополняют результаты его лингвокогнитивного анализа.

Концепт, как и значение, имеет определенную структуру. Очевидно, что разные типы концептов будут различаться и по своей структуре, но на современном этапе лингвокогнитивных исследований можно предположить, что все концепты имеют определенное структурное сходство, касающееся их базовых структурных элементов.

Так, в каждом концепте выявляется некоторый перцептивный образ – он может, кстати, входить и в лексикографическое значение (красный, кислый, теплый), может обнаруживаться только в психологически реальном значении или только в чисто когнитивной составляющей концепта.

Экспериментальное исследование показало, что, например, наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и жи-

вотных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Максимально яркие образы были выявлены для таких единиц как солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны, резче различаются у разных испытуемых: религия – церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, библия, свечи; молчание – люди со сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина; быт – мытье посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры; математика – цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, испанная формулами доска и т.д.

Если же конкретный наглядный образ выявляется как групповой, во многих компонентах совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциям в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – белая, пустыня – песок и т.д.), то этот образ уже можно рассматривать как факт концептосферы *народа*, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием.

В концепте вычленяется также *информационно-понятийное содержание*, которое тоже может обнаруживаться частично в лексикографическом значении, в несколько более полном объеме – в психологически реальном значении и в максимально полном – в чисто когнитивной части концепта.

Перцептивный образ и информационное содержание образуют когнитивный каркас концепта, структурируют его. Это *структурированная часть концепта*.

Кроме когнитивного каркаса, в концепте можно выделить *интерпретационное поле*

– это обширная составляющая концепта, которая носит неструктурированный характер и включает оценки, ценностное отношение к концепту, вытекающие из информационного содержания концепта общественные суждения и установки о том, что надо делать, чего не надо делать, различные противоречивые характеристики содержания концепта, прецедентные тексты, связываемые в общественном или индивидуальном сознании с данным концептом и т.д. – то есть это рациональное и эмоционально-оценочное осмысление образа и информационного содержания концепта.

Интерпретационное поле как вата пронизывает концепт, наполняет его, заполняет «место» между его структурными компонентами, категориальными признаками, ядерными и периферийными слоями. Это *неструктурированная* часть концепта, которая может быть описана как перечисление признаков. Например, к интерпретационному полю концепта *вода* могут быть отнесены многочисленные сведения типа: *в воде можно утонуть, вода бывает голубая, воды часто не бывает, без воды и не туды и не сюды* и т.д.

Таким образом, концепт принадлежит *когнитивному сознанию* человека, а лексикографическое значение и психологически реальное значение – *языковому сознанию* человека. При этом само языковое сознание является частью когнитивного сознания, в связи с чем четкие разграничения в принципе условны и необходимы преимущественно в исследовательских целях, поскольку методики исследования когнитивного сознания и языкового сознания совпадают лишь частично: при исследовании языкового сознания мы должны стоять исключительно на позициях языка и опираться на лингвистические факты и результаты лингвистических экспериментов; при описании концептосферы, когнитивного сознания, лингвистические методы оказываются лишь одним из способов анализа, могут быть применены другие – культурологические, этнографические, социально-психологические и т.д., хотя лингвистиче-

ские методы оказываются, с нашей точки зрения, в любом случае наиболее надежными.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами: результаты лингвистических наблюдений подвергаются когнитивной интерпретации, что позволяет моделировать концепты как единицы когнитивного сознания в опоре на полученные лингвистические данные.

Наиболее эффективным экспериментальным методом изучения психологически реального значения (ПРЗ) и концептов является ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях - свободный ассоциативный эксперимент и направленный ассоциативный эксперимент.

Свободный ассоциативный эксперимент для определения ПРЗ дает актуально осознаваемые семантические компоненты и парадигматические связи, для концепта – как когнитивные признаки, так и связи концептов.

Свободный ассоциативный эксперимент с учетом нескольких реакций снижает точность описания ПРЗ, но не снижает точности описания концепта.

Направленный ассоциативный эксперимент позволяет выявить преимущественно периферийные компоненты ПРЗ, но дает возможность выявить как ядерные и периферийные когнитивные признаки концепта.

Покажем методику определения психологически реального значения слова на примере лексемы ДОЛГ. Исследование под нашим руководством выполнено Ж.И.Фридман.

Описание психологически реального значения слова предполагает проведение ассоциативного эксперимента и семантическую интерпретацию его результатов.

Под *семантической интерпретацией* понимается интерпретация значений полученных ассоциатов как семантических компонентов (сем) значения слова-стимула, а также группировку полученных

семантических компонентов в семеме (отдельные значения) по общности их денотативной отнесенности.

Не интерпретируются устойчивые фразы (вежливость – *королей*), индивидуальные ассоциации (долг – *мороз*).

Семантическая интерпретация результатов ассоциативного эксперимента осуществляется как последовательность следующих шагов.

Различия между ПРЗ и концептом

Психологически реальное значение	Концепт
Описывается экспериментальными приемами с учетом только первой реакции испытуемых	Описывается экспериментальными приемами с учетом нескольких реакций испытуемых
Выявляется семантической интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Экспериментальный материал делится на значения по денотативной отнесенности выявленных семантических компонентов	Не делится на значения, имеет целостный характер
Формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются составляющие концепт когнитивные признаки по убыванию яркости
Ядро и периферия выделяются в каждом значении	Ядро и периферия выделяются в концепте в целом
Характеризует содержание конкретного слова (изолированно взятого)	Характеризует содержание, выражаемое группой языковых средств (номинативным полем концепта)
Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
В семмах выделяются семантические признаки	В когнитивных признаках выделяются когнитивные классификаторы
Включает семантические компоненты, актуально связываемые в сознании испытуемых с данным словом	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти когнитивные признаки
Структурно представляет собой семемы, упорядоченные по полемому принципу	Структурно представляет собой образ, информационное содержание и интерпретационное поле.
Предполагает обобщение результатов эксперимента на среднем уровне абстракции	Предполагает обобщение результатов эксперимента на высоком уровне абстракции

Семная интерпретация ассоциатов

Значения ассоциатов интерпретируются (переформулируются) как значения семантических компонентов, образующих значение слова-стимула. При этом происходит обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, называющие

один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется.

Например, ассоциаты *добродушный 7, добродушен 3, добрая душа 1* интерпретируются как обозначение одного и того же семантического компонента *добродушный*,

которому приписывается суммарная частотность -11; ассоциаты *обязанность* 74, *обязательство*, *необходимость* 7, *платежом красен* 4, *только так* 2, *надо* 1 описываются как разные реализации семантического компонента *обязанность*, который получает суммарную частотность 89 и т.д.

Обобщению подлежат однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами и под., то есть ассоциаты, фактически номинирующие словесно один и тот же семантический компонент.

Распределение семантических компонентов по семантическим признакам

Под семантическим признаком понимается интегральная часть семы, то есть та ее часть, которая объединяет данную сему с некоторыми другими (ср. семантический признак *пол* в семах *мужской пол* и *женский пол*).

Например, семантические компоненты слова ДОЛГ, выявленные в результате свободного ассоциативного эксперимента с 300-ми испытуемыми, распределились по следующим семантическим признакам (по убыванию яркости):

составляющие 232: *обязанность* 89, *деньги* 75, *ответственность* 37, *необходимость возврата* 21, *тяжесть* 10, , *чувство* 2, «хвост» 1;

сфера проявления 54: *проявляется перед Родиной* 35, *родными* 10 *работой* 3 *другом* 4, *человечеством*, *законом* 1;

последствия неисполнения 5: *расплата* 5
 последствия исполнения 2: *почести* 2,
 вид 2: *священный*, *гражданский* 1,
 носитель 2: *рыцарь*, *собака* 1,
 причина 3 : *карты* 2, *нужда* 1,
 субъект 1: *друг* 1;

3. Семемная атрибуция семантических признаков и семантических компонентов.

Далее выделяются и описываются отдельные значения (семемы) слова, которые вычлениаются на основе различной денотативной отнесенности семантических

признаков и семантических компонентов. В результате становится ясным количество разных семем, реально представленных в ПРЗ слова-стимула, и каждая семема оказывается представленной набором некоторых семантических компонентов, каждый из которых описывается в рамках конкретного семантического признака.

Каждая семема получает краткую дефиницию, основывающуюся на полученных экспериментальных данных, но формулируемую словесно исследователем. Задача этой дефиниции – словесно отграничить данное значение от остальных.

Так, , что смысловое содержание слова ДОЛГ включает три значения, каждое из которых образовано определенными семантическими компонентами в рамках репрезентируемых ими семантических признаков. Эти значения сформулированы исследователем и приводятся с указанием числа испытуемых, актуализовавших каждый семантический признак; сами семы в рамках признака приводятся по убыванию числа актуализовавших их испытуемых:

Значение 1. Морально-нравственное качество человека:

составляющие 136: *обязанность* 89, *ответственность* 37, *тяжесть* 10, *чувство* 2;

сфера проявления 54: *проявляется перед Родиной* 35, *родными* 10, *работой* 3, *другом* 4, *человечеством*, *законом* 1;

последствия неисполнения 5: *расплата* 5;
 последствия исполнения 2: *почести* 1,
 вид 2: *священный*, *гражданский* 1,
 носитель 2: *рыцарь*, *собака* 1.

Значение 2. То, что взято у кого-либо заимообразно:

составляющие 106: *деньги* 75, *необходимость возврата* 21; *тяжесть* 10;

причина 3: *карты* 2, *нужда* 1,
 субъект 1: *друг* 1;

Значение 3. Академическая задолженность: «хвост» 1.

4. Формулирование психологически реальных значений

Выделенные на предыдущем этапе значения теперь формулируются как упорядоченное связное перечисление эксперимен-

тально выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом.

Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение; при каждой семе указывается количество испытуемых, объективировавших эту сему в ходе эксперимента. Семы приводятся в порядке убывания яркости соответствующих семантических признаков, в рамках этих признаков. Семы «внутри» семантических признаков приводятся по убыванию их яркости, то есть по убыванию количества объективировавших их испытуемых.

Ср. ДОЛГ

1. (221 испытуемый). Морально-нравственное качество человека, проявляющееся в наличии у него обязанности 89, ответственности 37, проявляется по отношению к Родине 35, родным 10, другу 4, работе 3, закону, человечеству 1, являющееся тяжелым грузом 10, требует для исполнения совести 8, чести 5, благородства 3, самоотдачи, решительности 1; последствием неисполнения выступает расплата 3, дуэль, месть 1, является чувством 2, последствием исполнения выступают почести, призвание 1, выступает в виде священного, гражданского 1, носителем выступает рыцарь, собака 1.

2. (109 испытуемых). Взятые у кого-л. деньги 75, которые необходимо вернуть 21, вызывают тяжелое чувство 10, которые взяты по причине карточного проигрыша 2 или нужды 1, у друга 1;

3. (1 испытуемый). Академическая задолженность 1.

4. Полевая организация психологически реального значения слова

Далее осуществляется полевая стратификация исследуемого ПРЗ. Может быть проведена полевая стратификация семанты слова в целом (совокупности взаимосвязанных значений слова), а также полевая стратификация каждого отдельного значения.

Полевая стратификация семанты

По количеству испытуемых, актуализировавших разные значения исследуемого слова, можно представить иерархию значений в смысловой структуре исследуемого слова, вычислив индекс яркости значения как отношение числа испытуемых, актуализировавших данное значение в эксперименте к общему числу испытуемых. Основным значением слова ДОЛГ, несомненно, будет являться первое значение (индекс яркости 73,66%), второе значение имеет индекс яркости 36,33% и третье значение – 0,3%.

Таким образом, ядерным значением исследуемого слова ДОЛГ является первое, к ближней периферии принадлежит второе, а третье образует крайнюю периферию.

Полевая стратификация значений

Полевая организация выделенных значений слова ДОЛГ будет иметь следующий вид:

Значение 1 «морально-нравственное качество»:

ядро - обязанность 89,

ближняя периферия - ответственность 37, проявляется по отношению к Родине 35, является тяжелым грузом 10, проявляется по отношению к родным 10,

дальняя периферия – требует для исполнения совести 8, чести 5, проявляется по отношению к другу 4, работе 3, закону, человечеству 1, требует благородства 3, неисполнение предполагает расплату 3, является чувством 2;

крайняя периферия – требует самоотдачи, решительности; последствием, неисполнения может быть дуэль, месть, последствием исполнения выступают почести, призвание, выступает в виде священного или гражданского долга, носителем выступает рыцарь, собака - 1.

Значение 2 «то, что взято заимобразно»:

ядро - взятые у кого-л. деньги 75,

ближняя периферия – деньги, которые необходимо вернуть 21, создающие зависимость человека 10,

крайняя периферия – деньги, взятые по причине карточного проигрыша или нужды, у друга 1.

Значение 3 не может быть стратифицировано из-за бедности выявленного смыслового содержания.

Отметим, что близость по яркости ядерных семантических компонентов первого и второго значений – *обязанность* 89 и *взятые у кого-либо деньги* 75 – явно создает в языковом сознании контаминацию этих двух значений, когда оба значения при обращении к внеконтекстно предъявляемому слову могут актуализироваться практически равновероятно, но при описании психологически реального состава этих значений для языкового сознания первое оказывается вдвое более ярким в смысловой структуре слова, чем второе.

Таким образом, экспериментальное описание психологического значения слова позволяет выявить не только психологически реальные для языкового сознания семантические компоненты, образующие значение, но и дает возможность выявить психологически реальный набор значений

слова, определить основное и второстепенные значения и ранжировать их по психологической яркости в смысловой структуре слова. Кроме того, результаты экспериментального исследования позволяют определить ядро и периферию каждого значения.

Когнитивная интерпретация ассоциатов позволяет осуществить описание *концепта* ДОЛГ; алгоритм когнитивной интерпретации отличается от алгоритма описания психологически реального значения и описан нами в книге «Семантико-когнитивный анализ языка» (З.Д.Попова, И.А.Стернин, Воронеж: «Истоки», 2006, с.163-208).

Подчеркнем, что значение в языковом сознании – это психологически реальное значение слова; лексикографическое значение – результат деятельности лексикографов, а концепт – единица когнитивного сознания человека, которая шире лексикографического и психологически реального, относится к концептосфере человека и выходит за рамки содержания языковых знаков.

РЕЦЕНЗИИ

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

(заметки об учебнике «Психолингвистика» под ред. Т.Н. Ушаковой)

Среди вышедших к настоящему времени учебников по психолингвистике вариант его, предложенный Т.Н. Ушаковой, выделяется своей четкой направленностью: он стремится к расширению круга знаний и понятий психолингвистики и представляет собой очень удачный учебный комплекс, позволяющий увидеть возможные связи с теми коллегами, которые также занимаются изучением вопросов взаимодействия языка и психики, их противоречивой коррелятивностью, обуславливающей невозможность понимания первого без второго и наоборот. Таким образом, это – стыковая работа. И это очень хорошо, ибо тесные и глубокие связи между психологами и лингвистами – давно назревшая потребность.

Расширение круга понятий психолингвистики опирается в учебнике на исходный принцип, предлагаемый для выделения работ психолингвистического характера: *«использование в исследовании (явное или неявное) данных, позиций, подходов и психологии, и лингвистики с целью развития знаний в области природы речи и языка»* (Психолингвистика, 2006, с.14). Этот принцип дает основание для того, чтобы раздвинуть границы рассматриваемой науки, открыть ее глубокую историческую ретроспективу, включить в область психолингвистики многие новые современные темы и факты. В соответствии с данным принципом находится основная структура учебника, который содержит три основные части: история – теория – практика.

Отсюда – солидный исторический очерк развития психолингвистики, а точнее, идей, которые в XX веке были оформлены в виде самостоятельного научного направления. Этот раздел вполне закономерен, поскольку предназначен не только для того, чтобы ввести современную психолингвистику в контекст истории развития научной мысли, начиная с античности, но и

должен помочь студентам-психологам компенсировать отсутствие в их программах таких дисциплин, как общее языкознание и историческое языкознание. А без языковедческих знаний, на наш взгляд, невозможно в полной мере овладеть и психолингвистическими знаниями.

Не менее интересным и солидным является обзор психолингвистических направлений (или школ) исследования в нашей стране. Пожалуй, это первая такая полная попытка представить всю палитру исследований, выполняемых под флагом психолингвистики, и в этом несомненная заслуга редактора и авторов учебника.

В разделе, посвященном теоретическим проблемам современной психолингвистики, с единых методологических и теоретических позиций рассмотрен механизм функционирования языковой способности человека, предстающий перед нами во всей своей сложности и внутренней целесообразности. Особенно интересна, на наш взгляд, концепция онтогенеза языковой способности, в частности, представления автора о прирожденных предпосылках психики младенца, обеспечивающих ему возможность общаться с окружающими буквально с первых дней его жизни и за очень короткий срок сформировать у себя все уровни языкового механизма.

Данные о ходе речевого онтогенеза согласуются с приведенными в учебнике новыми психогенетическими фактами, свидетельствующими о включенности генетических влияний в развитие речи и языка. Эти факты находятся на острие нынешней психогенетики и придают тексту современный характер. Тот же стиль присутствует и в параграфе, посвященном теме отношения речезыковой деятельности с мозговыми структурами.

Теоретический раздел содержит и другие содержательные параграфы: речеобра-

зование и речевосприятие, модели речевой деятельности, семантики речи, данные о языке высших обезьян.

Раздел о прикладных аспектах психолингвистики занимает достаточно важное место в учебнике, свидетельствуя о включенности науки в жизненные отношения людей. Здесь приведены материалы по теме речевого воздействия, речевой диагностики, дефектах и недоразвитии речевой функции.

Завершает книгу краткий футурологический раздел, где автор рисует картину будущего психолингвистики и тенденции ее развития.

Учебник написан хорошим языком, логично выстроен и дает полное представление о психолингвистике как науке и практике в ее современном состоянии. Каждый

раздел учебника снабжен оптимальным списком литературы по теме. Можно отметить, однако, отсутствие одного значащего автора : это Э. Кассирер. Его «Философию символических форм» стоило бы использовать в книге, поскольку она рассматривает то, к чему до сих пор приглядывается научный мир.

В целом следует заключить, что учебник «Психолингвистика» под ред. Т.Н. Ушаковой может быть с успехом использован в учебном процессе для студентов-психологов и студентов-лингвистов, изучающих психолингвистику.

*Д.ф.н., профессор Н.В. Уфимцева,
Д.ф.н., профессор Ю.А. Сорокин*

Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза:

Производное слово. Диалог. Экспериментальные исследования. М.: ИЯЗ РАН, 2006.

Книга Н.М. Юрьевой продолжает цикл исследований в области речевого онтогенеза, проводимых в русле деятельностного направления отечественной психолингвистической школы, и обращена к проблемам, которые в лингвистике традиционно изучались и продолжают изучаться в аспекте «лингвистики детской речи», опирающейся на метод наблюдения и описания языковых фактов в речи детей. Отличает книгу избранный автором подход к изучению процесса становления речи в детстве. С одной стороны, это положения теории речевой деятельности и деятельностного направления в изучении речевого онтогенеза, а с другой стороны – эксперимент, как метод получения материала, на котором строится исследование, сконцентрированное вокруг двух ключевых областей: словообразовательная номинация в онтогенезе речи и диалоги детей- сверстников дошкольного возраста, образованные на основе их совместной деятельности. Выделенные предметные области являются важными ступенями речевого

онтогенеза и своего рода «узловыми моментами», отражающими не только собственно языковые особенности становления речи, освоение ребенком словаря и грамматики родного языка, но и процессы познания и осмысления окружающего мира, умения ребенка пользоваться языком.

Не отрицая в принципе описательный подход и наблюдение, автор ставит перед собой цель показать возможность и продуктивность применения к исследованию выделенных областей речевого развития основных положений отечественной психолингвистики и разработанного в психологии экспериментально-генетического метода (Л.С. Выготский, Л.И. Айдарова, А.Г. Лидерс и др.) как оптимального при изучении интеллектуального и речевого развития ребенка. Тем самым автор стремится не просто регистрировать последовательность появления тех или иных фактов в речи ребенка, а в эксперименте активно моделирует и воспроизводит стадии развития исследуемых явлений с целью выявления их существенных характеристик.

Несомненным достоинством работы является ее теоретико-экспериментальный характер, обширный исследовательский материал, оригинальные экспериментальные методики, высокопрофессиональный способ обработки и представления экспериментальных данных. Все это гарантирует валидность полученных результатов, достоверность которых обеспечивается также опорой на современные лингвистические, психолингвистические и социолингвистические концепции.

В работе формулируются три группы вопросов, последовательное рассмотрение и решение которых в трех главах книги позволило показать возможности деятельностного подхода и экспериментально-генетического метода в изучении становления языковой способности ребенка. Автором рассматриваются такие вопросы, как эволюция метода в исследованиях детской речи; словообразовательная номинация на ранних этапах онтогенеза, специфика производного слова как особой номинативной единицы в речевой деятельности ребенка, связь словообразовательных процессов с когнитивным и языковым развитием, психолингвистические механизмы, обеспечивающие формирование словообразовательной номинации в речи детей; диалог детей- сверстников дошкольного возраста и его связь с развитием у детей совместной деятельности.

Особое место в книге принадлежит проблеме метода, которая не часто обсуждается в работах по детской речи; автор дает характеристику экспериментально-генетического метода и психолингвистического эксперимента как основного инструмента при изучении онтогенеза речи. Предложенный в работе подход является чрезвычайно продуктивным при изучении словообразовательной номинации в речевом онтогенезе и детских диалогов, возникающих в совместной деятельности детей- сверстников дошкольного возраста.

Первое экспериментальное исследование, посвященное словообразовательной номинации на ранних этапах онтогенеза,

направлено на выявление психолингвистического механизма, обеспечивающего словообразовательную номинацию в онтогенезе и ее взаимосвязь с особенностями познания ребенком предметной и языковой действительности. Сопоставляя результаты опытов на разных возрастных срезах, автор выявляет, с одной стороны, психолингвистические закономерности детского словообразования, с другой стороны – особенности развития в сознании ребенка значения производного слова. Автор приходит к выводу, что формирование и функционирование словообразовательных процессов обеспечивается, с одной стороны, развитием познавательной деятельности ребенка в мире культурных предметов в широком смысле, поскольку появление нового наименования связано с означиванием некоторого нового знания о ситуации, предметах, лицах и их признаках. С другой стороны, идет развитие способов языкового выражения этого знания, т.е. накопление того, что автор называет «примарной лексикой», поскольку именно знание простых слов и их значений создает предпосылки адекватного членения производного слова и его восприятия как мотивированной единицы; освоение словообразовательных моделей родного языка; развитие синтаксической структуры высказывания. В основе же порождения производного слова лежит семантический анализ ситуации, который протекает как членение обозначаемого фрагмента действительности на смысловые компоненты, наиболее значимые в данный момент для ребенка и формирование наглядного образа предмета номинации, выступающего когнитивной предпосылкой словообразовательных процессов, и семантический синтез как процесс соединения образного знания о ситуации с возможностями языкового выражения.

Книга содержит много новых наблюдений и данных: о двух типах словообразовательных процессов в детской речи и интериоризации речевого анализа ситуации в онтогенезе, о связи в онтогенезе процессов словообразования и словообразовательных

единиц с познавательной деятельностью детей и с формированием синтаксической структуры высказывания. Это относится и к следующему экспериментальному исследованию, в котором предпринята попытка последовательного применения деятельностного принципа в исследовании детского диалога, возникающего в экспериментальных ситуациях совместного рисования детей и в их игровой деятельности. Психолингвистические изыскания автора привели к выводу о том, что возникновение и развитие диалогического взаимодействия детей-дошкольников и их диалогов тесно связано с развитием совместной деятельности детей. Полученные автором данные свидетельствуют, что в дошкольном детстве диалог детей развивается и функционирует как составная и необходимая часть общего процесса развития индивида и его взаимодействия с окружающим миром в предметной и социальной сферах.

Несомненным успехом рецензируемой книги является типология моделей диалогического взаимодействия детей- сверстников, отражающая ступени развития диалога детей- сверстников от трех до шести лет в совместной деятельности, а также выявление трех базовых коммуникативных диалогических моделей, которые, по мнению автора, образуют коммуникативную структуру детских диалогов. Особо хочется отметить, что автор демонстрирует несомненный талант экспериментатора в такой сложной области как исследование речи и поведения детей- дошкольников. Созданные Н.М. Юрьевой экспериментальные методики несут в себе самостоя-

тельную научную ценность, являясь ценным инструментом для проведения подобных исследований с детьми- дошкольниками.

Естественно, такое масштабное исследование в отдельных своих фрагментах не может не вызвать определенной критики. Так, как нам кажется, «сенсомоторные схемы» Ж.Пиаже и «сенсорные эталоны» восприятия А.В. Запорожца – это явления, возникающие в разные периоды развития ребенка, они не «синонимичны», и нельзя ставить между ними знак равенства, как это делает автор. Вызывают возражение и рассуждения автора об особенностях формирования образа и «речи» у слепоглохонемых детей. Наконец, жаль, что вне поля зрения автора остались новые взгляды отечественных психологов на раннее когнитивное развитие ребенка и на роль в этом развитии антиципации. Впрочем, это, скорее, пожелание на будущее.

Подводя итог, можно смело утверждать, что рецензируемая книга подводит определенный итог всему развитию отечественной психолингвистики детской речи и одновременно делает значительный шаг вперед в области изучения речевого онтогенеза, демонстрируя возможности деятельностного подхода и экспериментально- генетического метода в исследовании становления языковой способности ребенка.

*Доктор филол. наук,
профессор*

Н.В. Уфимцева

Сигал К.Я. Синтаксические этюды / Рос. акад. наук,
Ин-т языкознания. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2006. – 156 с.

Новая книга известного специалиста в области теории языка, плодотворного и интересного исследователя К.Я. Сигала «Синтаксические этюды» представляет собой оригинально задуманное и выполненное (хочется сказать - исполненное) с большим исследовательским мастерством

произведение, посвященное наблюдениям и размышлениям автора над целым рядом синтаксических явлений, либо не получивших должного внимания со стороны исследователей, либо имеющих спорные трактовки. Рецензируемую книгу следует определить не просто как своевременную,

но как совершенно необходимую для современного периода в изучении синтаксиса русского языка и в целом теории синтаксиса и лингвистического знания по ряду причин.

Прежде всего отметим, что несмотря на то, что проблемы синтаксиса давно считаются в современной лингвистике хорошо исследованными, но (как отмечала в предисловии к труду А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» Е.С. Истрина, «в синтаксисе нет конца» [3: 11]), многие из них являются спорными и остаются нерешенными из-за сложности предметной области, обусловленной не только взаимосвязью синтаксиса с общеязыковыми и частноуровневыми закономерностями, но и вовлеченностью синтаксических структур в когнитивно-коммуникативную активность говорящего. В этой связи особенно существенным представляется то, что установка современной лингвистики на изучение языковых феноменов «больших, чем слово» и ее обращенность «к свободному речетворческому процессу» и «тексту как среде функционального генезиса синтаксических структур и их свойств» [5:10, 71] получает в представленных синтаксических этюдах самое очевидное воплощение. Существенным является то, что в рецензируемой работе можно увидеть, что автор не ограничивается структуральной моделью уровней языка, а стремится выделить и подчеркнуть ту часть синтаксической грамматики, которая, по А.А. Шахматову, «рассматривает способы обнаружения мышления в речи» [7: 17]. Так, мы отмечаем завораживающее стремление и внимание автора – по его словам, «состояние души» - к таким языковым явлениям (в языковой системе, комбинации грамматических форм и категорий), функционирование которых в речевой деятельности выводит исследователя к комплексу сложнейших проблем функционально-коммуникативного синтаксиса и психолингвистическим проблемам выделения неочевидных, невидимых психолингвистических процессов и механизмов взаимодействия языка и мышления, коммуникации и

познания, которые и обеспечивают возникновение тех или иных синтаксических явлений (единиц, структур) в языке, речи и художественном прозаическом тексте.

Многие читатели согласятся с мнением, что существует ряд книг, которые, не открывая новую парадигму в науке или не предлагая окончательных решений поставленных проблем, тем не менее принадлежат к категории работ, необходимых каждому специалисту. К подобного рода книгам и принадлежит рецензируемая работа К.Я. Сигала, в которой в форме десяти синтаксических этюдов разрабатываются с опорой на тщательный и вдумчивый анализ значительного фактического материала (эмпирического фундамента работы) разные участки языковой синтаксической системы, ставятся такие сложные и неоднозначные вопросы синтаксической теории, как аналитизм в русском синтаксисе и его эмпирические критерии, функционирование анафоры в сочинительных конструкциях; внутриязыковая дифференциация словосочетания и простого предложения как синтаксических единиц и выяснение природы словосочетания; лексикализация словосочетаний и структурные маркеры этого процесса, контаминация глагольно-субстантивных словосочетаний, синтаксическая синонимия и целый ряд вопросов, представленных в небольших этюдах о русских сочинительных конструкциях с повторяющимся префиксом *полу-* и лексемой *плюс*, относящимся к трудным и нерешенным вопросам вузовского курса синтаксиса, а также в двух последних этюдах, посвященных синтаксической интерференции и синтаксическим архаизмам.

Уже это краткое перечисление показывает, что проблемы, поднимаемые в рецензируемой и сравнительно небольшой по объему работе, не будучи в данном издании представленными в целостной концепции, тем не менее вписываются в разрабатываемую автором общесинтаксическую теорию сочинительной связи и продолжают ранее проделанный большой научный труд, посвященный сочинительной связи

как комбинаторно-синтаксическому механизму в языковой системе и как операциональному механизму в языковой способности говорящего [4: 3]. Автор стремится показать (и пишет во введении), что «синтаксис подобен двуликому Янусу: со стороны синтаксической формы как знаковой сущности он является структурно-грамматическим феноменом, а со стороны поиска и вариаций синтаксических форм в речевой деятельности – психолингвистическим» (с. 4). Так, например, следуя за К. Бюлером в понимании анафоры как «рефлективного знака» (второй этюд, с.16) [1: 355] и одновременно семиотического механизма, К.Я. Сигал отмечает, что в общесинтаксической теории сочинительной связи не получил систематического освещения вопрос о функционировании анафоры в сфере простого предложения, рассматриваемый ранее в основном на уровне сложного предложения (с.14-15). Привлекая значительный фактический материал (более 500 текстовых отрезков) в виде тщательно подобранных примеров из художественной литературы, автор раскрывает суть (психолингвистическую природу, психолингвистический механизм) такого непростого языкового явления, как анафора, имеющего, по словам автора, «наряду с семиотической характеристикой и психологическую, а вернее, психолингвистическую характеристику», ранее единогласно сводимую в теории анафоры лишь к фокусировке внимания и шире – к вниманию как когнитивной способности *homo loquens*'а» (с. 18). Автор подчеркивает, что «анафорическая номинация предмета, в особенности неоднократная, возможна не только и даже не столько потому, что внимание говорящего сфокусировано на названном в antecedенте предмете, сколько потому, что в коммуникативную интенцию говорящего входит намерение отобразить в речевом высказывании различные связи и отношения этого предмета с другими предметами, признаками, действиями и т.д., а также, возможно, дать оценку этому предмету или проявить свое эмоциональ-

ное отношение к нему» (с.19). По мнению К.Я. Сигала, «персеверация любого типа, в том числе в форме анафоры, сама по себе «утомляет» внимание и «затемняет» его фокус вследствие своей информативной недостаточности. В различных же синтаксических условиях, динамика которых в текстообразовательной перспективе как раз и отражает экспликацию говорящим дополнительных связей и отношений попавшего в поле его внимания предмета, анафорическая номинация, в том числе и повторяющаяся, дольше «удерживает» концентрацию внимания и «наращивает» стереотипию фокусного изоморфизма» (там же). Так, на примере одного из подтипов сочинительной конструкции с анафорическим компонентом автор показывает, что «благодаря возникновению анафорического отношения между компонентами, синтаксически связанными в одну сочиненную группу, сочинительная конструкция (далее – СК) становится конструктивно более целостной и в то же время семантически более расчлененной (номинативно обозначенный + анафорический компоненты с общей референциальной соотнесенностью), хотя ее информативная ценность определяется не столько кореферентными компонентами, сколько различием семантики формирующих СК предложноподлежащих словоформ» (с. 24).

Этюд «Сочинительные конструкции и анафора» содержит много новых и интересных сведений, указывающих на «глубинную» аналогию сочинения и анафоры как средства выражения синтаксических связей в прозаических текстах, на ее проявления при порождении речевого высказывания и разнообразие структурных форм взаимодействия осложняющих СК и анафоры (с.18). Так, например, отмечается «тяготение любых СК с анафорическим компонентом к бинарности, т.е. к включению в их состав только двух сочиненных компонентов, в то время как сочинительная связь с союзами открытого типа сама по себе как будто бы не имеет каких бы то ни было внутриязыковых ограничений на ко-

личественное соотношение объединяемых ею анафорических и номинативно обозначенных (неанафорических) компонентов» (с. 28). Заслуживает внимания выявленная в работе тенденция инициальной позиции анафорического компонента в сочинительном ряду для СК с внеструктурным анафорическим отношением (см. примеры на с. 25-28), которая, в свою очередь, по мысли К.Я. Сигала, подчеркивает «исключительность и своеобразную маркированность неинициального расположения анафорического компонента в СК с внеструктурным анафорическим отношением» (см. примеры на с. 29-30). К.Я. Сигал высказывает мнение, что «по-видимому, разная реакция СК каждого из двух подтипов на трансформацию порядка анафорического компонента определяется характером анафорического отношения: если оно является внутрисконструктурным, то позиция анафорического компонента грамматикализована, стабильна; если же оно является внеструктурным, по сути дела текстовым, то позиция анафорического компонента может считаться лишь предпочтительной, ... в целом не фиксированной, а детерминируемой более общими текстовыми закономерностями ...» (с. 30).

Особое внимание в этой части уделяется анализу структуры анафорических выражений, где в качестве важнейшей (и опорной для анализа) категории выделяется понятие (термин) «сфера действия сочинительной связи», не имеющее традиции употребления в данной области; при этом разграничивается его широкое и узкое понимание. Подчеркнем, что «сфера действия сочинительной связи» рассматривается в работе как «сегмент синтаксической структуры предложения-высказывания, включающий» не только «собственно СК», но и «общие и покомпонентные распространители СК всех уровней глубины подчинения и детерминанты, способные выражаться анафорическими местоимениями и тем самым создавать несобственно синтаксическую – референциальную – связность компонентов СК, в том числе и в составе под-

чинительных словосочетаний, между собой» (с. 21). Анализируя в зависимости от характера синтаксической организации речевой материал, автор выделяет три типа анафорических структур (анафорические сочиненные компоненты, анафорические СК, анафорические компоненты в сфере действия сочинительной связи) и устанавливает специфику каждого типа: их подтипы, antecedенты и их размещение в сочинительном пространстве (узком и широким), указывая на принципиальные различия и особенности выделенных типов и подтипов. Все выделенные типы анафорических структур получили в работе обстоятельное описание, в результате которого мы получаем представление о своеобразии связей и «сочленений речи», происходящих в разговорной речи с участием анафоры, которая, как показано в работе, является особым и совершенно необходимым средством осуществления синтаксических связей и в разговорной речи, и в прозаических текстах и одновременно неким своеобразным лингвистическим, а точнее, синтаксическим маркером, высвечивающим рефлексию говорящего при порождении речи и внутренние синтаксические процессы, указывающие на фрагменты и компоненты контекста, где, по словам К. Бюлера, «обнаруживается то, что не может быть найдено на месте самих указательных знаков» [1: 356]. В этой связи можно вспомнить и его же слова, что «язык вполне обходится и неанафорическими средствами выражения связей, так что анафорическое указание ни в коей мере нельзя считать абсолютно незаменимым, тем не менее оно очень эффективно и во многих отношениях на редкость очень характерно для языка» [1: 357].

Автор убедительно показывает, что благодаря возникновению анафорического отношения между компонентами, синтаксически связанными в единую сочиненную группу, СК становится конструктивно более целостной и в то же время семантически более расчлененной (номинативно обозначенный + анафорический компоненты с

общей референциальной соотнесенностью). Ср.: Сегодня в ателье шли старушки – с мужьями и без (с. 24). Рассматриваемые СК по своей грамматической функции предназначены для устранения избыточно-номинативного выражения одного и того же актанта в членах предложения с параллельной связью посредством «анафорической субституции» повторяющегося компонента.

На основе дифференциации анафорических СК по таким признакам, как синтаксическая организация antecedентов, лексико-грамматический способ выражения сочиненных компонентов, свободный/связанный характер структуры анафорических СК, а также возможность/невозможность совмещения в их семантике анафорического и собственно дейктического (первичного для местоимений) оттенков значения автор приходит к выводу, что «... есть основания рассматривать анафорические СК как средство текстового сцепления синтаксических единиц, с одной стороны, и как текстовую, т.е. ориентированную в референциальном плане на текст (а точнее, на предтекст), номинацию не единичного предмета, а целого их множества, характеризующегося обычно бинарностью состава» (с. 31). Ср. В углу стоял *мольберт*, под ним лежали *гири* – и *то*, и *другое* Мамонтов оставлял в гостинице (М. Алданов). Как отмечает К.Я. Сигал, благодаря анафорической СК внимание адресата высказывания может быть привлечено не только к синтаксически обозначенному предметному множеству как к целому, но и к составляющим его элементам по отдельности (с. 32).

Следует отметить и постановку совершенно не изученных в синтаксисе и теории анафоры вопросов соотношения союзов в двух анафорически связанных СК и анафорического согласования в названных структурных условиях (с. 36-38). Полученные результаты и их осмысление вызывают большой интерес, поскольку указывают на наличие семантической основы в соотно-

шении формальных средств выражения сочинительной связи (с. 36-38).

Основываясь на осуществленном таксономическом анализе взаимодействия СК и анафоры, для обоснования возможности (невозможности) отнесения изложенной типологии анафорических структур к ряду универсальных внутриязыковых классификаций автор вносит ряд предложений по дальнейшей разработке обсуждаемой проблемы и пишет о необходимости привлечения данных других языков (в том числе не являющихся генетически и типологически родственными современному русскому языку), равно как и специального исследования экспериментальными методами психолингвистической грамматики [4; 5].

Взгляд автора на такие устоявшиеся в лингвистике понятия, как словосочетания и простое предложение (основные синтаксические единицы), оригинален и одновременно логичен. Интерпретируя явления аналитизма в синтаксисе и его эмпирические критерии (первый этюд, с.5-13), К.Я. Сигал подвергает сомнению статус собственно морфологического аналитизма в русском языке. Соглашаясь с мнением исследователей в том, что «сведение всей палитры элементов аналитизма в грамматике русского языка или какого-либо другого языка флективно-синтетического строя исключительно к синтаксическому аналитизму и разным его формам чрезмерно упрощает и, по сути дела, искажает языковую действительность», К.Я. Сигал вместо единого понятия грамматический аналитизм, которое, по словам автора, «без его дальнейших уровневых делимитаций предстает довольно абстрактно», предлагает ввести более конкретные частные понятия: «морфологический аналитизм» и «синтаксический аналитизм». Здесь автор сосредотачивается на определении эмпирических критериев аналитизма в синтаксисе и рассматривает такие структурные особенности синтаксических построений (от словосочетаний до текстовых сцеплений), благодаря которым синтаксическая форма этих еди-

ниц не замыкается в границах своих непосредственных конституентов, а включает в себя синтаксически связанные с ними элементы контекста (с. 7- 8).

В работе выделяется некоторый ряд эмпирических критериев аналитизма в русском синтаксисе, а именно: 1) двучленность сказуемого, в котором его предикативное (т.е. грамматическое) и лексическое значения выражаются разными словоформами; 2) конкуренция средств выражения грамматических значений управляемых компонентов (беспредложная/предложная словоформа), занимающих в предложении-высказывании одну и ту же синтаксическую позицию; 3) нарушение синтагматической плавности речи, проявляющееся в разрушении непрерывности цепочки гипотактических связей в предложении-высказывании (сегментация, ослабление синтаксической связи, сжатие и опрощение синтаксических конструкций (с.9; см. литературу в книге). По мысли автора, «применение названных эмпирических критериев свидетельствует о том, что в синтаксическом аналитизме есть зоны устоявшегося и зоны синхронных “словом” нормы»(с.9). Например, замена флективного и предложно-флективного способов выражения грамматических значений в словосочетании собственно предложным способом, как отмечает автор, “тормозится” благодаря стабильности системы склонения, поддерживаемой такими факторами, как минимальная представленность несклоняемых имен существительных, акцентологическое укрепление именных флексий и т.д. (с.10). Наоборот, по данным К.Я. Сигала, разнообразные нарушения синтагматической плавности речи, способы ее вторичного синтаксического расчленения являются в высшей степени продуктивными, что проиллюстрировано в работе на примере вставок, т.е. парентезных конструкций, предназначенных для того, «чтобы вторично расчленять текст синтаксически, формировать новые типы синтаксических отношений <...>, создавать прагматическую

неравноценность информационно-смысловых блоков ... » (с. 12).

Наблюдения автора над проявлениями синтаксического аналитизма в русском языке приводят к выводу о том, что формализовать тенденцию к аналитизму в синтаксисе русского языка вряд ли правомерно путем простого перечисления фактов или даже путем их таксономического описания. В связи с этим он вполне обоснованно предлагает «модель полевой структуры», которая позволит более эксплицитно представить «степень аналитизации форм и конструкций на разных участках русской синтаксической системы» (с. 13).

В центре нескольких следующих этюдов находится проблема словосочетания, в русистике последнего времени представленная, по словам К.Я. Сигала, «в духе нормальной науки», т.е. «как некое вполне очевидное и общепринятое знание», усваиваемое в виде привычных теоретических положений, основным из которых является оппозиция словосочетания и простого предложения, опирающаяся на такие признаки, как непредикативность/ предикативность и номинативность/ коммуникативность. По мысли автора, «адекватно отражая лишь какой-то определенный фрагмент языковой действительности ...», они не позволяют при учете реальных условий их создания в актах речевой деятельности «непротиворечиво разбить некоторое множество синтаксических последовательностей (цепочек) на словосочетания и простые предложения соответственно» (с. 57). В этой связи автор высказывает мнение, что «в современной науке о языке пока нет непротиворечивого ответа на вопрос о том, каковы собственно синтаксические основания для выделения словосочетания как коммуникативно несамостоятельной минимальной комбинаторной единицы связанной речи в противоположность простому предложению как минимальной единице коммуникативного плана» (с.59). В реальной речевой деятельности словосочетания могут как воспроизводиться, подобно слову, так и заново создаваться по продуктив-

ным структурным схемам в процессе порождения высказывания, подобно предложению как коммуникативной единице, т.е. их номинативный характер и их лексичность далеко не так абсолютны. Соответственно простые предложения (и шире – предикативные конструкции) нередко используются в номинативной функции (с.57-58). Здесь автор предлагает по-новому взглянуть на обсуждаемые проблемы теории синтаксиса, полагая, что «прямолинейный оппозиционный анализ» словосочетания и простого предложения вряд ли будет способствовать пониманию сути их внутриязыковой дифференциации как синтаксических единиц и выяснению природы словосочетания.

Подход к синтаксическим единицам, который продемонстрировал К.Я. Сигал, на наш взгляд, является продуктивным и перспективным и для чисто лингвистического аспекта в изучении синтаксических явлений, и для психолингвистики, что непосредственно относится к выделенным структурным схемам словосочетаний с детерминируемым субстантивным компонентом (с. 61-67), а также к выявленному автором сложному синтаксическому механизму обязательности атрибутивных компонентов в полипропозитивных простых предложениях, являющимися в формально-структурном плане простыми, «созданными одной синтаксической формой предикативности, а в семантическом плане – сложными, имплицитно устанавливающими определенные логические отношения между двумя пропозициями: «развернутой» и «свернутой» (см. примеры на с. 68). Последнее положение является чрезвычайно продуктивным для психолингвистического моделирования речевой деятельности человека, поскольку, как показывает автор, «обязательность атрибутивного компонента возникает (в подобных случаях) не в структурной схеме простого предложения и не в процессе семантического распространения его субстантивного компонента, а в ходе семантической компрессии двух предикаций, связанных отношениями ло-

гической обусловленности, в «мысленном черновике» (по Л.С. Выготскому) говорящего» (с. 68).

Исходя из теоретического положения о дифференцированности в языковой системе словосочетания и простого предложения как синтаксических единиц (В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева и др.), а следовательно в их построении и структурно-семантической организации одни и те же синтаксические (конструктивные) элементы должны обладать формальными, семантическими и функциональными различиями, автор рассматривает такое синтаксическое явление, как обязательность атрибутивных компонентов, общая специфика которых в синтаксисе заключается в том, что «данный элемент синтаксической конструкции обладает потенциальной синтаксической валентностью и требует для реализации этой валентности и для завершенности данной конструкции обязательного присутствия определенной формы слова, словосочетания или предложения» (со ссылкой на Е.А. Иванчикову, с.60). При порождении высказывания «возникает необходимость распространения части данной конструкции, вызванная синтаксическими или семантико-синтаксическими, но не контекстными условиями, ... поэтому восполняющий синтаксическую конструкцию элемент, вне зависимости от его структурного типа, не может быть подвергнут трансформации опущения, или элиминации». Как пишет автор, «лингвистический эксперимент по опущению таких элементов приводит к «отрицательному» языковому материалу в терминологии Л.В. Щербы» (с.60).

В работе выделяются два типа обязательных атрибутивных компонентов: к первому типу принадлежат те, которые способствуют семантическому распространению одного слова другим словом и созданию словосочетания, к другому – те, которые определены синтаксической и/или семантической организацией простого предложения или его коммуникативно-речевыми вариациями. Проделанный авто-

ром подробный анализ синтаксических конструкций, в которых обязательный атрибутивный компонент выражен именем прилагательным, свидетельствует, что «обязательные атрибутивные компоненты первого типа выполняют конструктивную функцию в процессе семантического распространения детерминируемого субстантивного компонента в словосочетании первого порядка и, осуществляя его информативную конкретизацию, способствуют выражению целого ряда синтаксических отношений на уровне словосочетания, но преимущественно атрибутивных. ... При опущении атрибутивного компонента ... предложение-высказывание теряет структурно-семантическую завершенность и становится аномальным» (ср. *Отворила дверь женщина ... с лицом*), что подтверждает обязательный характер атрибутивного компонента (с. 61-62). Проанализировав эмпирический материал по таким характеристикам, как синтаксическая валентность, синтаксическая позиция детерминирующего субстантивного компонента и структурная схема словосочетания, автор приходит к выводу, что, «во-первых, данные атрибутивные компоненты являются обязательными не в структуре простого предложения, а в структуре словосочетания, т.к. при порождении высказывания их обязательность возникает в результате семантического распространения одного слова другим, а во-вторых, подобные обязательные атрибутивные компоненты на уровне реализации подчинительных связей создают синтаксически неразложимые словосочетания, а на уровне синтаксического членения простого предложения - единый второстепенный член предложения со структурой субстантивно-адъективного словосочетания» (с. 62).

В свою очередь, «обязательные атрибутивные компоненты второго типа являются конструктивно значимыми при речевой реализации отдельных структурных схем простого предложения, а также в особых коммуникативно-речевых вариациях простых предложений, с одной стороны, и

являются результатом компрессии двух находящихся между собой в отношениях логической обусловленности пропозиций с общим субъектом (и реже - объектом), формирующей полипропозитивное простое предложение с атрибутивным компликатором, - с другой» (с. 65). Полученные данные указывают на то, что обязательные атрибутивные компоненты первого и второго типа обладают различиями формального, семантического и функционального плана. «Формальное различие состоит в их неодинаковой реакции на трансформацию опущения (элиминации), семантическое - в их способности и, напротив, неспособности совмещать атрибутивное и обстоятельственное значения, функциональное - в компенсирующей, восполняющей роли обязательных атрибутивных компонентов первого типа в структуре словосочетания с детерминируемым субстантивным компонентом, с одной стороны, и в обеспечении обязательными атрибутивными компонентами второго типа речевой реализации отдельных структурных схем простого предложения и коммуникативно-речевых вариаций простого предложения (сочинение, эллипсис), а также в «свертывании» пропозиций, - с другой» (с. 70-71). Таким образом, предпринятый анализ конкретного материала подтверждает исходное теоретическое положение о том, что словосочетание и простое предложение дифференцированы на синтаксической основе и являются отдельными синтаксическими единицами.

Полученные эмпирические данные позволили автору высказать новые и продуктивные соображения о том, что «словосочетание представляет собой синтаксическую форму, опредмечивающую при порождении высказывания различные речедейательностные операции, а именно: семантическое распространение одного слова (формы слова) другим словом (формой слова) с целью конкретизации номинации или «доставивание» предложения-высказывания определенной синтаксической структуры, с одной стороны, и семантическую компрессию, в частности «свер-

тивание» предложения характеристики по признаку (предикации) в именную группу, вводимую в состав другого предложения» (с. 71). Важно также и то, что автор убедительно показал, что различить эти две «функциональные ипостаси» словосочетания практически невозможно без привлечения лингвистического эксперимента в виде трансформации опущения (элиминации), и тем самым вводит эту исследовательскую процедуру в комплекс экспериментальных методов изучения речевой деятельности и активных языковых процессов.

Особое место среди поднимаемых в книге вопросов, относящихся к проблеме синтаксиса и словосочетания, принадлежит вопросам лексикализации словосочетаний в речевой деятельности, где, по словам автора, «почти любая синтаксическая схема, во многом благодаря ее лексической воплощенности и информационно-когнитивной целостности, становится потенциально номинативной» (с. 73). Здесь особенно важно указать на обнаруженные автором в ходе анализа конкретного речевого материала (русских словосочетаний с деривационно связанными однокоренными компонентами) закономерности лексикализации синтаксических структур в речи, впервые вводимые в научную литературу (с. 73). Предложенная К.Я. Сигалом трактовка проблемы в этюде «О лексикализации словосочетаний» отличается от собственно таксономического подхода, который проводит «демаркационную линию» между фразеологизмами и «свободными синтаксическими генотипами», противопоставляя в то же время лексически и синтаксически несвободные словосочетания, «тогда как в языковой действительности, скорее всего, мы имеем дело со шкалой непрерывной лексикализации (фразеологизации) словосочетаний, т.е. с их функциональной и семиотической перестройкой <...> на пути словосочетания от комплекса к симплексу (в структурно-семантическом отношении) и от порождаемой синтаксической структуры к воспроизводимой и устойчивой

номинативной единице (в функциональном отношении)» (с. 74). В этой части работы дается детальный анализ разных типов словосочетаний с однокоренными компонентами, которые «в той или иной степени продвинулись на пути от комбинаторно-синтаксических образований (фактов речи) к номинативным единицам (фактам языка)»; впервые приводится система синтаксических схем подобных словосочетаний, дается их характеристика и определяются функционально значимые структурные отличия. По наблюдениям автора, все приведенные синтаксические схемы являются в высшей мере продуктивными и свободными (ср. V+Adv.: *громко кричать*, V+N: *слышать разговор* и т.д.), однако, по словам автора, «при условии их лексического наполнения однокоренными компонентами создаются лексикализованные в той или иной степени словосочетания ...» (с.75). На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что «лексикализация в большей степени затронула те словосочетания с однокоренными составляющими, в качестве детерминирующего компонента которых выступает глагол (или слово, подобное ему по своей базовой синтаксической функции – предикативной, например краткое прилагательное)» (с.75-80).

Значительное место в работе занимает проблема синтаксической синонимии, возникающей между двумя функционально эквивалентными предложениями или словосочетаниями, обладающими сходствами и различиями как в семантике, так и в структуре (с.86-111). В отличие от синтаксической омонимии синтаксическую синонимию обычно трактуют как средство обогащения репертуара синтаксических возможностей языка, не предпринимая попыток «выявить коммуникативно-смысловые основания конструктивных различий синонимичных словосочетаний и предложений и тем самым установить прагматическую ценность конкретных синтаксических синонимов в речевой деятельности говорящего» (с.87). Автор отмечает, что подход к решению данной проблемы был предвос-

хищен Г.В. Колшанским, который подчеркивал, что «коммуникативная ценность синонимии зиждется не на их (слов – К.С.) тождестве, но, наоборот, на их различии ...» (с. 87). Понятие «прагматической ценности» синтаксических синонимов, впервые вводимое К.Я. Сигалом, в определенном смысле близко к понятию коммуникативной ценности, о котором писал Г.В. Колшанский.

Поясняя свой подход, К.Я. Сигал пишет, что «в реальной речевой деятельности говорящий постоянно сталкивается с необходимостью выбирать тот или иной языковой знак из синонимической парадигмы, а не сумев остановиться на единственном знаке, использует сразу два (или более синонима), например в пояснительных конструкциях ...». Автор приходит к предположению, «что синонимы, по-видимому, хранятся в языковом сознании человека не в виде парадигматических блоков или тем более не в виде линейных списков <...>, а в виде действующих по принципу динамического стереотипа «связок» слов или конструкций (точнее, их эквивалентов в памяти) и генерализованных, обобщенных, преобразованных в аналоговые структуры контекстов их употребления. <...> Прагматическая ценность синонимов формируется в результате накопления у каждого из них несопадающих контекстов употребления, хотя сама вероятность появления таких «сильных» позиций для синонимов связана с отображением в этих языковых знаках разных концептуализаций явлений и фрагментов объективной действительности» (с. 94).

В работе дается подробная характеристика собственно синтаксических синонимов. Не излагая целиком авторскую концепцию, выделим основные положения предлагаемого подхода.

В наиболее устоявшихся трактовках синтаксическая синонимия ограничивается синтаксическими преобразованиями предложения, т.е., по словам автора, «отношения функциональной эквивалентности в синтаксисе сводятся лишь к трансформационным процессам», тем самым не заме-

чается не только синонимия синтаксических моделей, но «в объект анализа не включаются синонимические отношения в области другой базовой единицы синтаксиса – словосочетания ...» (с.95). Автор подчеркивает, что «в синонимические отношения могут вступать как предложения, так и словосочетания, но основания синтаксической синонимии не могут быть столь же элементарными, как в лексике. <...> Если в лексике синонимическая парадигма формируется словами и лексико-семантическими вариантами как целостными языковыми единицами, то в синтаксисе синонимия моделей предложений или словосочетания не охватывает их как целостные структуры, так как функциональная эквивалентность в синтаксисе должна иметь опору не только в самой синтаксической модели, но и в лексической сочетаемости, в деривационных связях строевых лексем и др. Поэтому синтаксическая синонимия более прихотлива, более избирательна и стремится от уровня синтаксических моделей к уровню лексико-грамматически оформленных предложений и словосочетаний определенных типов» (там же).

Автор ставит и рассматривает вопрос о существовании общих критериев, или оснований, синтаксической синонимии, в равной мере относящихся и к предложению, и к словосочетанию (с. 96, см. лит. к книге). По мнению К.Я. Сигала, такой критерий, как «момент тождества», применяемый в ряде предшествующих работ, относится, скорее, «к метаязыковой операции отождествления, осуществляемой лингвистом при сопоставлении синтаксических синонимов, но не к условию синонимизации двух (или более) различных синтаксических конструкций в речевой деятельности человека». Поэтому он предлагает понятие «близость» (критерий близости), которое, как он полагает, «гораздо в большей степени отражает такое кардинальное свойство порождения речи, как лабильность и возможность достраивания (и перестраивания) синтаксической структуры высказывания в

самом процессе речи. Этим свойством определяется «расслоение» синонимических связей в синтаксисе, выражающееся в наличии двух типов синтаксических синонимов: одноуровневых и разноуровневых» (с. 97; со ссылкой на [2]).

Объектом специального анализа в этой части работы является одноуровневая синтаксическая синонимия, представленная атрибутивными словосочетаниями со структурными схемами «имя существительное + зависимое имя существительное в родительном падеже» (N + N) и «имя существительное + зависимое относительное имя прилагательное» (N + Adj.отн.) в русском языке. Выявляя прагматическую ценность синтаксических синонимов, автор опирается на функциональный подход, при котором близость денотатов языковых знаков определяется по полному или частичному параллелизму употребления, в то время как «взаимозаменяемость языковых знаков служит ведущим критерием их синонимичности» (с. 97-98; со ссылкой на [6]).

Далее автор определяет роль денотативного и сигнификативного значения синтаксической единицы в установлении синонимических отношений применительно к атрибутивным словосочетаниям, при этом он подчеркивает, что «при общности грамматического значения атрибутивности ... синонимия словосочетаний по денотату обобщает структурно разнотипные словосочетания, выражающие единое предметное отношение (т.е. связь одного и того же предмета с одним и тем же признаком), а синонимия по сигнификату обобщает тождественные в денотативном плане словосочетания с учетом тех дифференциальных смысловых признаков, которые различают сходные по характеру выражаемого предметного отношения словосочетания ...». И далее высказывает предположение о том, что «в сфере словосочетаний синонимия по денотату и синонимия по сигнификату не членят весь континуум функционально эквивалентных структур на два типа <...>, а являются прагматическими аспектами синонимии одних и тех же словосочетаний

(или предложений) в процессах понимания речи (синонимия по денотату), с одной стороны, и порождения речи (синонимия по сигнификату), с другой» (с. 99-100).

Отметим, что стремление автора исследовать синтаксическую синонимия в динамическом аспекте как явление, «возникающее не до и не после предложения, а в процессе его реализации ...», приводит его к признанию того факта, что «в имеющихся на данный момент моделях «грамматики говорящего» ... словосочетания чаще всего не характеризуются как синтаксические формы, востребованные в условиях порождения речевого высказывания» (с. 100). Автором предпринята попытка изучения выбора одного из синонимичных атрибутивных словосочетаний в «готовом» тексте, т.е. «так, как если бы его порождение происходило у нас на глазах». При этом автор высказывает вполне обоснованное предположение о том, что послужило причиной выбора говорящим атрибутивного словосочетания той или иной структурной схемы (с. 100-101).

На основе метода «мысленного эксперимента» с синонимичными атрибутивными словосочетаниями (фрагменты из рассказов А.П. Чехова, воспоминаний М. Ардова и др.) установлено, что «языковая сигнификация относительного признака в атрибутивных словосочетаниях с синтаксически зависимыми компонентами N и Adj.(отн.) характеризуется в первом случае концептуализацией отношения между двумя предметами, а во втором – концептуализацией одного предмета с выделением его устойчивого признака» (с.102-103). Одновременно автор приходит к интересному выводу о существовании ограничений на возможность синонимической субституции словосочетаний N+N и N + Adj.отн. Так, например, автор отмечает, что «при наличии «живых» деривационных связей имени существительного и отсубстантивного (относительного) имени прилагательного атрибутивные словосочетания типа N + Adj.отн. достаточно свободно подвергаются в тексте экспериментальному приему

субституции синонимичными атрибутивными словосочетаниями типа N+N, в то время как обратная процедура возможна далеко не всегда». По мысли автора, «из этого следует, что в подобных словосочетаниях синтаксически зависимый компонент N обладает более мощным полем различных сигнификативных смыслов, чем синтаксически зависимый компонент Adj. отн., и создает смысловую маркированность в конкретных синонимических парадигмах атрибутивных словосочетаний ... » (с. 103). В то же время, по данным эксперимента, проведенного автором с носителями литературного языка на материале фрагмента из романа В. Дудинцева, выбор между ними может быть затруднен, так как «фактически предпочтение не было отдано ни одному из синонимичных словосочетаний ...» (с.104).

На основании анализа условий реализации синтаксических синонимов в речевом высказывании (тексте) К.Я. Сигал устанавливает следующие «два способа: единичная синтаксическая конструкция, входящая в определенную синонимическую парадигму» ... и «синонимический повтор синтаксического типа», - «отличающиеся друг от друга степенью эксплицированности оснований для выбора одной синонимичной синтаксической конструкции вместо другой». Он пишет, что «повтор синтаксических синонимов в тексте (как правило, дистантный), представляющий собой разные синтаксические формы выражения одного и того же предметного (денотативно) содержания, маркирует актуализованность последнего в различных контекстных условиях», что, по мысли автора, «позволяет лингвисту сформулировать принципы оперирования синонимичными синтаксическими структурами в речевой деятельности говорящего». Автор подчеркивает, что «такого рода индуктивно-дедуктивный анализ лингвист может проводить на материале одного и того же текста, где в «снятом» виде ... представлены повторяющиеся однотипные речемыслительные действия или даже операции (выбор одного из

синтаксических синонимов), осуществленные одним и тем же говорящим. Повтор синтаксических синонимов в речевом высказывании (тексте) является своеобразным имплицитным естественным экспериментом, который в большей степени характерен для речевой деятельности художников слова и, следовательно, подлежит изучению на материале художественного текста» (с. 105). Изложенная исследовательская процедура используется автором на примере рассказа А.П. Чехова «Тина» (с.105-108) для анализа синонимических повторов синтаксического типа *запах жасмина* и *жасминный запах*, представленных в контекстном окружении в некоторой текстовой последовательности. На основании проведенного анализа автор устанавливает, что выбор одного из синонимичных атрибутивных словосочетаний с указанными структурными схемами при порождении речи обуславливается семантическими, синтаксическими и текстовыми факторами (с. 108-109). Кроме того, автор выдвигает ряд важных положений (принципов), ранее названных им как «принципы оперирования синонимичными структурами в речевой деятельности говорящего» или «об особенностях латентного процесса порождения высказывания», которые сформулированы на с. 110 и являются, по нашему мнению, научным вкладом автора в разработку обсуждаемой проблемы.

Наконец, коротко остановлюсь на одном из последних этюдов, в котором поднимаются проблемы лингвистического анализа природы интерферентных явлений, изучение которых актуально не только для лингвометодики и комплексного изучения феномена второго языка, но и для решения теоретических проблем национально-речевой специфики общения в условиях двуязычия. Автор исходит из вполне очевидного факта, что «лингвистической средой для интерферентных явлений любого типа является высказывание (или текст)» на втором языке, которое «может вбирать в себя неограниченное количество интерференций: относящиеся обычно к разным

уровням репрезентации, они “упаковываются” в целостное речевое произведение” (с. 131-132). Принимая за основу метод исследования интерференций, выдвинутый Н.Г.Михайловской и ориентированный на объяснение интерферентного явления посредством межсистемного сопоставления соответствующих языковых фактов, т.е. по сути, предназначенный для поисков внутренней, структурно-системной обусловленности интерференции, К.Я. Сигал отмечает, что “этот метод не учитывает возможности внешней, социокоммуникативной детерминированности использования в речи билингва тех или иных интерферентных явлений” (с. 133). По его словам, “внешняя обусловленность интерференции может быть сколь угодно нюансированной: от выбора темы и адресата высказывания, ... от арготизации коммуникативного пространства до художественно-эстетической концепции, намеренно реализуемой писателем-билингвом на разных уровнях языкового и межъязыкового варьирования”. Подчеркнем, что автор рассматривает аналитический метод (Н.Г. Михайловская) в качестве первого этапа исследования интерферентных явлений в тексте, следующий этап - это “этап синтеза, на котором выявленные структурно-системные закономерности подводятся под определенную экстралингвистическую доминанту” (там же). В качестве таковой в художественном тексте, вслед за Ю.Н. Тыняновым, автор видит, “эстетическую концепцию художника слова, его авторскую целеустановку ...”, которая “формируется писателем как языковой личностью, раскрывающей свой творческий замысел на определенном языке (родном или неродном), в контексте той или иной национальной культуры ...” (с. 134).

В указанном аспекте в работе рассматривается творчество Исаака Бабеля, писателя-билингва, становление которого как языковой личности проходило в условиях двуязычной среды. По мысли автора, “создавая свои художественные произведения на русском языке, осваивая достижения

русской литературы в области речевой образительности и искусства реалистического речевого портрета персонажей, И. Бабель постепенно выработал собственные воззрения на эстетические возможности русского языка, бывшего для самого писателя вторым ...”. Вместе с тем, как подчеркивает К.Я. Сигал, “анализируя употребленные писателем самобытные конструкции, обороты, образные выражения, нельзя не заметить того, что сквозь нарочитую новизну последних “просвечивает” их укорененность в родном языке Бабеля, т.е. в идише” (с. 135). Рассматривая с этой точки зрения язык персонажей “Одесских рассказов”, К.Я. Сигал демонстрирует, что этот язык “во многом представляет собой речь евреев на русском языке в условиях двуязычия, являющуюся естественной лингвистической средой для интерференции” (с. 136) и особо выделяет тот факт, что наиболее последовательно явления интерференции пронизывают синтаксис диалогических реплик. Преобладание в речи бабелевских персонажей синтаксической интерференции связано, по мнению автора, с “экстралингвистической доминантой”, т.е. с “эстетической концепцией И. Бабеля” (с.136-137). В работе подробно рассматриваются некоторые характерные разновидности интерференций в речи бабелевских персонажей (на материале с субстантивными словосочетаниями, личностных бытийных предложений, конструкций со значением обладания), а также ставится вопрос о типологии интерферентных явлений. Автор предлагает строить эту типологию “на двух основаниях”: во-первых, с учетом уровневой репрезентации данного явления в родном языке билингва; во-вторых, “на каком уровне анализа оно обнаруживается в неродном языке ...” (с.137-139).

Подытоживая, можно сказать, что хотя книга не рассчитана на начинающего лингвиста и в некоторых фрагментах написана довольно трудно, автор придает ее изложению наглядный характер, опираясь и на тщательно подобранный и также тщатель-

но проанализированный эмпирический материал. Мысль автора, а вместе с ней и читателя находится в постоянном движении; касаясь весьма непростых вопросов синтаксической теории, он стремится проникнуть в их суть: пишет ли он об аналитической тенденции в синтаксисе или о синтаксических синонимах, рассматривает ли он «один случай контаминации глагольно-субстантивных словосочетаний», он всегда продвигается по направлению к внутренней (психолингвистической) стороне анализируемых явлений. При этом легко и свободно опирается на материал своих наблюдений: будь то стихотворения русских постмодернистов, демонстрируя на примере вставных (парентезных) конструкций, что конструктивным механизмом их текстообразующей функции является не что иное, как синтаксический аналитизм (с. 10-12); или отрывки из прозы русских писателей (Г. Успенского, М. Алданова, В. Тендрякова, В. Токаревой и др.) при анализе взаимодействия сочинительной конструкции и анафоры и разработке типологии анафорических структур (с. 14-55) или отрывки из романа А.И. Солженицына «В круге первом», используемые с целью выявления структурных особенностей двухкомпонентных сочинительных конструкций с одиночным союзным маркером *ни* (с. 145-154).

Нет сомнения в том, что книга К.Я. Сигала «Синтаксические этюды» – значительный шаг вперед и в области изучения сочетательных свойств слова, и в учении о предложении и синтаксической теории в

целом, равно как и в области изучения внутренней структуры и общих свойств коммуникативных единиц. Эту книгу надо читать, даже опытные лингвисты вынесут из нее много нового, для молодых же лингвистов эта книга, на наш взгляд, может быть наглядным образцом творческого и кропотливого труда исследователя, влюбленного в свое дело, и послужит стимулом в их научной деятельности. Оценивая рецензируемую работу в целом, можно с полным основанием считать, что она представляет несомненный теоретический и практический интерес для специалистов в области теории языка, общего и русского синтаксиса.

Литература:

Бюлер К. Теория языка. – М., 2001.

Везерова Н.М., Сиверина Е.Г. Грамматическая синонимика в современном русском языке. – Самара, 1999.

Истрина Е.С. Работа А.А. Шахматова над синтаксисом // А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. – М., 2001, с. 3-11.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения) – Автореферат дис. доктора филол. наук – М., 2004.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. – М., 2004.

Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных типов. – Новосибирск, 2004.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева-Станден Елена Ивановна, США, Сент-Луис, Миссури, belyaeva@slu.edu

Боронин Александр Анатольевич, к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного медико-стоматологического университета, (495) 684 51 53

Василевич Александр Петрович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, (495) 290 14 64

Гольдин Валентин Евсеевич, д.ф.н., проф. Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, goldinve@yandex.ru

Горошко Елена Игоревна, д.ф.н., проф., зав. каф. межкультурной и деловой коммуникации Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», pelena@lin.com.ua

Григорьев Андрей Александрович, д.ф.н., доц. кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Московского государственного областного университета

Измалков Борис Николаевич, психолог, Всероссийская государственная телерадиокомпания

Казакова Мария Феликсовна, психолог, Московский институт иностранных языков.

Лемяскина Наталия Александровна, д.ф.н., проф. кафедры теории и методики дошкольного и начального общего образования Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, nlemyaskina@mail.ru

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, д.псих.н., проф. психологического факультета МГУ

Никитина Елена Сергеевна, к.ф.н, доц., старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, sima@globonet.ru

Овчинникова Ирина Германовна д.ф.н., проф. кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, iri-ovchinniko@yandex.ru

Павлова Анна Владимировна, к.ф.н., Германия, переводчик, фирма SAP, Anna.Pavlova@gmx.de

Сорокин Юрий Александрович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН

Стернин Иосиф Абрамович, д.ф.н., проф., зав. каф. общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Тарасов Евгений Федорович, д.ф.н., проф., зав. сектором психолингвистики Института языкознания РАН, eft35@mail.ru

Уфимцева Наталья Владимировна, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, nufimtseva@yandex.ru

Фрумкина Ревекка Марковна д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, (495) 290 14 64

Шаховский Виктор Иванович, д.ф.н., проф., зав. каф. общего языкознания Волгоградского государственного университета, shakhovsky2007@yandex.ru

ABSTRACTS OF ARTICLES

Elena Beliaeva-Standen

Gender peculiarities of Russians' compliments

In the following article the authors make an attempt to analyse the realization of complementary speech acts basing on the data of different psycholinguistic experiments. Their results give us an idea of men and women behavior in complementary situations.

Alexander Boronin

Phenomenon of misunderstanding and interpretation of a literary text

The subject-matter of the present article is the phenomenon of Misunderstanding taking place in the interpretation of a literary text. Misunderstanding is considered to be part and parcel of the literary text perception. Misunderstanding predetermines and intensifies the interpretative procedures, hence it should not be treated exceptionally as a negative factor. The system of microtexts (e.g. direct speech microtexts) is devised by a writer to prevent a reader's misunderstanding.

Alexander Vasilevitch

Alcohol loosens the tongue

Chronic drunkards and teetotalers were encouraged to write down words, as many as they could, that were associated to the core notion *drinking*: names of spirits, description of the process of buying and drinking them, occasions for and consequences of the booze, etc. The two groups of Ss significantly differed in the share of various reaction categories. A simple index is suggested to distinguish between the two groups on the basis of the reaction words. Alcoholic vocabulary including about 200 words is attached.

Vladimir Goldin

Russian associative lexicography and investigating age dynamics of associative fields.

The author compares the materials of different Russian associative dictionaries in order to reveal the specific features of word associations depending on the age of the participant of the associative experiments.

Olena Goroshko

IT through Linguistic Consciousness Lenses: Gender Analysis

Based on the underlying assumption that gender is a social and performative construct, the paper describes gender aspects in perception of IT images and symbolic figures in computer-mediated communication (CMC). It also examines the resources and techniques for constructing gender on the Net and investigates the role of the Net as an agent of social change in matters relating to gender. This exploration is aimed towards understanding the ways in which the Net as a very specific and not gender-neutral medium impacts and contributes to the construction of gender and gender practices in our linguistic consciousness.

Andrei Grigoryev, Boris Izmalkov, Maria Kazakova

To the question of the presentation of nature objects and artifacts in the language consciousness it is commonly recognized that there is difference in the semantic processing of words denoting living and nonliving things. However, the sources of this difference are still unclear. Models, attempted to account for this difference, are based on the presupposition that two global categories, living and nonliving things, are two homogeneous domains with respect to semantic processing. The results of this study are consistent with the assumption that there are differences within these domains as to processing involved in a simple categorization task.

Natalia Lemyaskina

Experimental research of communicative personality of pupils of primary school age

In this article the results of research of linguistic personality of a pupil of primary school age are represented from positions of communicative paradigm, within the bounds of which a linguistic personality in communication is regarded by the author as a communicative personality.

The author suggests integrative approach to the research of linguistic personality, which combines methods of traditional linguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, sociolinguistics and pragmalinguistics.

Dmitri Leontyev

From words to reality: the opportunities of the language and the ontological status of the message

The article analyses the boundary area between psychology and linguistics that is the relations existing between two types of realities: the one created by the language and texts and the reality itself. Texts can correlate with the world we live in differently. To pass from the text to the reality it is necessary to penetrate into the text meaning and on the other hand to evaluate the status of the text information (in what way it coincides with the world we live in and the values we respect). Thus the author suggests distinguishing various types of texts functioning differently in our life.

Elena Nikitina

About the semiotic nature of consciousness

The consciousness has a semiotic structure. There are million confirmations of this fact. But for describing consciousness as semiotic formation it is necessary to consider it as the text, precisely, as the Global Text (abstraction of structuralism). By the way, such substance examination of consciousness as the text does not contradict the authority of the Bible statement where is said that before the world was created, the Word had been already existing; he was with God, and he was the same as God. From the very beginning the Word was with God. God made all things through him. The Word was the source of life, and this life brought light to mankind. The text lives and develops in communication; it is born and dies there. Communication covers all spheres of human life, and the text as the intrinsic form of embodied consciousness, reflects their semantics, logic and pragmatics. What is the text structure of consciousness, who is the author, the editor, and the critic – these are problems discussed in semiotic researches of post postmodernist tradition.

Irina Ovchinnikova

About the connectionists interpretation of speech activity

The author of the article deals with the connectionalist modelling of speech activity, origin of speech, development of language competence on the basis of an input treated as perceptive experience (including the communicative one). The author analyses the crucial aspects of connectionalism and gives the examples of children's speech.

Anna Pavlova

Psycholinguistic aspect of inversion

The author analyses the psycholinguistic mechanisms which stand behind the way we percept sentences. It is shown in the article that the word order in the Russian language is formally free. In reality the change of the word order in the Russian language is formally free. In reality the change of the word order can be understood as inversion caused by some stylistic reasons or as inversion connected with a hidden contrast. According to the author's conclusion the difference

between inversion and contrast depends on the lexical meanings of the words and word combinations which build the sentence.

Yuri Sorokin

Cross-lingua-cultural conflicts: retrospective analysis

In the article the author deals with the relations between the language and the culture, analyses some theoretical and practical results which illustrate the way the languages and cultures co-exist. Finally the author draws the conclusion that their co-existence can be looked upon as both conflict and non-conflict.

Iosif Sternin

Meaning in the language consciousness: the specification of its description

In the article the experimental description of the psychological word meaning is in the focus of the author's attention. This description reveals some semantic components which build the meaning as well as gives an opportunity to understand the true complex of the word meaning and ranges them according to their psychological vividness.

Evgeny Tarasov

The image of Russia: the methodology of investigation

The image of Russia as part of Russian language consciousness together with the methods of its investigation is under the author's consideration in the article. The images of the reflective sphere of consciousness and social myths are constructed apart from our everyday reality with which they are connected through other (sensitive) images reflecting human life.

Natalia Ufimtseva

Ethnopsycholinguistics: yesterday and today

This article deals with the history of development and the contemporary state of a particular sphere of interests of Moscow Psycholinguistic School that is ethnopsycholinguistics and its relation to the theory of cross-cultural communication.

Viktor Shakhovsky

Emotions are the basis of human consciousness

In the article the author analyses emotions as an integral part of human consciousness. The adaptive function of it is connected with emotions as the motive of human activity. Emotions are considered to be the operators of objects categorization.

Уважаемые коллеги!

Статьи в журнал «Вопросы психолингвистики» принимаются по электронному адресу:

olg-balyasnikova@yandex.ru

Балясникова Ольга Вениаминовна (ответственный секретарь).

Тел. *p.* (495)290 14 64, *д.* (495) 770 99 79, *моб.* 8 926 211 74 23

Требования к публикации:

- Объем не более 1 авторского листа (16 страниц), шрифт Times New Roman, 14, интервал 1, 5.
- Ссылки на литературу даются в тексте статьи в квадратных скобках, например [Текст как явление культуры, 1989: 93].
- Аннотация на английском языке (70-80 слов).
- Список литературы оформляется по образцу:

Алпатов В.М., Крючкова Т.Б. О мужском и женском варианте японского языка // Вопросы языкознания, №3, 1980.

Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы: Сб. ст. АН СССР, ИЯ / Отв. ред. Тарасов Е. Ф. – М.: Наука, 1986.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Отв. ред. Купина Н.А., Хомяков М.Б. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 595 с.

- Сведения об авторе: Ф.И.О., город, место работы, адрес, контактный телефон, электронный адрес.

Дополнительная информация на сайте: www.iling-ran.ru (страница сектора психолингвистики).